

О. Н. КАБАКОВ

**С МОЛОТКОМ
И САЧКОМ**

ЗАПИСКИ ГЕОЛОГА И ЭНТОМОЛОГА

О. Н. Кабаков

С МОЛОТКОМ И САЧКОМ

Записки геолога и энтомолога

Издательство ВСЕГЕИ
Санкт-Петербург 2008

УДК 55(021)

О. Н. Кабаков. С молотком и сачком. Записки геолога и энтомолога. СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2008. 176 с.

ISBN 978-5-93761-092-8

В книге рассказывается о том, как обыкновенный русский мальчик из простой питерской семьи влюбился в окружающую природу, став настоящим натуралистом.

Еще будучи школьником, он уже знал горные породы и условия их залегания, минералы, научные названия насекомых и растений, особенности ландшафтов и экологии. Попав в Дальневосточную экспедицию, он стал геологом, открывшим крупнейшее месторождение олова Солнечное. Позже, работая в горах и джунглях Вьетнама, Афганистана и Лаоса, нашел еще ряд промышленных месторождений олова и других редких металлов. Попутно им собрана богатейшая коллекция насекомых — около 20 000 видов. По ней учеными-энтомологами СССР, Германии, Венгрии, Англии, США и Канады впервые описано более 400 ранее неизвестных видов. Еще 80 видов описано им самим в научных статьях и в монографии «Пластинчатые жуки подсемейства Scarabaeinae фауны России и сопредельных стран».

ISBN 978-5-93761-092-8

© Кабаков О. Н., 2008

© Художественное оформление.
Издательство ВСЕГЕИ, 2008

Вместо предисловия

Больше полувека назад, в 1950 г., Олег Николаевич Кабаков, успешно окончивший курсы коллекторов при ВСЕГЕИ, был зачислен в Первую Дальневосточную экспедицию. Это определило много дальнейшего знаменательного в его жизни. Через пять лет, после отличной защиты отчета по геологии оловянных рудопроявлений р. Анюй, Олег Николаевич был назначен начальником тематического отряда для изучения гранитоидов хребта Мяочан в Комсомольском районе Нижнего Приамурья.

В день 27-летия, 11 сентября 1955 г., Олег Николаевич сделал открытие нового оловорудного месторождения, которое назвал Солнечное. Отсюда началась его слава первооткрывателя, а в дипломе к Ленинской премии было сказано: «...за открытие и разведку крупного месторождения полезных ископаемых». Дальнейшая жизнь талантливого геолога — это его участие в нескольких зарубежных поездках в составе коллективов советских исследователей, приглашенных в помощь тогда еще развивающимся странам.

Первой такой страной была Демократическая Республика Вьетнам. Сотрудники ВСЕГЕИ — составители Геологической карты ДРВ масштаба 1:500 000 — предложили именно ему возглавить отряд в своей группе. За два года Олег Николаевич сумел так организовать работу, что был открыт ряд новых месторождений полезных ископаемых и сделан подробный отчет о минеральных ресурсах Северного Вьетнама, который (как и Первая геологическая карта страны) широко использовался геологической службой ДРВ.

Как наш Дальний Восток, так и Вьетнам, Афганистан и Лаос интересовали Олега Николаевича также обилием и разнообразием фауны жуков, которых он начал собирать еще в детстве. Мобилизуя своих коллег-геологов, он создал уникальную коллекцию, значительную часть которой обрабатывал сам, пользуясь новейшей литературой и в содружестве со специалистами-энтомологами. Жуками он занимался и продолжает заниматься с особым увлечением, может рассказывать о них, об их повадках бесконечно. Зоологический институт стал для

него таким же близким, как и ВСЕГЕИ, особенно после выхода на пенсию.

Олег Николаевич Кабаков — один из редких по разнообразным научным интересам исследователь. С одной стороны, он геолог широкого профиля — петрограф, минералог, картограф, поисковик впечатляющего уровня, а с другой — энтомолог, специалист мирового класса по жукам.

Представленная книга — подробный и живой рассказ о том, чего может достичь талантливый, увлеченный и целеустремленный человек.

Чл.-корр. РАН А.И. Красный

Чл.-корр. РАН А.И. Жамойда

Детство

Память человека не может проникнуть в минувшие века, но свой век она хранить обязана! Я пишу очерк памяти своей жизни для вас, потомки, поскольку наша семья пережила самые страшные годы истории России.

Родился я 11 сентября 1928 г. в Ленинграде. Крестили во Владимирской церкви, крестным отцом был брат отца Борис Родионович Кабаков, крестной матерью — Татьяна Федоровна Стеклянникова, сестра матери.

Наша семья жила в доме № 3 на Владимирском пр., в то время переименованном в пр. Нахимсона. Мама, Пелагея Федоровна Стеклянникова, родом из Полюстрова, бывшего в то время северным пригородом Ленинграда. Ее отец и мой дедушка Федор Александрович Стеклянников родился в 1858 г., его отец и мать были крепостными графа Кушелева-Безбородко. О прадедушке знаю только то, что у него было много детей, почти все они жили в Полюстрове и на Охте. Дедушка Федор Александрович в раннем детстве поступил на канатную фабрику, принадлежавшую англичанину. Он начинал мальчиком, потом был рабочим, перед революцией дослужился до мастера канатного дела, проработав в общей сложности около 50 лет, и ни разу не болел! Хозяин фабрики, англичанин, считал, что русским рабочим надо платить больше, чем на других подобных предприятиях. По словам дедушки, он перед революцией расплачивался только золотыми монетами — пятерками или червонцами. У дедушки родилось шестеро детей, я застал в живых только трех, самых младших: мою маму, ее брата дядю Павла и сестру Татьяну. Другие трое сыновей погибли в Первую мировую и Гражданскую войну.

В детстве я видел большую фотографию всей семьи примерно 1911—1912 гг. На ней все здоровые и красивые, хорошо одеты, женщины с нагрудными часами на цепочках, в кольцах и серьгах. Видно, что семья имела достаток, хотя не было в ней ни чиновников, ни капиталистов. Все были простыми рабочими на фабриках и заводах, и в лучшем случае питерскими извозчиками. Все жили в добротных деревянных домах, вблизи

знаменитых источников полустровских вод, которые позволяли им иметь отличное здоровье. Года за два перед революцией дедушка Федор Александрович решил обеспечить свою старость и купил на трудовые сбережения (других доходов не было) каменный дом для сдачи жильцам, квартир на 12, стоявший особняком в том же Полустрове. Но началась Октябрьская революция, а с ней и аресты «буржуев». Дедушка, видя такое, поспешил сдать дом государству, что не спасло его от обысков и конфискации остатков сбережений. От более суровых мер его спас племянник Яков, служивший в Красной гвардии и имевший золотое оружие за храбрость. Так советская власть обобрала нашу семью в первый раз. Мой папа Николай Родионович Кабаков родился в 1901 г. в Риге.

Меньше подробностей я знаю про своего другого дедушку, по отцовской линии. Он был так называемым «разночинцем». Родион Исаевич Кабаков до революции работал в какой-то фирме, по-видимому, коммивояжером. По работе ему часто приходилось ездить в Ригу, где он женился на Алине Андерсон, латышке, судя по портрету, красавице. Вся их семья до 1907 г. жила в Риге, говорили они в основном на немецком языке. В упомянутом году случилось страшное несчастье: на Рождество от елочной свечки загорелось легкое платице на младшей сестренке моего папы, она обгорела и умерла. Алина Андерсон, ее мама и моя бабушка, после этого сошла с ума, прожила меньше года и тоже умерла. После таких несчастий дедушка Родион, взяв с собой мальчиков (6-летнего, моего отца, и 4-летнего Борю), переехал в Петербург. Увезти девочку, еще двух сестер моего папы, ему не разрешили латышские родственники. В Петербурге дедушка снял (или купил?) хорошую уютную четырехкомнатную квартиру на третьем этаже «доходного» дома № 3 на Владимирском пр. В 1922 г. мой отец женился, а спустя год женился и мой дядя Борис Родионович. Таким образом, в квартире жили, кроме дедушки, две молодые семьи.

Помню эту квартиру смутно, так как прожил в ней недолго, с момента, когда меня привезли из родильного дома, и до смерти С. М. Кирова, т. е. первые 6 лет. Хорошо помню, что окна выходили во двор-колодец, посреди которого был большой дровяной сарай с отделениями для каждой квартиры дома. У окон были широченные подоконники, на них я любил лежать и смотреть во двор. Из обстановки помню огромное кожаное кресло и письменный стол, принадлежавшие дедушке. Еще помню, что я любил играть серебряной копилкой, полной монеток, они так славно грохотали, если ее потрясти, и большого плюшевого мишку, с которым я спал. Дедушку Родиона я почти не помню, так как он болел и не выходил из своей комнаты. А семья разрасталась: у моей матери до меня родились два сына, но они умерли, не прожив и года, после

меня появился брат Геня. Так как мама работала, она пригласила присматривать за нами бабушку Евдокию Александровну Стеклянникову, нашу «бабусю». У дяди Бори также появился сын Стасик, таким образом, в квартире проживали девять-десять человек. Несмотря на это, в 1934 г. у нас появилась группа «начальства» во главе с управдомом Гордоном — «комиссия по уплотнению». В результате к нам подселили два многодетных семейства, т. е. превратили квартиру в коммуналку!

В это время в Питер отовсюду съезжался «пролетариат», занимая чердаки и подвалы. Через некоторое время они получали ордера и вселялись в нормальные квартиры, изгоняя старых жителей буквально по лозунгу: «кто был никем, тот станет всем!». Старых жильцов они обзывали обывателями, собственниками и мещанами. Жизнь нашей семьи превратилась в кошмар. Помню, как трудно было попасть в туалет или помыться в раковине, и бесконечный крик женщин на кухне. В коридоре стоял длинный ряд ночных горшков, там почти всегда кто-нибудь сидел. Дедушка Родион вскоре умер. Мои родители и дядя Боря решили переехать куда-нибудь, лишь бы не жить в таком аду. Отцу подвернулся обмен: на первом этаже нашего дома была так называемая «дворницкая» — отдельная однокомнатная квартира, холодная и сырая. Дворник дядя Вася не захотел там жить и ему предоставили более уютную квартирку напротив. Мы переехали на новую квартиру, а дядя Боря сменил свою комнату на другую, в Греческом переулке. В новой квартире № 51 была большая комната с окошком во двор, темноватая и сырая, маленькая кухня и кладовка с зарешеченным окном с видом на помойку. Семья жила теперь в одной большой комнате, а кладовку отец использовал как мастерскую: он увлекался радиотехникой и мастерил там приемники. В этой квартире мы прожили с 1934 по 1941 год. Отец был простым рабочим на авиационном заводе № 23 в Новой Деревне, а малограмотная мать — швеей на фабрике. Они были сильно запуганы «начальством»: коммунистами, интернационалистами, воинствующими безбожниками и другими подобными деятелями. Проводилось настоящее издевательство над старым населением Ленинграда.

Судьба нашей семьи еще была относительно спокойна, так как на новую квартиру никто не покушался. А вот соседям не повезло: большинство было репрессировано по доносам партийных «активистов», особенно свирепствовавших после убийства С. М. Кирова, которое было использовано как предлог. Приведу лишь два примера: в одной из уютных квартир нашего дома жила тетя Ириша — подруга моей матери с дочерью Валей — 16-летней девушкой. Мы часто приходили к ним в гости, и Валя любила играть со мной, любознательным мальчишкой. В 1935 г. их, по доносу подонков, проживавших в нашем

доме, выселили в 24 часа в город Аягуз в Казахстан. Их квартира месяц была опечатана, после чего Гордон вселил в нее «пролетарскую» семью, которой достались не только квартира, но и вся ее обстановка, и даже носильные вещи тети Ириши и Вали. Когда они уезжали в Аягуз, Валя подарила мне свою большую коллекцию марок, среди которых было много иностранных. Моя мама их немедленно отобрала и уничтожила, так как панически боялась обысков. Помню, как отец очень боялся отвечать на письма из Латвии от своих родных сестер и уничтожал конверты с марками, которые я выпрашивал для своей коллекции.

Другой пример — квартира военного врача Ивана Дмитриевича, который практиковал не только в царской, но и в Красной армии. Он вышел в отставку по возрасту и в 1936 (?) г. как бывший царский офицер был осужден и, по-видимому, расстрелян. А его семью выселили из квартиры и отправили в ссылку в Сибирь. Квартира была немедленно занята двумя «блатными» семьями.

Себя я помню отрывками, в основном по дачным воспоминаниям, с 1932 г. Летом мы жили тогда в Вырице, на берегу р. Ордеж. Помню, как мой брат Геня учился ходить в специальном приспособлении — стульчике на колесиках без верха — под неусыпным наблюдением бабуси Е. А. Стеклянниковой. Помню, как отец учил меня плавать, я очень боялся, а мама его ругала. А еще помню сильнейший ураган, разразившийся в середине лета. Вокруг нашей дачи падали огромные сосны, стоял грохот и выл ветер. А наша бабуся молилась на коленах перед иконой Божьей Матери. К счастью, ни одна из сосен не упала на наш дом. В следующем году дачу снимали в Александровке, возле парка. Мы часто гуляли с бабусей по его аллеям и заходили в церковь. Помню, как на улице стояло множество людей, задравших головы кверху. А на голубом небе сияла фигура наподобие изогнутой золотой трубы. Все говорили об ангельской трубе из библейского Апокалипсиса и о том, что это знамение, знак грядущих несчастий. И они не заставили себя долго ждать: начался голод, мама для спасения жизни своих детей сдала в торгсин остатки дореволюционного золота, вплоть до обручальных колец. Помню, как у одной сотрудницы во ВСЕГЕИ я увидел на пальце колечко с рубином, окруженным маленькими бриллиантками, и вспомнил о таком же у моей матери. Я спросил: «Откуда у Вас это колечко?» «Моя мать дешево купила его в торгсине», — был ответ. А простым русским дуракам в торгсине ничего не продавали, только принимали золото на талоны.

Запомнилось также лето 1935 г. на даче в деревне Межно, около Сиверской. Мы приехали весной, когда еще цвели яблоны, дорожки в садике перед домом были усыпаны красноватым песком. Внизу за садиком протекал маленький ручеек и

через сотню метров впадал в Оредеж выше деревянного моста. Этот мост был знаменит тем, что под ним в воде лежало много камней, где водились раки. Как-то удалось поймать несколько штук, и мы с братом впервые попробовали их на вкус. Еще вспоминаю очень крупную землянику, растущую вдоль ручья, я сначала боялся ее собирать, думая, что ее посадили хозяйка дачи.

А следующим летом 1936 г. меня начали готовить к поступлению в школу. Надо сказать, что читать к этому времени я уже умел, да и писал печатными буквами. У нашей бабуси было несколько книг, преимущественно религиозного содержания. Помню огромную Библию в бархатном переплете с многочисленными картинками, а также толстую книгу про Петра Великого и Екатерину Вторую. Вот по этим книгам и учили меня читать. Более того, я еще выучил буквы древнеславянского алфавита. Но все эти картинки из Библии, рассказы добрых старушек, приходивших в гости к нашей бабусе, о привидениях, ведьмах, леших и домовых, покойниках и других страшных вещах отрицательно действовали на мою нервную систему. Я стал бояться темноты, плохо спал и просыпался с сильной головной болью.

Летом мы с братом чувствовали себя отлично и никогда не болели. Жили в Сусанино. До сих пор не знаю, что заставляло родителей почти ежегодно менять места для дачного отдыха. Домик, где мы жили, стоял на окраине поселка, рядом с сыроватым хвойным лесом. Через лес шла дорога на р. Суйду, куда мы с бабушкой ходили купаться или в плохую погоду просто бродили босиком по воде. Около домика был глубокий пруд, населенный головастиками, лягушками, жуками-плавунцами и другой мелкой водной живностью. Там же плавали хозяйские утки. А над прудом летали разноцветные стрекозы. Несмотря на запрещение близко подходить к пруду, он тянул меня к себе как магнит. Я мог часами наблюдать за жителями пруда и иногда ловил их и помещал в баночки с водой. А на прогулках в лес или на речку я изводил бабушку вопросами: «Как называется эта бабочка? Куда ползет жук? Зачем муравьи живут в хвойной куче?»... Кроме того, мы все любили собирать грибы, которых в тот год было очень много.

Но вот наступила осень, и я пошел в первый класс. Школа располагалась на р. Фонтанке, почти против Дворца пионеров. В школе выяснилось, что читаю я неплохо, но пишу не так, как надо. Месяцами заставляли писать наклонные черточки и буквы с каллиграфическим нажимом в тетрадах в косую клеточку. А мне это было не по нраву, и школа меня разочаровала. Впрочем, первый класс я окончил на пятерки. В следующем 1937 г. в нашей семье произошли сразу два несчастья: умер дедушка Федор Александрович — отец матери, а также загорелась фабрика, где она работала. Матери пришлось пры-

гать из окна горящего цеха, она попала ногой на булыжник и расколола берцовую кость. Почти всю зиму пролежала в больнице, а к лету ей дали вторую группу инвалидности, назначив мизерную пенсию.

Летом 1937 г. мама уехала лечить больную ногу в Саки (Крым), в грязевой санаторий, и пробыла там до июля. В это время мы с братом и бабусей поселились на даче в Сиверской. Дача стояла на высоком правом берегу р. Оредеж, выше ж.-д. моста. Здесь я особенно заинтересовался живностью оредежских берегов и даже нарисовал первую в жизни «зоогеографическую» карту. На ней я изобразил расположенный внизу у р. Оредеж водоем-старицу, соединенную с рекой узенькой протокой, и печатными буквами вывел названия придуманных мною фантастических стран. А внизу написал «Юг», куда уехала мама. Мы с братом выуживали из упомянутого водоема пескариков и окуньков, а бабуся жарила их на сковороде. Этим летом я познакомился с некоторыми жуками: зелеными полевыми скакунами, плавунцами, могильщиками и синим листоедом, который в массе объедал ольховые листья. А когда из Крыма приехала мама и привезла горсть морских ракушек, засушенного краба и двух незнакомых мне крупных жуков, я был на седьмом небе от счастья. Еще помню, как мы ходили вверх по Оредежи на источник за холодной и вкусной водой. Источник вытекал из небольшой пещерки в нижней части высоченного обрыва красноватых девонских песчаников. На другом берегу располагалась летная школа, где почти ежедневно в воздух поднимались легкие самолеты, тащившие на буксире планеры, а с большими самолетов прыгали парашютисты. Отец в конце лета проводил отпуск в доме отдыха в Сиверской, но довольно далеко от нас. Один раз мы ходили к нему в гости и катались на лодке, но бабуся сильно уставала, а мама в такую даль из-за сломанной ноги ходить не могла. Осенью бабуся уехала от нас в богадельню, и я очень горевал.

Летом 1938 г. мы жили у тети Фроси в Покровке у ж.-д. станции Антропшино. Вспоминаю, как мы с Геней и деревенскими мальчишками ходили за грибами и набрали по маленькой корзинке подосиновиков. Мальчишки сказали, что это мухоморы. Геня поверил и выбросил их, а я им не поверил и свои принес домой. В конце лета мы ездили в Красницы к одному из родственников тети Фроси, которого называли «игрушечный дед». Дома у него была мастерская по изготовлению деревянных игрушек. Зимой брат Геня заболел скарлатиной и ему делали трепанацию черепа после осложнения.

Летом 1939 г. мы поехали на дачу в деревню Запишенье, между Лугой и Толмачевым. У остановки поезда на ст. Толмачево была пристань, от которой ходил маленький пароходик вверх по рекам Луга и Оредежь до ст. Затуленье. Пароходик все время садился на мель, и взрослые мужчины влезали в воду

и его раскачивали — снимали с мели. Местность вокруг деревни была замечательная. Рядом обширный колхозный сад со множеством яблонь, слив, груш, развалины большого каменного помещичьего дома. От развалин начинался спуск к проточному Кельскому озеру (оз. Мерево). Все вокруг цвело, а на цветах множество жуков-бронзовок, и вокруг порхали разноцветные бабочки. Помню, как мы купались и покупали рыбу у рыбаков на Кельском озере. А под осень, когда начали созревать яблоки и сливы, сторож колхозного сада разрешил мне с братом есть их в неограниченном количестве, только чтоб не ломали ветки. Здесь я познакомился с прекрасным жуком — мускусным усачом аромия мосхата, металлически-зеленым с фиолетовыми переливами, обнаружив его на стволике ивы у озера Прачного. Мне настолько понравились эти края, что я даже плакал, когда уезжали домой.

Осенью, на именины 3.10.1939 г., тетушка и крестная Т. Ф. Стеглянникова, учительница биологии, подарила мне детский микроскоп с увеличением в 100 раз. Она также дала мне предметные и покровные стеклышки, научила делать тонкие срезы луковиц и разводить инфузории в настояках из сена. Я не расставался с этим микроскопом даже во время войны, в эвакуации в Новосибирске. А время было беспокойное. Осенью 1939 г. отца, несмотря на маму-инвалида и двух детей, взяли на военные сборы, и он попал в артиллерийскую часть. Участвовал в прорыве линии Маннергейма и провоевал до конца войны с белофиннами. Возвратился он с фронта обмороженным и стал сильно выпивать, чего раньше не было. А я познакомился с соседом сверху И. Я. Кеснером — горным инженером. У него дома была большая минералогическая коллекция, а на стенках комнаты висели ящички с разноцветными бабочками. Он давал мне книги по геологии и минералогии и помогал определять минералы.

На новогоднем празднике 1940 г. я заразился от брата Гени корью и перенес ее очень тяжело: получил осложнение — крупозное воспаление легких. Два месяца лежал пластом в постели и очень боялся пожилого доктора Шапиро. Он ставил мне банки и горчичники и пичкал большим количеством горькой микстуры — хлористого кальция. Я дошел до такого состояния, что отнялись руки и ноги и совсем не мог поднять головы. Но вот наступил перелом и началось выздоровление. За невозможностью ходить на улицу я принялся за книги, которые были окнами в светлый мир! Я читал, и читал, не жалея глаз с развивающейся близорукостью. А какие были головные боли! Но, как говорится, дух закалялся. Книги мне приносила мама из фабричной библиотеки. Были прочитаны книги Жюль Верна, особенно понравились «Путешествие к центру Земли», «Дети капитана Гранта» и «Плутония» Обручева. Эти книги возбудили интерес к минералам и доисторическим животным.

Но особое влияние на меня оказала книга Ж. А. Фабра «Жизнь насекомых» в детском изложении. Она поразила в самое сердце: ведь меня с младенческих лет привлекала жизнь этих крошечных существ. И это было начало — начало захватывающей страсти и интереса к природе. А я в то время был оторван от нее и заключен в четырех стенах полутемной комнаты.

Но настала весна, я выздоровел и был направлен в детский санаторий в г. Пушкин. Там я провел два месяца в окружении полусотни мальчишек и девчонок. Один из мальчиков принес прекрасную книгу «Жизнь моря», которой я зачитывался. Еще помню большие аквариумы с разнообразными рыбками. Нас водили на экскурсии по великолепным дворцам и паркам Пушкина, еще не испорченным войной. Но все, сделанное руками человека, в том числе и Янтарная комната, не произвели на меня такого большого впечатления, как великолепные парки с прозрачными прудами. В то время, как все любовались фонтаном «Девушка с кувшином», мое внимание было отвлечено прекрасным гребенчатым тритоном, зеленовато-черным с ярко-оранжевым брюшком. Но вот санаторные дни кончились и прямо из Пушкина меня перевезли к тете Фросе в деревню Покровское, у ст. Антропшино. Брат Геня не отходил далеко от мамы и катался на самокате. А я, взяв маленький молоток, пошел в долину р. Славянка, где возвышался плоский останец ордовикских известняков «Горбыли», используемый местным населением под пастбище для коз и коров. В обрывах р. Славянка я нашел интересные трилобиты, чертовы пальцы (эндоцерас), ископаемые раковины и жеоды кальцита. Но я еще не знал, что наиболее интересные геологические находки будут на р. Поповка, в трех километрах севернее.

Из-за болезни я отстал от своего класса на один год, и в 1940—1941 гг. учился в четвертом классе, который окончил на четверки и пятерки. За это время прочел множество книг из школьной библиотеки: «Пятнадцатилетнего капитана» и «Таинственный остров» Жюль Верна, «Занимательную минералогию» Ферсмана и томик А. Брема о насекомых. Все эти книги укрепляли мою страсть к изучению природы и мечту о дальних странах. Я с нетерпением ждал весны, и с ее приходом решил начать занятия. Первым теплым воскресным днем я отправился через весь город на трамвае в Старую Деревню, на северный берег Финского залива. В карманах — стеклянная баночка-морилка, пинцетик и маленький сачок из старого мамино чулка. Нужно сказать, что я был страшно застенчив, поэтому с трамвайного кольца, убедившись, что на меня никто не обращает внимания, бодро зашагал в сторону Лахты, вдоль насыпи железной дороги. На ее солнечных склонах уже появилась зеленая трава и желтели многочисленные головки мать-и-мачехи. Около них услышал тихое жужжание и увидел множество мелких пчелок-андрен, садящихся на цветки и на песок

насыпи у многочисленных дырочек — входов в их норки. Рядом летали полосатые осы, которых, под впечатлением книги Ж. А. Фабра, я принял за бембексов; лишь через несколько лет мне стало известно, что это были пчелки-номады, паразитирующие на андренах. Потом увидел большого неуклюжего жука-майку синевато-черного цвета. Он запачкал мне пальцы оранжевой, дурно пахнувшей жидкостью, и я его отпустил. А первым моим трофеем был серый жук-дровосек с длинными усиками, который сидел на сосновом бревне и издавал скрипучие звуки. Я посадил его в баночку-морилку и пошел дальше к цветущим ивовым кустам, возле которых, кроме многочисленных мух и пчел, роились разноцветные бабочки: крушинницы, крапивницы и весенницы березовые. Помахав сачком, поймал несколько мелких жучков-листоедов. Полюбовавшись на кружившихся в лужах жучков-вертячек, я повернул назад и на трамвае поехал домой, полный впечатлений от чудесно проведенного дня. Получив от мамы нагоняй за то, что пропустил обед и запачкал мазутом ботинки, я с великим удовольствием вспоминал этот день и хвастался перед братом Геней замечательным жуком-дровосеком. Солнечным майским воскресным днем я снова улизнул из дома и поехал на трамвае в сторону Полюстрова, где жила моя крестная Т. Ф. Стекляникова. Но проехав ее остановку, добрался до кольца у больницы им. Мечникова, где еще ни разу не был. Вокруг больницы, на песчаной почве, покрытой вереском и брусникой, рос редкий сосняк и небольшие кустики березы и ольхи. Углубившись в лесок, я присел на пенек и огляделся. Над цветущей брусникой роились и гудели шмели. Вдруг, к моему восторгу, вблизи приземлилась крупная и красивая синевато-черная с ярко-красным брюшком и темными крыльшками оса, которую я сначала принял за сфекса (под впечатлением Ж. А. Фабра). Оса принялась копать в песке норку, сильно дрожа и отбрасывая задними ножками струйку песка. Тут мое сердце не выдержало, и я накрыл ее спичечным коробком. Задвинув и приложив коробок к уху, я убедился, что оса поймана. На радостях побежал к крестной. Она очень удивилась моему неожиданному появлению, а я с ходу закричал, что поймал великолепного сфекса и хочу показать его. Выпустив осу на стекло окна, я попросил крестную, по профессии учительницу биологии, определить, сфекс это или нет. К моему разочарованию, крестная ничего толком не сказала, и я понял, что школьные учителя биологии этого не могут. Тут оса полетела к другому окну, где была открыта форточка, и была такова. Через некоторое время я понял, что это не сфекс, а крупная аммофила — охотница за гусеницами бабочек. Крестная проводила меня до трамвая и отправила домой, где мне опять попало от мамы.

После окончания школьных занятий 20 мая 1941 г. мы поехали на дачу к тете Фросе, в деревню Покровское, у станции

Антропшино. Там я подружился с моим сверстником, финским мальчиком по прозвищу Варяга, он стал моим помощником и спутником. Варяга — босоногий белобрысый мальчишка, хорошо знавший окрестности Покровского. С каждым днем мы уходили все дальше и дальше в лес за деревню Гамболово. Этот лес делили просеки на три участка, в нем росли ели, сосны, осины, березы с кленами, липами, серой ольхой, черемухой и лещиной в подлеске. На опушках — разноцветные бабочки, среди которых роскошные пестро-желтые махаоны и дневные бабочки — павлиний глаз, также майские хрущи, облепившие молодые березы. Самый дальний, третий участок леса, пересекался верховьями р. Поповки, которая протекала здесь в неглубокой долине с обрывистыми известняковыми берегами. На всю жизнь запомнился деревянный мостик через речку, на проселочной дороге, с густыми зарослями и множеством разноцветных цветов вокруг. Здесь было царство разнообразных насекомых и птиц, нарушавших тишину жужжанием и пением. Мы с Варягой предприняли самое настоящее изучение долины р. Поповки и с каждым днем уходили все дальше вниз. Ее берега становились все выше, а обрывы известняка все красивей. В них мы нашли множество трилобитов, эндоцерасов, окаменелых морских ежей и различных ракушек, а также жеоды с кристаллами кальцита. И наконец, мы дошли до высокого деревянного моста у деревни Поповка. На правом берегу возвышалась красивая церковь и было кладбище. Под мостом из-под известняков выходили черные сланцы с большими, в два кулака, конкрециями золотистого марказита и черными конкрециями из кристаллов доломита, с зернами галенита и сфалерита в центре, а также довольно крупными кристаллами гипса. Набив карманы этими сокровищами, мы возвращались домой, где мама, привыкшая к моим походам, уже перестала меня ругать. Она кормила нас с Варягой вкусными обедами.

Но вот наступил самый скорбный день в истории России — 22 июня 1941 г. — нападение фашистской Германии. День был солнечный и яркий. После завтрака я побежал к дому Варяги и позвал его в поход. На этот раз, прихватив с собой кусочки картона, школьный компас и карандаши, мы решили нарисовать карту долины р. Поповки, от деревни Гамболово до церкви и моста. Уже солнце было низко, когда я, довольный хорошо проведенным днем, прибежал домой. На меня набросилась мама: «Где тебя черти носили? Началась война и срочно надо ехать в Ленинград!» Пришла тетя Фрося и уговорила маму остаться еще на ночь. Утром мы первым поездом уехали в город, и я не успел попрощаться с Варягой, о чем жалею всю жизнь. А в городе продолжалась мирная жизнь: налетов еще не было. В магазинах были все продукты, а по улицам ходили нарядные люди. По слухам получалось, что война продлится недолго и наша Красная армия разобьет фашистов в ближай-

шие дни. Но с каждым днем становилось все тревожнее. Множество людей отправились на фронт. Папа, который работал на авиационном заводе № 23, был эвакуирован в город Новосибирск.

Через несколько дней на город начались налеты немецкой авиации. По квартирам стали ходить «активисты» и переписывать детей дошкольного и школьного возраста для эвакуации в безопасные районы, как они говорили. Мама была очень нервной и верила этим слухам. Поплакав, она записала меня с братом. На Московском вокзале нас посадили в разные поезда, хотя мама просила нас не разлучать. Ей сказали, что группы собираются по возрастам. Меня с большой группой ребят и девочек высадили на станции Бурга, за Малой Вишерой. Там нас разделили на группы человек по 20 и отправили в разные деревни. К удивлению, в нашу группу вошли разновозрастные дети: у некоторых девочек были младшие братишки и сестренки. Во главе группы была вожатая — девушка лет восемнадцати. Еще на станции я обратил внимание на то, что в общей массе почти не было еврейских детей: их матери были умнее и не отпустили их от себя. Когда пришли в деревню, вожатая, взяв с собой меня и двух старших мальчиков, пошла к председателю колхоза. Он встретил нас хмуро, ворчал, тем не менее распорядился выдать нам картошки, молока и хлеба. Потом мы с другом ходили на ферму каждый день за молоком. Но, конечно, здесь был не пионерлагерь и не дом, и мы жили впроголодь, хотя стояли летние жаркие дни и дети были как дети. Ходили купаться на речку, за грибами и ягодами, гуляли, веселились и не думали о войне. А она надвигалась на нас быстрее, чем на Ленинград, мы оказались ближе к наступающим немцам! Я не вытерпел скудного пропитания и сбежал домой. Ехал без билета, на поезде, который несколько раз останавливался под бомбежками. Добежав с Московского вокзала до дома, я перепугал маму, ведь брат оставался там. На следующий день она попросила нашу родственницу тетю Катю ехать его искать в Большую Вишеру. Тетя Катя привезла Геню, истощенного и оборванного. А вот что случилось с тысячами других, эвакуированных навстречу немцам детей, я до сих пор только гадаю!

В Ленинграде все резко изменилось. Окна домов заклеены крест-накрест полосками бумаги, по вечерам затемнение. В магазинах все по карточкам и большие очереди. На чердаках — ночные дежурства и приспособления для тушения зажигательных бомб. Над городом висят аэростаты заграждения. Наша мама решила ехать к отцу в Новосибирск, и наконец, с последним эшелоном завода № 23 мы отправились в путь. Из окна теплушки я в последний раз взглянул на Пороховской лес с р. Жерновкой и мост над Невой, и эти последние картинки запечатлелись в памяти на всю жизнь.

Эвакуация в Новосибирск

Мы ехали очень долго, почти месяц. Эшелон, нагруженный станками для авиационного завода в Новосибирске, а также с женщинами и детьми, шел очень медленно. Его часто загоняли в тупики и отцепляли паровоз. В таких местах было плохо с водой и питанием, но мальчишкам и девчонкам было приволье. В особенности, если поблизости оказывался какой-нибудь водоем для купания или лесок с ягодами. Помню, как долго стояли на полустанке у Нижнего Тагила на Урале. Рядом оказался небольшой карьер с отвалами щебня из разноцветных камешков. Я начал их лихорадочно собирать и, когда наш паровоз дал гудок отправления, погрузил целую коллекцию с серпентинитом и гематитом. Но мама начала грозиться, что все это она выбросит. Помню также, как эшелон остановился в открытой степи между Тюменью и Омском. Там я нашел груды гравия с большим количеством ископаемых ракушек типа сердцевидок. Из-за них я едва успел сесть в последний вагон уже тронувшегося поезда. Естественно, мама задала мне хорошую взбучку.

Но вот и Новосибирск. Эшелон загоняют на станцию Ельцовка, и мы разгружаемся. Нас встречает отец со своим другом. Ему мы привезли дочку, которую посадили в Ленинграде ее родственники под мамину ответственность. На первое время поселились у этого друга, снимавшего комнату у сибиряков.

Окраины Новосибирска у Ельцовского парка выглядели ужасно. Каменные дома городского типа располагались у железной дороги, за которой был огромный завод № 153 им. Чкалова. А между каменными домами и Ельцовским парком земля была изрезана глубокими оврагами, склоны которых местное население приспособило для постройки многочисленных землянок, наполовину врытых в землю. Образовались настоящие трупцы с узкими тропинками, канавами, заваленными нечистотами, и промоинами. А между оврагами располагались сиблагы — лагеря для заключенных, часть их еще действовала, в других были убраны заграждения из высоких заборов с колючей проволокой и сторожевые вышки. Эти бывшие сиблагы служили для размещения эвакуированных из

Ленинграда, Москвы, Киева и других западных городов. Они сохранили старые названия: «объекты» № 7, 13, 28 и др. Нас поселили в самом дальнем объекте № 28, расположенном у южной окраины Ельцовского парка. Он насчитывал до двух десятков приземистых бараков. В каждом было по два отделения из десятка комнат и общей кухни с широким коридором, который длинными сибирскими зимами использовался барачной ребятней для игр и общения. Кроме того, на нашем объекте были баня и кинотеатр. В бане поочередно мылись мужчины и женщины. Трудно было с водой — на весь объект были две колонки, и мы стояли в очередях с ведрами. Уборные отстояли довольно далеко от нашего барака, поэтому приходилось делать пробежки, особенно мучительные зимой при 50-градусном морозе.

Мне понравилось, что вблизи нашего барака, за небольшой поляной с веткой железной дороги, начинался Ельцовский парк, по сути дела лес. Лес был сосново-березовый с осинами и ивняками в понижениях, в подлеске росли ивы, боярышник и шиповник. Парк пересекала железная дорога, ведущая на щебеночный карьер, где взрывали небольшую гранитную сопку. В этом парке я провел лучшие дни эвакуации.

Особенно тяжелой для нашей семьи была зима 1941/42 г. Мы еще не приспособились к сибирской жизни. Поверив пропаганде, что война скоро кончится, зимней одежды родители не запасли. Единственно, что умно сделала мама, — привезла с собой старую зингеровскую швейную машинку. Это спасло нас от голодной смерти и от сибирских холодов. Мама сшила мне и брату ватные фуфайки и «бурки», на которые надевались резиновые чуни (клееные калоши). Кроме того, мама обшивала сибирячек, приносивших еду и тряпки. Помню, как мы с братом ходили воровать мерзлый турнепс и каменный уголь из огромной кучи за баней. Также стояли в очередях с ведрами за водой у колонки, а потом, шатаясь от слабости, по очереди тащили эти ведра домой. Учились мы в школе № 13, я — в пятом, а брат — в четвертом классе. Непривычно было то, что наш барак заносило сыпучим снегом, и, чтобы открыть входную дверь, приходилось вылезать из окна и откапывать вход. Но вот началась весна, и меня поразила ее быстрота. В начале апреля еще все было в снегу, а в конце все позеленело, даже распустились листья на березах! Зашумели весенние ручьи, а с Оби доносилась канонада тающих льдин. По окончании школы отец выхлопотал для меня путевку в пионерский лагерь на две смены.

Жизнь в пионерском лагере мне очень понравилась. Он располагался в Мочищенском бору, вблизи обрывистого берега р. Обь. Кормили нас неплохо, и я быстро освоился и с разрешением воспитателей стал пропадать в лесу. Мне только было запрещено ходить на Обь, да я и сам туда не стремился: на берегу

в землянках жили рыбаки, а у них были злющие собаки. Зато я обнаружил в лесу старую дорогу, ведущую на карьер, где взрывали гранитную горку. Вдоль этой дороги росло множество больших розовых бодяков и цвели зонтичные, усаженные бронзовками, усачами и другими жуками. Тут же летало множество бабочек: махаонов, многоцветниц и др., а также ос, пчел, шмелей и мух. На кочках грелись гадюки, которых я любил дразнить длинной палкой. Все было бы очень хорошо, у меня собралась приличная коллекция жуков, но моя ветхая одежка постепенно превращалась в лохмотья, да к тому же я заметно вырос из своих рубашек и штанов. На закрытии лагерного сезона состоялся прощальный сбор с костром и песнями. Меня попросили выставить свою коллекцию на витрине для обзора. За это наградили плиткой настоящего шоколада. Мне было очень стыдно получать этот шоколад при всех в рваной рубашке и штанах.

Следующая зима была еще тяжелей, чем предыдущая. Начальство урезало пайку хлеба с 400 до 350 г на иждивенца. Хлеб был как глина, и после него во рту начиналась сильная изжога. Моему растущему организму явно не хватало еды. Я дошел до такого состояния, что тело сделалось дряблым, как у старика, и стал пухнуть живот. Несмотря на это, учеба в школе продолжалась и у меня появились товарищи: К. Карышев и Б. Скавронский. Я ходил к ним в гости и делал выписки у Карышева из «Малой советской энциклопедии», а у Скавронского из Брема «Жизнь животных» (том второй «Членистоногие»). Бабушка Скавронского иногда подкармливала меня обедом. Закончил шестой класс на четверки и пятерки. Весной 1943 г. наш отец получил шесть соток земли за летным полем завода им. Чкалова, примерно в 12 км от нашего дома. Место, где было наше поле, было очень интересным и для меня: лесостепь с высокой травой и деревцами берез, ив, черемухи и боярышника. Мы стали выкорчевывать деревья и вскапывать целину. Под травяным покровом оказался слой почти в полметра отличного чернозема. Поэтому первый урожай картофеля сорта «лорх» оказался очень большим (50 мешков) — мы с великим трудом переместили его в наш подвал. В следующие зимы мы питались в основном картошкой. Но нам с братом по-прежнему не хватало хлеба, и мы пошли работать на завод № 153 им. Чкалова строить самолеты для фронта. Мне было пятнадцать, а брату — тринадцать лет. Сначала нас отправили в учебный класс, где за три месяца мы прошли курсы слесарей и по технике безопасности. Геню определили в цех № 17, а меня в мастерскую при заводууправлении. Проработав там около года, я поступил на курсы техминимума и после них был переведен в контролеры. В 1944 г. в мои руки попали замечательные книги: «Определитель насекомых» под ред. И. Н. Филлиппева (1933 г.), и «Определитель повреждений лесных и де-

коративных деревьев и кустарников» (1940 г.). Эти книги, а также присланная крестной из Ленинграда «Минералогия» С. П. Уклонского (1940 г.) определили круг моих личных интересов. Каждую свободную минуту я отдавал составлению коллекции и наблюдениям за жизнью насекомых и поисками различных минералов, в основном в отвалах гранитного карьера. Там впервые в жизни я нашел касситерит в тонких кварцевых прожилках.

С ранней весны до поздней осени я наблюдал за природой Ельцовского парка и других окрестностей Новосибирска. Пользуясь справочниками и микроскопом, мне удалось определить 345 видов жуков и более 500 видов других насекомых, судя по составленному мною списку сборов 1941—1947 гг. Например, я быстро установил, что вдоль железной дороги живут три вида жуков-скакунов, а в парке шесть видов жужелиц-карабусов. В парке местные сибиряки пасли коров, которые удобряли почву своими лепешками. Летом я видел такую картину: сначала к свежей кучке навоза слетались синие и зеленые мухи, а потом и навозные жуки: афодиусы и онтофаги. Из афодиусов особенной красотой отличались ярко-красные с круглым черным пятном на надкрыльях жуки вида афодиус двухпятнистый, который сейчас почти вымер по всему ареалу от Западной Европы до Прибайкалья. Я наблюдал, как множество разных афодиусов садилось на землю неподалеку от кучки навоза, быстро подползая к нему, они укладывали свои крылышки и внедрялись в навоз. Около кучек навоза их подстерегали крупные хищные жуки-стафилины — емус хиртус, похожие в полете на крупных шмелей металлически-синего цвета с пестрым покровом из густых золотисто-желтых и серых волосков. Эти жуки раскрывали свои длинные челюсти (размах до 1 см) и схватывали афодиусов и онтофагов, не успевших сложить крылышки, за место между брюшком и надкрыльями. Затем они, согнувшись буквой S, ложились на бок и начинали терзать бедных жуков, так что ножки и крылышки разлетались в разные стороны.

Так, в один день 10.06.1946 г. я насобирал с десятков емусов, посадил их в большие гильзы пулеметных патронов, заткнутые деревянными крышечками, и принес домой. А брат Геня, когда я отсутствовал, поместил их в стеклянную банку, где они немедленно затеяли драку. Когда я пришел, в банке было месиво из расчлененных емусов, среди которых копошились два живых, также сильно поврежденных. Отругав братца за вредную затею, я пошел ловить их снова. Потом на северной окраине парка увидел замечательный сухо-гнилой березовый пенёк, населенный десятками жуков: синих рогачиков и блестящих коричневато-черных малых носорожиков. А в Мочищенском бору поймал большую сосновую златку и особого карабуса Шонгера — большого фиолетового жука с мясокрас-

ными надкрыльями. В тот день произошло следующее: пройдя через лес до места, где раньше был пионерский лагерь, я вдруг услышал окрик: «Стой, руки вверх!» (нарвался на часового в неожиданном месте). Ко мне подошел лейтенант и завел в комнату с телефоном. Там он меня обыскал и обнаружил в карманах маленький ножик и кучу стреляных пулеметных гильз, заткнутых деревянными пробками. Он тут же позвонил и сообщил начальству о том, что поймал мальчишку с патронами. Но я возразил, что в гильзах у меня сидят жуки, и он сказал об этом по телефону. Видно, ему ответили: «Гнать его в шею!». Он вывел меня на дорогу, приказал спуститься к р. Обь и уматывать домой. Пришлось возвращаться длинной дорогой под собачий лай. Потом я узнал, что попал на охраняемую дачу Покрышкина.

А в Новосибирске творилось следующее. Там образовался огромный вещевой и продовольственный рынок, где собирались толпы людей. Мы туда ходили редко — покупать что-либо не было денег. Ведь я как контролер получал зарплату 600 рублей, а на рынке буханка хлеба стоила 400 рублей, стакан кедровых орехов — 20 рублей. Кроме продавцов и покупателей, на рынке всегда околачивалось много подозрительных личностей. Особенно инвалиды и нищие. Между ними сновали люди в военных шинелях, обычно без руки или ноги. А под шинелью у них на груди висели доски с военными орденами и медалями, которые они продавали желающим. При этом из кармана доставались соответствующие незаполненные бланки удостоверений и орденских книжек. В 1944—1945 гг. в Новосибирск прибыли сосланные калмыки. Несколько десятков их поселили в пустующих бараках на нашем 28-м объекте. Через несколько дней все они оделись в военную форму и увешались разнообразными орденами и медалями, явно купленными на рынке!

Но вот война с немцами окончилась. Отпраздновали День Победы, и эшелоны с военными двинулись на восток. Началась война с японцами. А меня начали гонять на пункт подготовки допризывников. Помню один случай: человек 20 допризывников с винтовками, с примкнутыми четырехгранными штыками, ходили по кругу и по очереди втыкали штык в набитое соломой чучело. Командовал хромой лейтенант Котов. Ему понадобилось отлучиться на несколько минут и он, назначив старшего — самого рослого парня — Колю Чететкина, ушел. Воспользовавшись этим, Коля скомандовал: «Врага надо уничтожать не только штыком, но и прикладом!». Когда Котов возвратился, чучело в виде порванного мешка лежало на полу.

А соседи-ленинградцы начали постепенно возвращаться домой в Ленинград. Мама также собралась и поехала к крестной Татьяне Федоровне. Там она узнала, что наша квартира на Владимирском проспекте занята. В нашей «дворницкой» по-

селилась семья офицера-интенданта. Маму не пустили даже на порог, а от управдома Гордона она узнала, что поскольку в нашей семье никто не воевал и брони на квартиру нет, то никакой надежды получить обратно квартиру и вещи нет! Так мы были ограблены во второй раз.

Жизнь в Новосибирске продолжалась. В сентябре 1946 г. нас, группу 16-17-летних мальчишек — рабочих завода № 153 (им. Чкалова), отправили на хлебоуборку. Вспоминаю теплушечный поезд, за сутки дотащившийся до степной станции Купино. Там нас посадили в кузов грузовика и стали развозить по колхозам. Я и несколько знакомых мальчишек попали в самый дальний колхоз, в 100 км юго-западнее станции. Колхоз состоял из двух десятков низких глинобитных хижин с соломенными крышами. Население — несколько инвалидов-фронтовиков, многочисленные старики и дети, оборванные, грязные и голодные. Говорили только на смеси украинского и матерного. Накормили нас вареной картошкой и сказали: «Пропадете все в нашем колхозе, бегите в Черниговку, она находится в Казахстане в 15 км от нас. Там законы другие, казахские, и народ живет побогаче!» Утром мы должны были явиться в правление и сдать паспорта и другие документы до окончания полевых работ. Вечером посоветовались и решили бежать в Черниговку. Почти всю ночь шли по пыльной степной дороге под монотонный волчий хор, доносившийся со всех сторон. Рано утром в Черниговке явились к председателю колхоза с предложением поработать у него, если он напишет нам справки. Он обрадовался неожиданным «работникам» и сразу распорядился нас накормить. В колхозной столовой на вольном воздухе положили перед нами огромную круглую буханку вкуснейшего, почти белого пшеничного хлеба и принесли целое ведро молока. А потом мы спали на сеновале, на душистом сене. На следующий день началась работа.

Меня приставили к телеге, запряженной двумя огромными волами. Дали длинную палку их погонять и научили кричать: «Цоб-цобе!» Задание было возить сухое зерно с тока под крытый навес — зернохранилище. Стояли солнечные и тихие дни «бабьего лета». Работа легкая, питание хорошее. Нас кормили разными кашами, чаще из пшенички с тыквой, которая была особенно вкусна, давали огурцы, помидоры, творог, ряженку и иногда даже мясо. Варили также вкуснейшие кисели и компоты из облепихи. По вечерам устраивались девичьи посиделки и танцы под гармошку или патефон. Но все мы, заводские ребята, выглядели заморышами по сравнению с цветущими и здоровыми деревенскими красотками. Каждая из них, несмотря на одинаковый с нами возраст, была на голову выше и на 20—30 кг тяжелее!

А какая роскошная степь расстилалась за околицей! Местные называли ее в мужском роде — степ. Оттуда веяло особы-

ми степными ароматами: чабрецом, полынью и другими сухими травами. Бескрайняя плоская равнина с коричневатой почвой и многочисленными кочками с пучками трав, с небольшими рошицами-колками из корявых березок, осин, ив, боярышника, облепихи, смородины, шиповника и верб. Несмотря на ночные холода, днем в траве стрекотали кузнечики и саранчовые. Из-под ног вылетали кобылки-трещотки с карминово-красными нижними крыльями. Они резко трещали на лету и мгновенно исчезали в траве. Увидеть их там очень трудно, так как сложенные нижние крылья спрятаны под бурными верхними, и их защитная окраска совершенно скрывает насекомое на фоне буроватой почвы. Здесь я впервые увидел аммофилу щетинистую — крупную хищную осу. Она бодро бегала вокруг дерновин травы и, найдя гусеницу бабочки и зажав ее, тащила за загривок в свою норку. Осень сказывалась: трава стала сухой и желтой, жуков было мало, в пыли копошились лишь чернотелки из рода опатрум.

На току была необычная картина: гора пшеницы высотой с деревенский дом, ничем не защищенная от непогоды и расхищения. Кто только ни питался пшеницей в это время: вороны, галки, голуби, воробьи и грачи, множество домашних птиц и четвероногих — кур, гусей, уток, свиней, баранов, коз и даже телят и жеребят. Все они обжирались пшеницей. А дорога, ведущая к элеватору, была покрыта слоем пшеницы в 30 см толщиной, смешанной с дорожной пылью. И тут я проштрафился перед начальством. Подогнав подводу с волами к току и услышав удар по рельсу — сигнал к обеду, я наспех привязал постромки к какому-то колу и помчался на кухню. Пока отсутствовал, волы выдернули кол из земли, подошли к куче зерна и нажрались так, что их всегда обвислые животы вздулись, как огромные шары. У бригадира глаза полезли на лоб, когда он их увидел. Он завопил, что я обкормил волов, и они теперь сдохнут, и меня отдадут под суд за порчу колхозного имущества! Подоспевшие пожилые крестьяне отпрягли обоих волов и, загнав их в маленький пруд, стали гонять по кругу. Волы непрерывно испражнялись и через час — полтора животы у них опали, а старики сказали, что все обошлось.

На следующий день бригадир в наказание поставил меня на самую тяжелую и пыльную работу — напарником к здоровой девке. Мы вдвоем должны были сбрасывать с волокуши, привязанной к комбайну, снопы соломы, которая сыпалась из особой трубы. Волокуша тащилась на тросах за комбайном в облаках пыли и выхлопных газов, а снопы были тяжеленные! После первого же дня я так измотался, что едва дотащился до спального места. Наутро все тело ныло, как после побоев, а днем снова пришлось работать на волокуше. На третий день я сбежал. До Купино было более 100 км и пришлось идти пешком целый день по пыльным степным дорогам. Пил солонова-

тую воду из маленьких озер, заросших камышом, в одном из них выловил зеленовато-черного водолюба — гидрофилуса аттеримуса, которого завернул в бумагу и положил в свою кепку. К вечеру вымотался так, что еле волочил ноги. До ближайшей деревни было далеко, завывали волки, и я стал нервничать, ведь не было даже спичек. Тут послышался шум большого обоза — десятки подвод, запряженных волами, и несколько мужиков и баб. Они везли пшеницу для сдачи на Купинский элеватор. Мне разрешили сесть на заднюю подводку, я зарылся в теплое зерно и заснул, несмотря на немилосердную тряску. Проснулся на рассвете отдохнувшим. Волы едва тащились, и я снова пошел пешком, так как боялся опоздать на поезд.

В Купино, на привокзальной площади, была барахолка, где продавали одежду и еду. Денег у меня не было, пришлось снять рубашку и продать, оставшись в майке и ватнике. Денег хватило на билет до Барабинска и на кусок хлеба и стакан варенца. Толпа атаковала вагоны, команда железнодорожников проверяла билеты на поезд Купино — Татарка. Поезд дотащился до Татарки — станции на Транссибирской магистрали — к вечеру. Там выяснилось, что билет не закомпостировать, так как мест нет и ехать дальше невозможно. А до Новосибирска больше 400 км. Я так устал, что только хотел где-нибудь выспаться. Общий зал на Татарском вокзале был так плотно забит людьми, что и прикорнуть негде. Я нашел другой вход и попал в менее людное помещение для военнослужащих. Было полутемно и на меня не обратили внимания. Люди вокруг что-то ели и пили водку. Я забрался за печку, свернулся калачиком и почти заснул. В этот момент один из офицеров обнаружил, что его обокрали. Поднялся шум. Кто-то закричал, что видел какого-то типа, залезшего за печку. Меня немедленно вытащили и обыскали. Ничего не нашли, так как паспорт хранился в специальном кармане, пришитом матерью на трусы! Пьяные офицеры загалдели, крича, что я успел передать пропажу сообщнику, и поволокли на улицу, грозя расстрелять. Они поставили меня у колеса товарного вагона, и один офицер вытащил из кобуры пистолет. В этот момент кто-то крикнул из темноты: «Беги под поезд!» Я тут же нырнул под вагон, потом под второй и очутился на другой стороне станции. Сзади раздался глухой выстрел и крики, потом все стихло.

Ко мне подошел здоровенный парень и сказал, что это он крикнул «беги». Спросил, куда я еду, и узнав, что в Новосибирск, сказал, что мы попутчики. Он тоже ехал с хлебоуборки и видел меня в Купино. «Скоро придет курьерский поезд Москва — Владивосток, — сказал он, — и если нам удастся на него забраться, можно доехать до Новосибирска почти без остановок». Через час поезд пришел, и мы, взобравшись на «гармошку», соединявшую вагоны, помчались на восток. Было тяжело, приходилось все время держаться, так как сильно

трясло и можно было свалиться вниз. Сильный поток холодного встречного воздуха, смешанного с гарью тепловоза, буквально прижимал нас к невысокому краю вагона, идущего впереди. Я быстро замерз и постепенно превращался в ледышку. Ехали без остановок до Барабинска. Там мы притаились и просидели все 20 минут остановки, не шелохнувшись. А дальше все повторилось снова, и по прибытии на главный перрон Новосибирского вокзала меня охватило какое-то оцепенение и безразличие. Мой спутник спустился с гармошки, не привлекая внимания толпы пассажиров на перроне, и быстро смешался с ними. А я, через некоторое время, с трудом спустившись с одеревенелыми ногами на перрон, угодил прямо в руки дежурного по вокзалу — железнодорожника в ярко-красной фуражке. Он схватил меня за шиворот и в темпе доставил в железнодорожную милицию. Там потребовали документы, и я подал им свой паспорт и заводскую справку. Дежурный, посмотрев документы и взглянув издали на билет, возвратил мне их и прибавил: «Теперь беги домой!» Мучения мои кончились, и путь через весь ночной Новосибирск показался мне уже легким. Всю дорогу я почти бежал, среди ночи разбудив родителей, ввалился в нашу комнату и рухнул на кровать. Наутро у меня выскочил на шее фурункул, и этим закончилось приключение.

А в другой раз, во время поездки на заводское подсобное хозяйство, я заметил, что перед станицей Сокур от Транссибирской магистрали отходит железнодорожная ветка. Она шла в сторону, где на горизонте синели невысокие сопки. И мне так захотелось там побывать! От старших рабочих я узнал, что по будням по этой ветке ходит рабочий поезд, так как там расположен военный завод. Но в нем милиция часто проверяет документы. Получив на заводе отгул, я рано утром сел на этот поезд, прихватив с собой на всякий случай паспорт. Через час очутился на станции Заводская. Милицейского патруля не было. Оглядевшись и убедившись, что на меня никто не обращает внимания, я бодро зашагал по тропке в сторону сопки. Стоял великолепный солнечный день начала июня 1947 г. Воздух был наполнен пением жаворонков, а из кустов доносилось чириканье других птичек. Сначала склон был очень пологий и покрыт разнотравной лесостепью. На черной влажной земле цвело множество «огоньков» — оранжевых сибирских купальниц. Между ними торчали беловатые метелки черемичи и розовые саранки. Попадались также группы цветущих кустарников и небольшие рощицы из боярышника, рябины и шиповника. Насекомых было полно: по земле сновали красивые разноцветные жужелицы карабус регалис, на черемичах сидели гребенчатоусые щелкуны, а на цветах рябины — бронзовки. В воздухе роились бабочки: боярышницы и другие белянки, желтушки, дневные павлиньи глаза и многоцветни-

цы. Но вот и склон сопки, покрытый редкими соснами и пихтами. Воздух наполнился ароматом пихтовой смолы. Очень жарко и хочется пить. С вершины сопки проглядывают контуры еще нескольких сопок, тающих в синеватой дымке. На вершине стволы сосен и пихт торчат прямо из охряно-желтой гранитной дресвы. Местами земля сплошь покрыта ландышем, который цветет и насыщает воздух своим неповторимым ароматом. Душу охватило радостное чувство полной свободы. Хотелось, как на крыльях, подняться к синему небу и сияющему солнцу вместе с жаворонками и ласточками. Здесь летало множество быстрокрылых пестрых махаонов и изредка пролетали белые с красными пятнами аполлоны. Наловив множество разнообразных жучков и удачно преодолев заграждение из колючей проволоки, я вышел на знакомую железную дорогу, проходящую мимо нашего барака на гранитный карьер.

Возвращение в Ленинград

Отец уж вознамерился навсегда остаться в Новосибирске и говорил об этом совершенно серьезно. Но я решил вернуться в Ленинград, хотя бы в одиночку, и стал хлопотать об увольнении с завода. Это мне удалось в марте 1948 г., хотя и с большим трудом. И вот, наконец, еду в Ленинград, в битком набитом поезде Новосибирск — Москва. По приезде в Москву тут же купил билет на ночной поезд. Рано утром прибыл в Ленинград и сразу же пошел к крестной Татьяне Федоровне, на 9-ю Советскую улицу. Она работала директором одной школы на Охте и жила с приемной дочкой Леной в большой комнате. Кроме нее, в этой квартире жил ее брат — мой родной дядя Павел Федорович, который согласился, чтобы я остановился у него. Квартира была обыкновенной коммуналкой, в ней еще четыре комнаты, где жили разные семьи, и большая общая кухня. Крестная сразу начала хлопотать о моей прописке. Но не тут-то было! В паспорте стояло «место рождения г. Ленинград», но он был выдан в Новосибирске. Сначала милиция хотела направить меня служить в армию и послала на медицинскую комиссию. Там мне дали «белый билет» о непригодности по зрению. В общем в прописке было отказано. В квартиру начали регулярно наведываться милиционеры и охотиться за мной, как за преступником. Грозилась меня арестовать и выслать на 101-й км на лесоповал. Тетушка сильно перепугалась, и мне пришлось ночевать по очереди у разных родственников и знакомых. И только через два месяца завхоз школы, где работала крестная, прописал меня за взятку в 400 рублей в разбомбленный дом на шоссе Революции. Туда пороховская милиция прописывала таких горемык, как я. После прописки я поступил на работу слесарем в мастерские квартирно-эксплуатационного управления Ленинградского военного округа. Летом Татьяна Федоровна с Леной отправились на отдых в Белоруссию, а я остался в городе и ходил на работу, а по воскресеньям совершал экскурсии в разные места Ленинградской области, чаще всего в Пороховское опытное лесничество, до которого легко было доехать на трамвае. В этом лесу я об-

наружил очень красивых карабус нитенс ярко-зеленого цвета с фиолетовыми ребрышками на надкрыльях и крупного краснокрылого стафилина цезареус, не считая других, более мелких жуков. Съездил я и в деревню Покровское, где нашел нашу знакомую тетю Фросю с ее дочкой Олей. Они жили в маленьком деревянном домике, построенном после сгоревшего во время войны их большого дома. Оттуда я сходил на р. Поповку, но там мне не понравилось, так как немцы, опасаясь партизан, вырубали леса и от них остались только пни. Потом, в конце лета, съездил на станцию Саблино и ходил на карьеры-каменоломни, где было много красивых трилобитов. А летом на работе я нашел штабель необработанных дубовых досок, по которым бегали десятки красивых жучков-усачиков рода плагинотус двух видов: п. аркуатус и п. детрикус.

Мастерские, где я работал, были окружены высоким каменным забором с колючей проволокой наверху. За этим забором рядом с нашей мастерской располагались военные склады. Несколькое раз я видел, как двери одного из складов широко раскрывались, и в нем виднелись длинные полки, заставленные «военными трофеями»: разнообразным антиквариатом, явно вывезенным из побежденной Германии. У входа на склад, охраняемый солдатом, выстраивалась очередь, преимущественно из упитанных женщин, как правило, определенной национальности. Все они потрясали бумажками, по которым офицер, начальник склада, пропускал их по очереди внутрь. Выходили они со свертками и набитыми сумками. Один раз, когда я работал коллектором в экспедиции, главным геолог А. И. Савченко послал меня за текстом проекта на дом к одной машинистке. Зайдя в ее комнату, я увидел, что на стенках полки, как на складе, а на них невиданное количество бронзовых часов, статуэток и фарфоровых ваз. Сразу вспомнился склад КЭУ ЛВО. Еще подумал, что все это она могла награть в квартирах умерших от голода соседей-блокадников. А моя крестная, жившая до блокады в деревянном домике в Полюстрове, спаслась только потому, что в 1943 г. ее домик решили разобрать на дрова. Ей предоставили комнату в квартире на 9-й Советской улице. Перед переездом она обследовала чердак домика и обнаружила там большую 10-литровую бутылку с рыбьим жиром. Это и спасло ей жизнь. А дочку она привезла в июне 1945 г. из Белоруссии. Ее отец, ленинградский учитель и друг крестной, погиб на фронте, а мать давно умерла. Лена осталась круглой сиротой. Когда я приехал, она училась в восьмом классе. В Ленинграде, в отличие от голодного Новосибирска, с продуктами было хорошо. В магазинах продавались хороший хлеб и разнообразные булочки, лежали разные сорта колбасы и рыбы, крабы, конфеты и шоколад. Я же от всего этого отвык. Дядя Павел, в комнате которого я жил, работал в порту грузчиком. Во время войны

он служил в морской пехоте в Кронштадте. Он был запойным пьяницей и после зарплаты покупал ящик водки, килограмма два колбасы и хлеб. Затем запирался в своей комнате и пил водку, бутылку за бутылкой, а когда она кончалась, он снова выходил на работу. В такие дни я переходил спать в комнату к крестной.

Весной 1949 г. из Новосибирска вернулись мои родители с братом. Они больше не захотели там жить — их два раза обокрали. Последней каплей послужила пропажа любимой маминной козочки, которую украли калмыки. Отец сразу хотел вернуться на свой старый завод № 23. Но там не помогали с жильем. Тогда крестная устроила его завхозом в школу на Охте, где предоставлялась служебная жилплощадь — директорская квартира. Кроме нас, в ней проживали еще две семьи. В этой квартире мы и оставались до 1961 г.

Я более или менее стал регулярно вести дневники. Они сохранились далеко не за все годы, причем больше всего в них сведений о насекомых, часто только списки собранных видов. Но есть зафиксированные сценки из жизни насекомых, особенно жуков. С другой стороны, есть описания ландшафтов, экологические наблюдения и некоторые данные по геологии. Очень мало о людях и событиях. Поэтому романа из моих записок не получится. Тем не менее, события прожитых лет вспоминаются в подробностях, часто немного приукрашенных. Я один из тех людей, которые чувствуют себя самими собой только среди дикой природы, как можно меньше затронутой цивилизацией. Несмотря на то, что детство и юность я провел в больших городах, мне всегда становится не по себе в уличной толпе. С раннего возраста я питал отвращение к различного рода массовкам: от пионерских сборов до профсоюзных и производственных собраний. Никогда не состоял ни в комсомоле, ни в партии и никогда не стремился в политику. Не был в активе ВСЕГЕИ, где проработал 40 лет. Меня часто спрашивают, как я стал геологом, не окончив соответствующего высшего учебного заведения.

Мой путь в геологию

Путь мой в геологию начался в 1949 г., когда я поступил на коллекторские курсы при ВСЕГЕИ. Родители были против — ведь работая в мастерских КЭУ ЛВО, я получал до 1000 рублей в месяц, а курсантам платили стипендию 280 рублей. На курсы принимали с 9-10-летним школьным образованием, а соответствующей бумаги у меня не было. Найдя свою старую справку об окончании 6-го класса, я переделал цифру на 9. Приняли меня с большим трудом. Но на курсах я учился хорошо, и по всем предметам, кроме истории партии, получал пятерки. Начальником курсов был П. Н. Варфоломеев. Учились 6 месяцев и проходили общую геологию, стратиграфию, петрографию, геоморфологию, топографию, минералогия и историю партии. Уроки минералогии нам преподавал Е. И. Нефедов, я лихо определял сульфиды и другие минералы, с которыми частично познакомился еще под руководством И. Я. Кеснера. Другие сокурсники потихоньку подсовывали мне свои образцы, и я определял минералы и для них. Наша группа состояла из 50 молодых парней в возрасте 18—20 лет, энергия в нас была через край. Мы устраивали шумные игры в коридоре у большого зала Ученого совета ВСЕГЕИ, пугая старушек-сотрудниц. На курсах я подружился с А. Бовиным, М. Школиным и некоторыми другими курсантами. Помню, как весной 1950 года я и М. Школин съездили в Саблинские пещеры и привезли оттуда несколько летучих мышей. Их в пещерах было великое множество. Мы потихоньку выпустили мышей во время занятий в зале Ученого совета. Они стали лихо летать вокруг люстр, и занятия были сорваны. В апреле 1950 г. начались экзамены. Историю партии у нас преподавал молодой «Швондер». Почти все курсанты игнорировали его лекции и на экзаменах признавались, что ничего не знают. Преподаватель всем ставил тройки. Один Б. Любовичин стал спорить по поводу тезисов какого-то съезда. Наконец, преподаватель взъярился: «Садись, тройка!» Весь курс потешался над ним.

Но вот экзамены сданы. Меня зачислили коллектором в Первую Дальневосточную экспедицию Всесоюзного аэрогеоло-

гического треста ВАГТ. Она была создана специальным указом правительства «для быстрейшего освоения производительных сил Дальнего Востока СССР». Этот указ на всем протяжении моей работы в экспедиции — 11 лет (1950—1961 гг.) висел в рамке на стенке кабинета ее начальника. В экспедиции я впервые почувствовал себя человеком. Ведь когда был простым рабочим на заводе в Новосибирске и в мастерских КЭУ ЛВО, окружающие давали мне понять, что я нахожусь на самой низкой ступени общества. Работа была тяжелая и грязная. Но угнетало не это, а то, что в лицо дышит перегаром мастер и все вокруг изъясняются в основном на матерном языке. Молодежи давали самую грязную и невыгодную работу, а работающие рядом товарищи беззастенчиво крали инструмент и детали. Поступив в экспедицию, я смотрел на начальников геологических партий и геологов, как на высокообразованных специалистов, увлеченных своим делом. Некоторые из них действительно стали известными учеными, кандидатами и докторами геолого-минералогических наук: М. Н. Афанасов, Е. Б. Бельтнев, А. И. Жамойда, Э. П. Изох, К. Б. Ильин, А. И. Савченко, В. В. Русс, В. К. Финашин, К. М. Худолей. Но большинство разбиралось в геологии и минералогии гораздо хуже меня. Ленинградцев в экспедиции было мало, она была укомплектована «молодыми специалистами» из вузов Киева, Львова, Черновиц, Кишинева. Многие учились в Горном институте и Ленинградском университете. Все они имели различные льготы: дотации на жильё, на проезд и др. Многих материально поддерживали семьи, присылали деньги и продукты. Но все они были настоящими агнцами по сравнению с другой половиной экспедиции — хозяйственниками. Особенно не повезло с начальниками экспедиции: за время моей работы их сменилось восемь, также три главных геолога и множество заместителей по хозяйственной части. Первым начальником был С. А. Музылев, он перешел во ВСЕГЕИ ст. научным сотрудником. После него были Хапаев, Глушанин и Долбнин, они сменились в первый год моей работы (я не запомнил их имена). Потом Н. Л. Рабинович и Г. Г. Марченко. Последний командовал экспедицией три года. При нем экспедицию перевели во ВСЕГЕИ. Еще пять лет руководил П. П. Емельянов, которого сняли общим собранием экспедиции в 1958 г. Последним начальником при мне был В. П. Здориченко. Главными геологами были Н. В. Иванов, А. И. Савченко и Т. А. Милай. Отделами кадров командовали С. М. Фарбер и Г. Ф. Траншель, а главным бухгалтером был Кантарович-Крутицкий. В бухгалтерии, плановом отделе, отделе по снабжению, машинописном бюро и геологических фондах трудились в основном партийцы. Они составляли основу партячейки экспедиции и были «активом», т. е. выступали на различных собраниях и совещаниях по любому поводу. С учетом их деятельности экспедиция стала по-

ходить на пресловутый трест «Геркулес» из «Золотого теленка» Ильфа и Петрова. Чем занимались эти «деятели», трудно себе представить! Например, списать мешочки для образцов и проб, стоптанные рабочие сапоги, обгоревшую палатку или старый спальный мешок в нашей бухгалтерии было почти невозможно. Бухгалтерия под руководством Кантарович-Крутицкого изображала из себя «неподкупный орган, стоящий на страже интересов государства». Каково же было узнать, что после составления ежегодного финансового отчета хозяйственники экспедиции запирались на ночь в бухгалтерии. Они делили между собой «побочные доходы», и немалые! Как мне сообщил один из участников этого дела, «бухгалтерские крысы» превосходно умели переводить безналичные деньги в наличные, и суммы достигали больших величин. И это при И. В. Сталине, Н. С. Хрущеве и Л. И. Брежнев! В 1959 году экспедицию перевели в ДВТГУ (Дальневосточное геологическое управление), но временно оставили в Ленинграде. А в 1961 г., переименовав экспедицию в Зейскую, отправили в город Зею Амурской области соответствующим приказом Министерства геологии СССР. В Зею поехали в основном иногородние специалисты, не имевшие жилья в Ленинграде. Многие перевелись во ВСЕГЕИ, некоторые в Хабаровск, в ДВТГУ. А я, проведя в Зейской экспедиции полевой сезон 1961 г., отправился прямо оттуда в заграничную командировку во Вьетнам.

Но вернемся в 1950 год. Экспедиция размещалась в полуподвальных помещениях на улице Некрасова. Я попал в геологосъемочную партию масштаба 1:50 000. Ее начальником был студент — выпускник Ленинградского горного института А. Н. Ефимов. Он сказал, что выезд на полевые работы назначен на третья мая, а пока есть работа по заворачиванию прошлогодних образцов в бумагу. Этим мы и занимались до отъезда. Затем нам вручили командировочные удостоверения с печатями пропусков: ведь Дальний Восток раньше был «закрытой территорией». Выдали также проездные билеты на поезд до станции Бикин Хабаровского края и денежные авансы.

Простившись с родителями и братом, я отправился в Москву, потом пересел на поезд Москва — Владивосток: прилип к окну и не отходил от него все восемь дней поездки. Мимо проносились знакомые станции и города: Пермь, Свердловск, Тюмень, Омск, Татарка, Барабинск, Новосибирск, и я вспоминал, как ехал здесь на крыше курьерского поезда в 1946 г. Проехали Мошково, и знакомые места остались позади. Дальше — горные ландшафты Южной Сибири. Рано утром начались знаменитые байкальские туннели. На Хамар-Дабане еще лежало много снега. Очень понравился Улан-Удэ с красивыми сосняками вокруг. Проехали Хабаровск по длинному мосту через Амур и туннелью за ним. Местность стала еще красивей: сопочки, покрытые курчавыми дубняками с торчащими над ними

темными вершинами кедров. Рано утром приехали в Бикин и толпой вышли из поезда. У вокзала нас ждала машина экспедиции. Веселой гурьбой забравшись в кузов, поехали в Звеньевую навстречу грядущим приключениям. И тут дальневосточная природа посылает мне свой первый привет: в лоб одного из коллекторов нашей экспедиции ударяется необычная, великолепная бронзовка! Жук рыжего цвета с черными крапинками, совершенно не похожий на наших западных бронзовок. Я посадил его в спичечный коробок, для верности завернул в бумагу. Не передать восторга от этой находки! В Звеньевой нас привезли на базу в южном конце поселка и разместили в общежитии. Обедали в экспедиционной столовой. База представляла собой два двухэтажных каркасных дома на самом берегу р. Бикин. Рядом гараж, обнесенный забором, и большая конюшня, где содержались сотни монгольских лошадок.

Трудно выразить словами восторженное чувство свободы, охватившее меня! Впервые в жизни осуществлялась детская мечта о путешествиях и чудесных насекомых в прекрасных дальневосточных лесах. Ведь, кроме геологии, которую постигал на курсах, я прочел множество книг о природе, и особенно Дальнего Востока, начиная с «Дерсу Узала» Арсеньева и кончая томами «Животный мир СССР». Еще в Ленинграде, перед выездом на полевые работы, сходил в Зоологический музей и тщательно осмотрел витрины с насекомыми, записывая названия и приметы наиболее интересных жуков, бабочек и ос Дальнего Востока.

Следующий день был великолепный: глубокое синее небо и ослепительное горячее солнце. Уговорил сокурсника Лешу Александровича сходить на сопки, стеной стоявшие за железной дорогой. Взяв морилку, пинцет, сачок и сунув в карманы немного хлеба и конфет, мы бодро зашагали к сопкам. Вроде до них совсем рукой подать! Но сойдя с железной дороги на зеленое поле, мы оказались на знаменитой «мари». Под ногами хлюпала вода, а вокруг стояли кочки, которые как ванька-встанька резко наклонялись, если на них наступишь ногой, и выпрямлялись за нами. А над ними роились тучи мошкары и комаров. Так началось знакомство с природой Уссурийского края! Изрядно вспотев, искуанные мошкаркой и грязные, мы, наконец, добрались до края леса, растущего на крутом склоне сопки. Лес состоял из высоких монгольских дубов, черных берез, лип и кленов с подлеском из лещины и колючего элеутерококка. Лезем вверх, изредка переворачивая обломки камней, под ними я нашел синеватого карабуса Хуммеля. «Зря я с тобой пошел» — уныло произнес Леша. Посмотрев на его искусанную мошкаркой физиономию, я не удержался от смеха и спросил: «А как же ты думаешь работать в геологической партии, в тайге, где комарья будет еще больше?» Бедный Леша! Избалованный родителями, 18-летний паренек бросил школу,

окончил курсы и поехал на Дальний Восток за романтикой, совершенно не интересуясь геологией и вообще природой.

Но вот и вершина сопки — 319,0 м — первая вершина в моей жизни! Здесь гуляет прохладный ветер и отгоняет звенящую мошкару. Сквозь кудрявые ветви дубов с еще не полностью распустившимися листьями видна извилистая серебряная лента Бикина, а за ней — синеющие отроги Сихотэ-Алиня. На вершине скала из кремнистого сланца с осыпью из небольших глыб. «Вот здесь должны быть хорошие жуки» — говорю Леше. Но он, что-то пробурчав, полез на скалу и прикорнул на ее вершине. А я переворачиваю камни и разгребаю скопления прошлогодних дубовых листьев. Живности в них оказалось много: разнообразные жучки, пауки, муравьи, мокрицы, кивсяки, сороконожки и др. Жуков сажаю в морилку, и вдруг среди сухих листьев мелькнуло что-то ярко-зеленое, как изумруд! Это был панцирь очень красивой жужелицы-карабус Шренка, без усиков и ног, по-видимому, отгрызенных и унесенных муравьями. Вместе с Лешей разбираем осыпь почти на полметра в глубину и находим целое «кладбище» из остатков карабусов и других жужелиц. Карабусов в ней было не менее трех видов, и я их определил как карабусы Шренка, Хуммеля и Витингофа». «А откуда ты знаешь, как называются все эти жуки? — спросил Леша. — Может, пользуясь тем, что я ничего не знаю, ты все врешь?» Ну что ему ответить? Для этого нужно было бы рассказать про всю мою жизнь.

А в Звеньевую прибывали все новые и новые работники экспедиции: коллекторы, радисты, минералоги и геологи. Становилось веселее и шумнее. Пользуясь отсутствием начальства и остатками авансов, ребята ударились в разгул, катались по Бикину на лодках и лошадях, ходили в кино и на танцы, нередко выпивали и бузили. Наконец, из Ленинграда приехал новый начальник экспедиции П. К. Глушанин, бывший полковник КГБ. Он привез нового секретаря — лейтенанта из того же ведомства, с ним прибыли два железнодорожных вагона багажа. Нас попросили их разгрузить. В одном вагоне оказались роскошные двуспальные никелированные кровати, а в другом — большие фарфоровые унитазы, которых было столько, что когда мы их поставили в ряд возле забора, они заняли все пространство вокруг базы и гаража! Зачем П. К. Глушанин их привез, никто не понимал, ведь в Звеньевой водопровода в домах сроду не было. Наконец, сюда приехали и мои непосредственные начальники: А. Н. Ефимов — начальник Вяземской партии и Г. Ф. Траншель — начальник поискового отряда. Они решили отправить меня в Вяземск набрать там рабочих и нанять повариху. Меня отвезли на грузовике с кучей спальных мешков и разного снаряжения, дав адрес базы партии в Вяземске у Юзефовича. Я повесил в центре городка объявление о приеме на временную работу и поселился на чердаке сарая,

куда сложили спальные мешки. Одними из первых по объявлению пришли Володя Изодеров, чуваш по национальности, и его друзья Коля Тетеркин и Толя Кангур. Было им лет по 16—17. Они помогли найти несколько «поварих» того же возраста. Все мы по вечерам весело гуляли у речки и качались на качелях. Почти каждый день я ходил в кустарники, преимущественно из лещины, диких яблонь и ив. В долине речки цвели сибирские огоньки и даурские лилии. На цветах нашел многочисленных протейей бревитарсис синего цвета с белыми поперечными пятнышками — эндемика Дальнего Востока. Здесь впервые увидел роскошные махаоны Маака — сине-зеленого цвета, огромных размеров.

Начались жаркие июньские дни и, наконец, приехала вся партия: А. Н. Ефимов с женой, геологи и студентки-практикантки, а также минералоги. Моему хорошему житью пришел конец. Г. Ф. Траншель раскритиковала поварих и всех их разогнала. Она нашла женщину постарше и взяла ее. Пятого июня мы погрузили все снаряжение в вагончик леспромхозной узкоколейки и отправились в поселок Спартак. Там партия разделилась: геологи-съемщики поставили лагерь в окрестностях поселка, а Г. Ф. Траншель и часть геологов, коллекторов и рабочих отправились на Еловый ключ, где в прошлом году был оконтурен ореол рассеяния киновари. Я попал в этот отряд. Мы поставили палатки на пологом месте, в долине ключа Елового, где лес был вырублен. Никогда не забуду то раннее влажное и солнечное утро. Проснувшись и высунув голову из-под полога накомарника, я увидел рядом цветущий куст жасмина, посаженный сверкающими как драгоценные камни жуками-усачами эвтетраха металлескенс зеленовато-золотистого цвета с рядами черных пятен на подкрыльях! Выскочив из палатки, я принялся их ловить и заодно собрал дальневосточных мелких бронзовок, бархатисто-черных, с большим пятном цвета слоновой кости на подкрыльях (глицифана фулвистемма).

Дни стояли влажные и жаркие, кусались мошка, мокрец и было много иксодовых клещей, но я на них не обращал внимания. На участке копали бортовую линию закопушек, мне пришлось их документировать. В. Изодеров отбирал пробы для промывки шлихов. Он относил их вниз к ручью, где промывальщик А. Н. Юзефович отмывал шлихи и сушил в жестяных баночках, а я ссыпал их в специальные бумажные капсулы, нумеровал и записывал в пикетажку. При документировании закопушек было установлено — несмотря на то, что в обломках преобладают розовые кремнистые сланцы, коренными породами являются серпентиниты зеленоватого цвета. Из некоторых закопушек я извлек жужелиц разных видов, а также два экземпляра великолепных крупных жуков-грибоедов (до 2,5 см длиной). И тут только понял, что эти горные выработки можно использовать как ловушки для жуков. К нам в лагерь

пришел А. Н. Ефимов и рассказал о том, что Герка Конохов — другой коллектор, мой сокурсник, учудил следующее. Еще в Звеньевой он выделялся своим стильным охотничьим видом: с двуствольным ружьем, охотничьим ножом в красивых ножнах и в яловых сапогах. В таком виде он ходил по базе и цедил сквозь зубы: «Вы пижоны, а я на тигров буду охотиться». Увы, на тигров ему охотиться не пришлось. Первый лагерь в окрестностях поселка Спартак был поставлен в хвойно-широколиственном лесу, почва которого была усыпана толстым слоем сухих опавших листьев. Они издавали шорох от малейшего прикосновения. Натянув палатки и поужинав, все легли спать. Еще не догорел костер, когда в одной из палаток грянул оглушительный выстрел! Начался переполох, все выскочили из палаток и увидели, что из большой дырки в крыше Геркиной палатки валит дым. Из нее выскакивают оба коллектора, кашляя и чихая! Оказалось, что когда все легли спать и наступила гулая тишина, около их палатки пробежал бурундук или мышь и зашуршал сухими листьями. Нервы у Герки не выдержали, и он со страху выпалил дуплетом прямо вверх. А. Н. Ефимов тут же отобрал у него ружье, а наутро его заставили зашивать дырки в палатке. На следующий день ружье Герке возвратили, строго наказав, что в лагере стрелять нельзя. Но через несколько дней отобрали снова, увидев, что Герка в маршруте идет с ружьем наперевес, а его молоток и сумку несет рабочий. «Почему ты так странно ведешь маршрут?» — спросил начальник партии. Герка начал ныть, что он нервнобольной, в лесу ему страшно, и он просит отчислить его из экспедиции. Он проработал в нашей партии не более двух месяцев и отправился обратно в Ленинград. Потом зашел разговор о том, что на съемке нет хорошего коллектора, а на поисках могут работать студентки-практикантки. Я тут же попросился на съемку. А. Н. Ефимов сказал, что раз я знаю горные породы и минералы, он доверяет мне самостоятельные маршруты. Через день я отправился с В. Изодеровым в свой первый маршрут в верховья ручья Тигрового. Продуктами ведала Г. Ф. Траншель, лично выдавала поварихе порции на каждый день и вела строгий учет личного забора. Особенно она дорожила консервированным американским беконом в трехлитровых жестяных банках. Бекон выдавался маленькими порциями только для супов. Мы, получив продукты и собрав все снаряжение для маршрута, весело двинулись по узкоколейке в поселок Тигровый в 10 км от нашего лагеря. День был жаркий и солнечный, в долинах цвели белая и розовая таволга, калина, белая сирень. Вдоль узкоколейки лежали штабеля спиленного леса и по ним бегало множество жуков-усачей, особенно разноцветных клитов. В воздухе летали многочисленные бабочки: крушинницы, нимфалиды, махаоны Маака, ксуты и наши махаоны. На кустах сидели зеленые богомолы и длинноусые кузнечики-фане-

роптеры, а также многочисленные лягушки-квакши. Все это жужжало, стрекотало и звенело. Дорогу то и дело пересекали полозы и щитомордники. Мы, не обращая внимания на множество слепней, весело шли по тропе, а я ловил по дороге жуков. В одном месте поймал крупного рогастика—эвритрахелус руброфеморатус и был счастлив. К вечеру мы дошли до Тигрового ручья и остановились на ночлег на полянке на высокой терраске. Поставили накомарник с тентом и заварили рис. Вдруг Володя, к моему удивлению, достает большой шмоток бекона. Оказывается, он его попросту слямзил у Г. Ф. Траншель! Ночь прошла спокойно. На следующий день пошли дальше в маршрут. В одном месте нашли большую скалу, стоящую в сыроватом тенистом месте, сложенную ороговикованными алевролитами. Из ее подножия вытекал холодный родничок. Гладкий отвес скалы над родничком был покрыт тонким слоем зеленого мха. На нем издали виднелось большое яркое пятно из тысяч красивейших крупных бабочек — переливниц Шренка! Все они сидели головой вверх и ритмично подрагивали крыльями и усиками, все одновременно и в такт. Хоботок у них был распрямлен и погружен в мох. Поражало их обилие. К ним все время подлетали новые бабочки, садились на свободное место, поближе к соседкам, и мгновенно включались в общий ритм движения. Все они были настолько поглощены своим делом, что я осторожно приблизил руку и взял двух бабочек прямо за туловище, чтобы не испортить пыльцы их прекрасных крылышек. До сих пор не знаю, что заставило бабочек собраться в таком количестве в одном месте: влаги и в других местах хватало. Все лето я с Володиной, реже с другими рабочими, ходил в маршруты по 8—10 км в день, попутно собирал жуков, бабочек, ос и других насекомых, находил все новые и новые виды. Под конец одних жуков собралось более 1000 видов! За лето к нам два раза приезжала куратор экспедиции З. В. Сидоренко, иногда я ей рассказывал о найденных контактах гранитов с вмещающими их сланцами, дайках и зонах минерализации. Она всегда восхищалась моими находками и говорила, что в будущем возьмет меня в свою тематическую партию. Осенью мы работали на поисковом участке на ртуть, оконтурировали шлиховой ореол, и вскрыли канавами рудные жилы. Закончили работы поздней осенью. Праздник Седьмого Ноября встречали в Хабаровске, после чего вернулись в Ленинград.

Я — геолог

Зимой 1950/51 г. меня направили на курсы повышения квалификации геологов и геоморфологов при Ленинградском государственном университете. Курсами заведовал знаменитый полярный геолог — профессор П. В. Виттенбург. Со мной на курсах учились еще 30 работников нашей экспедиции, в основном уже закончивших институты. Но Павел Владимирович выделял меня особо и даже приглашал в свою квартиру на Васильевском острове. Мне особенно понравились у него геологические карты Заполярья, большая шкура белого медведя, висевшая на стене, и моржовые клыки. Общую геологию преподавал С. С. Кузнецов, минералогию — доцент Э. А. Каденский, а геоморфологию — Г. С. Ганешин; давали также петрографию и металлогению. Курсы я закончил на пятерки. После них З. В. Сидоренко перевела меня в свою тематическую партию по изучению гранитоидов и связанного с ними редкометалльного оруденения.

Я выехал в поле в должности прораба (техника)-геолога. Кроме З. В. Сидоренко, в партии работали старший геолог Г. И. Наговская, прораб-геолог Л. Ковтунов, коллекторы Ю. Пастушенко и Ю. Рабинович — студенты Черновицкого университета. Начали с хребта Самур на границе Приморского и Хабаровского краев. Это цепь невысоких сопок (абс. высота 800—900 м), в кругу запутанных отрогов, обрывавшаяся на западе величественным утесом, подмываемым р. Уссури. С его вершины видны китайский городок Жаохе, окруженный квадратами рисовых полей, и далекие сопки Манчжурии. В то время Самурский хребет еще был покрыт густыми лесами, почти не затронутыми пожарами и лесозаготовками.

Лето 1951 г. было дождливое и жаркое. Наша тематическая партия передвигалась в основном на экспедиционных машинах, которые часто ломались или застревали в грязи проселочных дорог. На Самурском хребте изучали малые интрузии гранитоидов, прорывающих толщи порфиритов с прослоями песчаников и конгломератов, иногда встречались остатки вулканов. В одном из старых окопов мы с К. Тетеркиным нашли скопище щитомордников — змеиную свадьбу. В другом месте

поймали двух самцов усачей каллипогон реликтус — самого крупного жука России. Один из них достигал 12 см длины. Он больно укусил меня за палец и перегрыз карандаш. Эта находка принесла столько восторга, что Коля удивленно спросил меня, почему я так радуюсь этому жуку. Он и раньше видел таких в Вяземском леспромхозе. Я ответил, что давно мечтал поймать именно этот вид, но не надеялся, что он живет так далеко на севере. Кроме жука, мы нашли на Самуре глубокий каньон с разрезами меловых вулканических и осадочных толщ, которые потом специально изучали геологи.

Закончив работы на Самуре, наша партия двинулась на юг, в Приморский край. Сначала исследовали бассейн р. Вака, притока р. Иман. В то время еще не были переименованы старые китайские названия, музыкой звучавшие в ушах: Лянцуза, Ханхеза, Эрльдагоу, Шетухэ, Даубихэ и т. п. Мы сделали много маршрутов на Ваке (переименована в р. Малиновку). Там я обнаружил несколько кварцево-висмутиновых жил непромышленного значения и множество знаменитых водяных черепак на прибрежных камнях. В старицах цвело много водяного ореха чилима и водяных лилий. Около деревни Добрыши мы с В. Изодеровым нашли большого птенца орла и принесли его в лагерь. Но не смогли его прокормить и отдали деревенским ребятишкам.

Потом поехали дальше на юг и обследовали гранитные массивы Синего хребта. Он длинной цепью возвышается между шоссе Хабаровск — Владивосток и р. Даубихэ (Арсеньевкой). В то время хребет был покрыт роскошными уссурийскими лесами, переходящими у вершин, достигающих 1000—1200 м абсолютной высоты, в темнохвойные горные леса. Местами много дальневосточного тиса и особого кустарника — микробиоты с листочками как у вереска. На горе Острая 27.08.1957 г. мы с В. Изодеровым наткнулись на место катастрофы двухмоторного бомбардировщика. Он разбился, врезавшись в крутой склон сопки. Нашли три позеленевших черепа, обгорелые сапоги и полевые сумки с кашей бумажных остатков. Сообщили об этой находке в милицию в городе Спасске. С вершины горы Острой открывался прекрасный вид на город. В конце августа в окрестностях Марьяновского месторождения олова встретились и познакомились с Е. А. Радкевич и М. Г. Руб. Когда я сообщил З. В. Сидоренко о находке проявления рудоносных скарнов, Е. А. Радкевич воскликнула: «Какие хорошие у вас ребята!» Далее, в конце сентября, мы делали маршруты в месте впадения р. Бикин в Уссури. Там я нашел несколько рудопроявлений кварцевых жил с вольфрамитом и молибденитом и две мощные зоны кварц-хлоритово-сульфидной минерализации с вкрапленностью очень мелкого касситерита и ксенотима (редкоземельного минерала иттриевой группы). Эти зоны мы назвали Васильевским месторождением (по одноименной деревне) и

рекомендовали проведение на нем детальных поисково-разведочных работ.

В конце полевого сезона З. В. Сидоренко и И. В. Иванов поехали на совещание во Владивосток в Дальневосточный научный центр Академии наук и взяли меня с собой. Там я остановился у пожилой китайки, сдававшей комнату для постояльцев в полуподвале здания ДНЦ. Здание находилось на главной улице Владивостока и выходило фасадом на морскую набережную, где мальчишки прямо с берега ловили на удочки крупных камбал. Здесь я впервые попробовал мясо настоящего камчатского гигантского краба, его продавали на базаре. Китайка сварила его в морской воде в большом тазу из латуни. Во Владивостоке у меня кончилось время, обозначенное на печати-пропуске в запретную зону. Поэтому на обратном пути пришлось остаться в Лесозаводске, а З. В. Сидоренко и И. И. Иванов продолжили путь в Звеньевую. Мне удалось купить билет на курьерский поезд, и в Звеньевую я приехал рано утром, обогнав поезд, на котором ехали мои начальники. З. В. Сидоренко в Звеньевой хотела послать за мной в Лесозаводск самолет экспедиции и очень удивилась, увидев меня в столовой.

В 1952 г. начальник нашей партии, кандидат геолого-минералогических наук З. В. Сидоренко, после окончания отчета за 1951 г. перешла во ВСЕГЕИ. Наша тематическая партия прекратила свое существование, и ее функции передали Э. П. Изоху. Я выехал на полевые работы в первых числах июня, и А. И. Савченко сначала послал меня на помощь К. М. Худолею, который вел съемку Бикинского листа масштаба 1:200 000. Прибыл в его поисковый отряд, которым руководил В. Проскурников, и проводил канавные работы на месторождении Васильевское, обнаруженном в прошлом году. Васильевское расположено на самом берегу р. Уссури у одноименной деревни и представляет собой две широкие зоны хлоритизации и сульфидизации с касситеритом и редкоземельными минералами. Содержание олова довольно высокое, но запасы непромышленные. Потом я поехал в поселок Спартак Вяземского р-на. В особенности запомнился интересный маршрут на гору Щебенчиха. Еще в 1950 г. я любовался синей громадой этой горы и мечтал на нее подняться. С рабочим Колей Тетеркиным мы отправились по разобранной узкоколейной железной дороге. Через два километра железная дорога кончилась, начался проселок, сильно заросший травой и ольхой. Клещей там было полным-полно, и мы часто останавливались и снимали их с себя. В одном сыроватом месте с высокой осокой под ногами что-то хрустнуло, я увидел, что на дорогу выползло множество крупных улиток с красивыми полосатыми раковинами, и мы нечаянно раздавили с десяток штук. Пошли дальше по крутому склону горы и вскоре, выйдя на

голую вершину, увидели, что она входит в кольцеобразную кальдеру крупного потухшего вулкана, сложенного андезитами и дацитами. На обратном пути, в упомянутом месте потянуло чем-то кисловатым, контрастирующим с запахом гнилых трав. Я раздвинул стебли осок и увидел у каждой раздавленной улитки от двух до пяти крупнейших 4-5-сантиметровых сине-зеленых с золотистым ободком на надкрыльях смарагдовых жужелиц (карабус смарагдинус). Их было не менее трех десятков! Я нагнулся, чтобы поближе рассмотреть их трапезу. Вдруг один из карабусов резко приподнял заднюю часть тела, и в лицо мне брызнула струйка едкой защитной жидкости с острым муравьиным запахом. Хорошо не в глаза! Попав на расчесанную кожу, она обожгла как йод. На Дальнем Востоке карабус смарагдинус широко распространен от Байкала до Владивостока, образуя три подвида. Вдоль р. Усури живет крупнейший подвид — манчжурский.

У поселка Спартак нашли большое количество разнообразных ракушек юрского периода в обнажении сланцев, на речке Третья Седьмая. Их я отдал К. М. Худолею.

Осенью, в начале сентября, А. И. Савченко попросил меня обследовать участок «Левый» в бассейне р. Арму на Сихотэ-Алине. Здесь был оконтурен богатый ореол рассеяния касситерита в шлихах, но коренных месторождений В. Проскурников, проводивший на нем поиски, не нашел. Был собран поисковый отряд из 14 человек, в том числе начальник отряда, коллектор, минералог, радист и рабочие. Полетели в Улунгу, в верховья р. Бикин. Коллектор Вера Ефимова, подойдя на аэродроме к По-2, на котором ей предстояло лететь, потрогала пальчиком перкаль: «Неужели на этом можно летать?» Летчик намотал услышанное на ус и, когда они прилетели в Улунгу, перед посадкой сделал несколько фигур высшего пилотажа. Вера в ужасе, шатаясь пошла в кусты, окружавшие взлетную полосу.

Начался трудный переход из Улунги в бассейн р. Арму — 80 км по тайге. Топооснова была с большими белыми пятнами, на которых реки текли в другую сторону, чем на самом деле. Несмотря на это, я привел всех точно на участок «Левый», где стояло зимовье В. Проскурникова с продавленной прошлогодним снегом крышей и мешками с гнилой мукой и крупами, кайлами и лопатами. Нам сбросили продукты, и мы начали работу. Поставил рабочих рыть шурфы под руководством В. Ефимовой. А сам делал маршруты в одиночку. Через несколько дней выяснил, что обломки турмалиновых пород с вкрапленностью касситерита сыплются с левого склона безлесной горы Арму-Кемского перевала в истоках ручья Левый. Там было установлено, что зона турмалинизации пересекает мощную дайку псуссартиита в роговиках. В месте их пересечения я задал короткую канаву и вскоре вытащил из нее тяжеленный

кусок касситерит-кварц-турмалиновой руды. Канава вскрыла богатейшую руду, образующую скопление 2 × 4 м. Прикинув, что дайка идет на большую глубину, и предположив такое же продолжение зоны турмалинизации, я решил, что здесь образовался богатый рудный столб.

В конце сентября у нас кончились продукты, и в отряде начался голод. У меня было хорошее двуствольное ружье, с которым я стал охотиться на рябчиков и других птичек. Пришлось попробовать на вкус кедровок, дятлов и соек. Если кедровки еще были съедобны, то дятлы очень невкусные. Теперь было самое трудное — выйти обратно в Улунгу и перенести туда пробы и образцы. Я сел рядом с радистом, требуя, чтобы нам сбросили продукты, но самолеты экспедиции были заняты вывозом рабочих из Улунги в Звеньевую. Прошло больше недели — и ничего. Тогда я попросил Колю дать радиogramму: «Что делать с покойником в тайге?». Радист испугался и потребовал написать текст на бланке. Я не задумываясь написал. Когда Коля передал этот текст в эфир, то радиостанции других геологических партий, работавшие на этой же волне, стихли. Принимаем радиogramму-ответ: «Начальник экспедиции Г. Г. Марченко на рации. Кто помер?». Посмотрев на румяные физиономии В. Ефимовой и Л. Дунаевой, я ответил радиogramмой: «Еще не умерли, но умирают!». «Кто, кто, назовите фамилию». Передали их фамилии. Нам простучали: «Зажгите костер, к вам вылетел самолет». Действительно, через два часа прилетел самолет, покружил над нашими палатками и сбросил небольшой тук. В нем оказались шоколад, конфеты, печенье и письма.

На следующий день я снова дал возмущенную радиogramму: «Нужны мука, крупы, мясные консервы, соль и масло, а не шоколад!». Через некоторое время нам сбросили требуемые продукты, в них оказались две накладные не только на сброшенное, но и на колбасу, рыбные консервы и сыр, которых мы не видели. Однако мы смогли организовать переход в Улунгу, бросив в тайге все снаряжение: палатки, спальники, кайлы, лопаты, ломы и т. п. (с разрешения Г. Г. Марченко). Придя в Улунгу, застали там партию Э. П. Изоха. Он очень обрадовался моим богатейшим оловянным рудам и дал об этом радиogramму А. И. Савченко и Г. Г. Марченко. Они распорядились, чтобы мы с Э. П. Изохом летели во Владивосток и доложили о находке оловянного оруденения в бассейне р. Арму И. Е. Галагану — начальнику Приморского геологического управления. Он распорядился о постановке поисково-разведочных работ в этом районе, что привело в дальнейшем к обнаружению крупного месторождения Тигриное.

Отзвук этого полевого сезона был в середине зимы со стороны бухгалтерии экспедиции, которая предъявила мне претензии об оплате всех накладных. Я написал заявление на имя начальника экспедиции Г. Г. Марченко о списании недополу-

ченных нами продуктов, и он наложил резолюцию: «Списать». Главный бухгалтер экспедиции Кантарович-Крутицкий сказал, что ничего не спишет. От Г. Г. Марченко вторая резолюция: «Списать!» Только после третьей резолюции и беседы с главбухом были, наконец, списаны все мои задолженности.

1953 год — год большой амнистии. В начале мая еду на Дальний Восток на полевые работы в Сихотэ-Алине старшим геологом большой поисковой партии. Звеньевая встретила хмурой погодой. На островах р. Бикин цвела черемуха, мы часто брали лодку и катались. Начальником партии был Виктор Анисимович Васильев из Краснодара. Рабочие за глаза звали его «казак нарезной» и «Николай Палкин», после того как он отрастил бороду и стал похож на императора Николая I. Меня сразу послали в поселок Вяземский набирать рабочих, а В. А. Васильев снял комнатуху в Бикине у базара и там повесил объявление о найме. В Вяземской я нашел восьмерых парней, только что отслуживших в армии и захотевших устроиться на временную работу в тайгу. А к Виктору Анисимовичу приходили в основном амнистированные, застрявшие проездом в Бикине. Взяли 12 человек, среди них были такие колоритные фигуры, как Сашка Рясной и Костя Кондрин — настоящие урки. Костя Кондрин худощавый, небольшого роста мужчина с очень характерным лицом, пронзительными глазами и тонкими пальцами рук, хромой на правую ногу. В. А. Васильев стал его отговаривать, ссылаясь на то, что очень далеко надо идти пешком. Но Костя сказал, что путь ему не страшен и что он опытный промывальщик шлихов. В общем его приняли на должность промывальщика. Виктор Анисимович нанял также повараху — любовницу одного бикинского парня, он не хотел ехать в тайгу без нее. Вся партия 15 мая (10 ИТР и 25 рабочих) была доставлена на самолетах экспедиции в Улунгу в верховьях р. Бикин. Там мы оставили топографа партии П. П. Каптелина с двумя рабочими и геодезическими инструментами для переброски в район работ восьми лошадей. А я во главе всей партии повел ее через семь 100 000-ных планшетов к точке зимней заброски продуктов и снаряжения, которую поставил на моей карте завхоз экспедиции. Расстояние — 120 км через перевалы высотой до 1400 м. Шли целых 9 дней, сначала по лошадиной тропе, прорубленной лесником Б. Урбановским, к месту работ партии В. Проскурникова в бассейне р. Бачелазы. Потом девственной тайгой через перевалы, кое-где покрытые снегом и толстенными, в 1,5 м толщиной, наледями вдоль ручьев. Шли прямо по льду. Вечером наспех ставили легкие палатки и варили кашу. Наконец, снова вышли на р. Бикин в самых ее истоках. В одном месте на поваленном поперек реки бревне переправились на другой берег. Некоторая трудность была с К. Кондриным. Помогли две длинные жерди, срубленные А. Рясным. Лабаза с продуктами, к которому мы шли, на

другом берегу не оказалось! Но через час посланные в разные стороны разведчики крикнули, что видят лабаз. Он оказался в соседней долине ручья, за невысоким отрогом, в двух километрах от места, показанного на карте.

Около лабаза поставили лагерь и стали дожидаться П. П. Каптелина с лошадьми. До места работ оставалось 15 километров, но впереди высокий перевал, примерно 1800 м, с очень крутым склоном в сторону участка работ. Наконец, появился П. П. Каптелин со своими двумя рабочими и семьёю лошадьми. Одна из его лошадей с тюком продуктов утонула на переправе через р. Бикин. Ничего не успели спасти. Последние два дня шли голодные до места основного лагеря в верховьях ручья Исток у водораздела трех рек — Бикина, Катэна и Чукена, недалеко от горы Ко — одной из высочайших вершин Сихотэ-Алиня (2100 м). Сам лагерь поставили на мощном конусе выноса, покрытом елово-пихтовой тайгой и толстым слоем зеленого мха. Пока ставили лагерь, Васильев распорядился начать шлиховое опробование ручья Исток и его притоков двумя отрядами, в каждом техник и промывальщик. И вот Костя Кондрин с Тамарой Кузьминичной отправились шлиховать... Через час в лагере появился Костя. Он с ходу набросился на Виктора Анисимовича с отборным матом и, виртуозно завертев у его физиономии пальцами, завопил: «Ты, казак нарезной! На что меня послал? Посмотри на мои пальцы, они нежные и проворные, всю жизнь меня кормят! А вода ледяная! Ты хочешь, чтобы я схватил ревматизм! Да я в жизни физическим трудом не занимался!» Васильев опешил. К Косте подскочили шестерки из его палатки и поднесли ему кружку цифира. Он залпом выпил и пришел в себя. А тут Тамара Кузьминична с плачем: «Он меня обматерил, он меня оскорбил, больше не пойду с ним в маршрут!» Виктор Анисимович сказал мне: «Видишь, какие кадры!» Потом Васильев повздорил с минералогом Тамарой Ильиничной и лаборантом Эрной. Он отобрал у них канистру спирта для промывки шлихов и сказал, что не допустит, чтобы минералоги спаивали рабочих. Канистру он поставил в собственный вьючный ящик под кроватью в большой камеральной палатке, где жил и я.

Утром, на следующий день, повариха начала будить рабочих на завтрак. Пожаловалась, что в большой 10-местной палатке амнистированные не встают. Оттуда доносился дружный храп. Васильев постучал им в дверь и крикнул: «Подъем!». Двери палатки распахнулись и оттуда показалась окладистая рыжая борода и голая грудь Сашки Рясного с многочисленными татуировками: «Х-ли надо?» — «Вставайте на работу» — «А мы в жизни физическим трудом не занимались!» Дверь хлопнулась, и храп продолжался.

Я пошел задавать линию шурфов на штокверке, где в делювии нашлись многочисленные обломки кварца с касситеритом,

вольфрамитом, арсенопиритом и другими сульфидами. Эту линию прорубил и расставил столбики с номерами для шурфов П. П. Каптелин. На первый шурф я поставил Ивана, а на остальные вяземских молодцов (линия была длиной 1,2 км, а расстояние между шурфами 50 м). Расставив всех проходчиков, я возвратился к первому шурфу и уже издалека услышал странные звуки — хр, хр, хр с присвистом! Подхожу и вижу — Иван спит в кустах стланика, лежа на спине. Справа от него кайла, слева лопата. Лицо закрыто черной тряпкой. Разбудил его, пнув хорошенько ногой. Он вскочил и начал тюкать кайлой по земле. Постояв немного, я отошел шагов на 20 и прислушался. Через пять минут стук прекратился. Подкравшись, я увидел, что он снова спит! Пришлось отправить его в лагерь. Подойдя к лагерю, мы увидели, что несколько рабочих, размахивая руками, окружили В. А. Васильева. Требовали, чтобы в лагере повесили доску и на ней отмечали, кто сколько заработал. Наступил вечер. После ужина все разошлись по палаткам, и Виктор Анисимович сказал мне: «Олег, надо отметить первый рабочий день на участке». С этими словами он нацедил из канистры немного спирта в наши кружки и долил водой. В этот момент кто-то тихо постучал в дверь и голосом Кости Кондрина вежливо попросил позволения войти. «Входи, входи», — пригласил его Васильев, пришлось и ему налить. Костя, выпив спирт, попросил: «Ставьте меня к пищеблоку, буду варить и печь хлеб, а то эта сямка болотная (повариха) всех довела невкусной едой! А ребята из нашей палатки все пойдут на работу, как шелковые», — добавил он.

Наутро увидели Костю Кондрина на кухне, он варил кашу с тушенкой и крепкий чай. Все рабочие, в том числе и амнистированные, получили кайла и лопаты, и я поставил их рыть канавы. Главный промывальщик шлихов Володя Непринцев — великий юморист, с ним всегда было весело. К нему в палатку поселили паренька Володю Маленького (в отличие от Непринцева, который был высокого роста). Однажды вечером Володя Маленький посмотрел вверх и увидел ряд мигающих огоньков на горе — шурфовщики оставили не потушенными дымокуры среди кедрового стланика. Он спросил: «Что это такое?» Непринцев пошутил: «Это такие дикари-людоеды танцуют вокруг костров». «А как от них спастись?», — сдавленным голосом спросил Володя Маленький. — «А ты забирайся в спальный мешок, они тебя не тронут», — ответил Непринцев. Наутро он выгнал Володю за то, что тот описался в своем спальнике, побоявшись ночью выбраться наружу. Тут же маленький Володя и Иван получили от Кости Кондрина почетное звание «вахладуи», и он попросил Васильева приставить их к кухне. С тех пор на кухне установился порядок на весь полевой сезон (май — сентябрь). Сам Костя (напоминавший мне Джона Сильвера из романа Стивенсона «Остров сокровищ») восседал на высоком

пне посреди кухни, положив хромую ногу на низенький обрубок дерева и командовал: «Володька, вахладуй, помешай суп!»; «Иван, вахладуй, подбрось дров в печку». Оба «вахладуя» панически его боялись и выполняли все беспрекословно, так как у Кости был солидный дрын, который доставал парней в самых дальних углах кухни. Справедливости надо отметить, что Костя выпекал особенно вкусный хлеб в большой печи, которую соорудили под его руководством.

Так партия начала полевые работы, которые увенчались успехом: была оконтурена площадь штокверка и отобраны сотни проб с его поверхности; выбросными отрядами были найдены еще два участка с оловорудным оруденением: «Хлоритовый» и «Перевальный». П. П. Каптелин с помощью бывшей поварахи поставил на всех вершинах сопок геодезические знаки: веники на длинных палках, но детальной карты я так от него и не дождался. Он стащил у меня банку с заспиртованными клещами, которых я собирал для Зоологического института, и выпил эту настойку, заменив спирт водой! То же он проделал со своей бусолюю и ее испортил. Однажды, во время сильного дождя, наш конус выноса вдруг заработал: на нем появились десятки мелких водопадов, и вода потекла по лагерю, как попало. Пришлось копать канавки для ее отвода. Некоторые палатки подмыло, но большинство стояло на срубках из бревен, и они остались на местах.

В августе у нас кончились консервы, и радист затребовал продукты с самолета. Продукты нам сбросили, но искать их было трудно из-за плохой видимости в тайге. Один ящик мясных консервов пропал — мы его сразу не нашли и лишь через две недели обнаружили по вони и карканью ворон: банки были сплющены, многие из них лопнули, и содержимое протухло. Сброс походил на настоящую бомбардировку: все прятались за толстые стволы деревьев, наблюдая за падающими тюками.

В начале сентября собралась группа на выход из тайги: геофизик Аркадий, студент Горного института, два заболевших рабочих и Костя Кондрин. Самое трудное было попасть в бассейн р. Бачелазы, так как водораздел был очень сложный, и малейшая ошибка вводила нас либо в р. Чукен, либо еще хуже, в непроходимое ущелье р. Катэн. Я взял с собой котелок и продуктов на два дня и повел их через перевал. В истоках р. Бачелазы пришлось заночевать. Оказалось, что там никто из группы не взял с собой котелок. Утром я отдал им котелок и проинструктировал Аркадия, чтобы он не отходил от Бачелазы и все время шел рядом до лагеря В. Проскурникова, который был в низовьях этой реки, в 80 километрах от нас. У Аркадия были выкопировка из стотысячных планшетов, на которых был обозначен весь путь, и геологический компас. Попроцававшись со мной, они пошли вниз, а я вернулся в свой лагерь.

Потом, когда вся партия выходила из тайги, по окончании полевых работ, в партии Проскурникова мы слышали следующее. На третий день пути Аркадий решил сократить путь по сильно петлявшей реке, и, взяв компасом азимут, поднялся на невысокий водораздел. Местность там была однообразная — кочковатая марь с редкими лиственницами. Скоро он потерял ориентировку и стал ходить по кругу. Шли до вечера, продукты кончились у всех, кроме Кости, у него на выход было запасено много сухариков и чая. На следующий день они также никуда не пришли, и Костя Кондрин вдруг узнал место, где они были раньше! «Заблудились!» — заорал он на Аркашку. Тот признался, что это правда. Костя, красочно матерясь, стал его пугать тем, что не собирается подохнуть с голоду в тайге и первый, кого он съест, будет Аркашка. В общем запугали парня. Легли спать в палатку, а утром увидели, что Аркашка исчез вместе с компасом и выкопировкой, которую Костя называл «змеей». Костя обнаружил, что остатки сухариков тоже исчезли. Он стал бегать вокруг палатки и кричать: «Аркашка, дорогой, миленький, отзовись! Ведь я пошутил, когда сказал, что тебя съем!» Через некоторое время из кустов ольхи раздалось: «Костя, правда, что ты пошутил?» Костя обрадованно: «Правда!» И побежал на голос, сломав по дороге увесистую палку. Вытащив Аркашку из кустов, он отделал его палкой и отобрал компас и «змею». Костя сказал, что сам поведет их, и бодро зашагал вперед. К вечеру пришли в лагерь, и Аркашка бросился к В. Проскурникову на шею с плачем. В Ленинграде он сразу уволился из экспедиции и с испугу бросил Горный институт.

Наша партия окончила полевые работы и выбралась в Улунгу, а потом и в Звеньевую. Зимой я сдал большой отчет с описанием штокверка и всех выявленных рудопроявлений. Виктор Анисимович писал только очерк по геоморфологии. Потом я защитил отчет на «отлично» перед Ученым советом ВСЕГЕИ. Они попросили рассказать о результатах работ в Трудах ВСЕГЕИ, что я и сделал.

Летом 1954 г. я снова был назначен старшим геологом в поисковую партию в бассейн р. Анюй, левого притока Амура. Начальником в ней был В. В. Балыков. К этому году нашу экспедицию перевели из ВАГТа во ВСЕГЕИ, Г. Г. Марченко уволили за пьянку, начальником назначили П. П. Емельянова. Базу экспедиции перевели из Звеньевой в поселок Нижнюю Тамбовку на р. Амур, в 80 км ниже Комсомольска. Туда я и приехал на пароходе из Хабаровска. Партию и снаряжение 12.05.1954 г. погрузили на большой катер экспедиции «Бодрый» и поплыли в Биру — удэгейский поселок. Нас встретили лай собак, запах кетовой ююлы и соленой черемши, а также раскосые лица местных жителей. На островах среди Анюя жил удэгейский шаман Миону Кимонко, там была молельня: небольшая утоптан-

вая площадка, окруженная длинными жердями, на которых были укреплены черепа медведей. Миону показал нам шаманский бубен и сказал, что он иногда камлает для старушек. Балыков договорился с председателем колхоза Н. Омуненко, чтобы подбросить нас и снаряжение вверх по р. Анюй на 100 км на батах. Около Биры растет кедрово-широколиственный лес уссурийского типа с маньчжурским орехом и бархатом, виноградом и актинидией, вдоль реки стоят огромные тополя Максимова. Из стволов тополей удэгейцы делают большие долбленые лодки-баты, поднимающие до тонны груза. На большой косе выше Биры расчищен небольшой аэродром для посадки легких самолетов. Там приземлился маленький экспедиционный самолет Як-12, и мы с Балыковым полетели осматривать район работ. Самолетик мне понравился: сидение впереди, рядом с летчиком, все застеклено, и очень хороший обзор. Показываем летчику, куда повернуть и где спуститься пониже. Сверху я увидел, что кедрово-широколиственный лес выклинивается чуть выше устья р. Тормасу, левого притока р. Анюй, и сменяется темнохвойной тайгой с редкими участками широколистного леса вдоль реки и ее притоков. Я выбрал место для постановки лагеря на р. Богбасу. На следующий день партия начала передвижение на батах. Каждый бат был нагружен мешками и ящиками со снаряжением и продовольствием. На нос и корму встали удэгейцы с шестами, в середину посадили одного-двух сотрудников партии и тронулись вверх против течения. Я был поражен, с какой легкостью удэгеец, стоявший на носу бата, время от времени хватал острогу с длинной ручкой и доставал из реки крупного ленка. По берегу за батами бежала свора собак, иногда переплывавших Анюй. На ночлег остановились на большой косе, недалеко от большого притока Анюя — р. Тормасу.

На следующий день плыли дальше и перед нами, за каждым поворотом, открывались великолепные виды горно-лесного пейзажа со скалами и обрывами. Изредка с торчащих с берега стволах упавших деревьев, тяжело хлопая крыльями, слетала скопа или огромный орлан-белохвост. Над водой носились чайки и ласточки. Наконец, доплыли до устья р. Богбасу и начали выгружать вещи. Я с радистом и рабочим А. Кирпичевым пошли вперед искать место для лагеря. По дороге видели изюбрей, кабаргу и много медвежьих следов. На берегу Богбасу нашли старое охотничье зимовье с хорошей крышей, полом и малюсеньким оконцем. Решили здесь остановиться. Стояла еще весна, цвела черемуха и распускались листья на березах и ивах. Выбрав место для лагеря, мы вернулись в зимовье и стали поджидать остальных. Радист Н. Голубев оказался заядлым рыболовом и начал выуживать крупных хариусов, но есть их отказался. А мы с Толей с удовольствием их жарили и уплетали. Наконец, появились ра-

бочие, нагруженные снаряжением и продуктами. Они расчистили место для лагеря и поставили палатки. Несколько наиболее настырных удэгейских лаек добрались до нашего лагеря и прижились. По ночам они рыскали по тайге и устраивали загонную охоту на все живое вокруг. Летом удэгейцы их совершенно не кормят. Днем они, сытые и довольные, с наполненными животами спали вокруг кухни. Особенно выделялся крупный трехцветный пес, которого мы назвали Бобка. Он частенько увязывался со мной в маршрут. Однажды я увидел, как Бобка сожрал ядовитую змею-щитомордника. Мы шли по кромке глыбовой осыпи, спускавшейся прямо в воду. Вдруг я увидел крупного щитомордника, который заползал под глыбы камней. Бобка схватил его за хвост и вытащил наружу. Щитомордник изогнувшись, несколько раз укусил его в нос, но Бобка быстро сожрал его живьем и оставил только голову. Через час Бобкин нос стал похож на горячий мячик. Он часто опускал его в холодную воду и все время щипал какую-то травку. На следующий день нос приобрел обычный вид, и Бобка снова пошел со мной. Под осень я начал охоту на рябчиков и ходил с мелкокалиберной винтовкой. Если при этом Бобка был рядом, то охота носила юмористический характер. Рябчики были непугливы, их выводки рассаживались на нижние ветки деревьев, после чего я начинал их стрелять. Когда рябчик падал на землю, мы с Бобкой бросались вперед — кто первый его найдет! Если я, то Бобка сразу отходил в сторону и никогда из рук не вырывал. А если Бобка, то рябчик сразу исчезал в его пасти, целиком, вместе с перьями. Некоторых я вытаскивал у него изо рта в растерзанном виде. Увидев их, повараха спросила: «Что ты с ними делал?» Я показал на Бобку и ответил: «Отбирал у этого бандита!»

Лето 1954 г. на Дальнем Востоке выдалось сухим и жарким. В конце июня мы почувствовали запах гари, вплоть до конца августа воздух был дымным, с красным солнцем и багровыми закатами. Однажды мы увидели густые клубы дыма и даже хотели сделать запрос по радиации: «Где горит?» Но поднявшись на сопку, обнаружили, что лес горит у наших шурфов! Рабочие сплехо затушили свои дымокуры, огонь побегал от них вверх, сначала по лесной подстилке, а затем вспыхнули небольшие елки и пихты. Пришлось всю партию бросить на тушение пожара. Нас выручило то, что пожар начался на изолированной вершинке сопки, которая быстро выгорела, и пожар прекратился.

На участке «Богбасу» мы выявили множество кварцевых прожилков и жил с видимым касситеритом, выкопали десяток канав и отобрали множество образцов и проб. Участок оценили как пригодный для дальнейших поисково-разведочных работ. С этой оценкой согласился и Кирилл Борисович Ильин — куратор, начальник группы поисковых партий нашей экспеди-

дии. Он и главный геолог Алексей Иосифович Савченко были преподавателями Горного института и по совместительству работали в экспедиции. В начале августа мы перебросили основной лагерь на р. Анюй к скалам Надге, поближе к участку с касситерит-бериллиевым оруденением. Около лагеря была большая речная коса, на которую садились самолеты экспедиции По-2 и Як-12. При посадке они докатывались до самого края косы, после чего мы вручную разворачивали их для взлета. Из-за этого к нам зачастило начальство: главный геолог, представители банка (для проверки объемов горных выработок) и с ними плановик экспедиции Г. Ф. Траншель. Однажды она сидела у костра и беседовала со студентками-практикантками нашей партии. Среди них выделялась одна яркая девушка из Черновицкого института. Сидевший рядом удэгеец, которому она понравилась, вдруг вынимает роскошную шкуру выдры светло-кофейного цвета с голубыми искорками, очень хорошо выделанную, и набрасывает ей на плечи: «Это мой подарок». Траншель позеленела от зависти и сказала удэгейцу: «Посмотри на меня, разве я хуже? Подари и мне шкуру». Удэгеец посмотрел на нее и ответил: «У тебя нос очень большой!» Тут к нашему лагерю подплыли на батах несколько удэгейцев с верховьев р. Анюй, а с ними свора собак. Чужие собаки немедленно устроили кровавую битву с нашими. Сколько их ни разнимали, лили воду и били палками, битва продолжалась. Наконец, Толя Кирпичев схватил подборную лопату с длинной ручкой и со звоном ударил ею по собачьей голове, оказавшейся наверху клубка воющих и рычащих псов. Собака немедленно выскочила из клубка и, шатаясь, пошла в сторону. Через несколько минут после таких же ударов клубок развалился, собаки разошлись и сталилизывать раны.

Шлихи с весовиками касситерита привели нас в верховье безымянного ручья — левого притока р. Анюй. Там мы обнаружили кварцевые жилы с вольфрамитом, касситеритом и бериллом — будущее месторождение бериллия Анюйское. Я задал ряд канав для вскрытия этих жил, потом мы вдвоем с К. Б. Ильиным забрались на громадную гранитную скалу Надге (по удэгейски «скала злых духов») и полюбовались видом долины р. Анюй. Через два дня, документируя канавы, в одной из них я нашел жеоду с длинными и красивыми кристаллами аквамарина толщиной 5 мм и 40—50 мм длиной. С большим трудом я извлек из жеоды два почти целых кристалла и горсть их обломков. Вдругую канаву попались три прекрасных карабуса Витингофа с надкрыльями, похожими на маленькую радугу. Неописанный подвид? А также очень редкого цихруса Кольцея — жужелицу-слизнееда из рода, близкого к карабусам.

Наступила осень. Участки леса с преобладанием широколиственных деревьев, особенно ниже устья р. Гобилли, право-

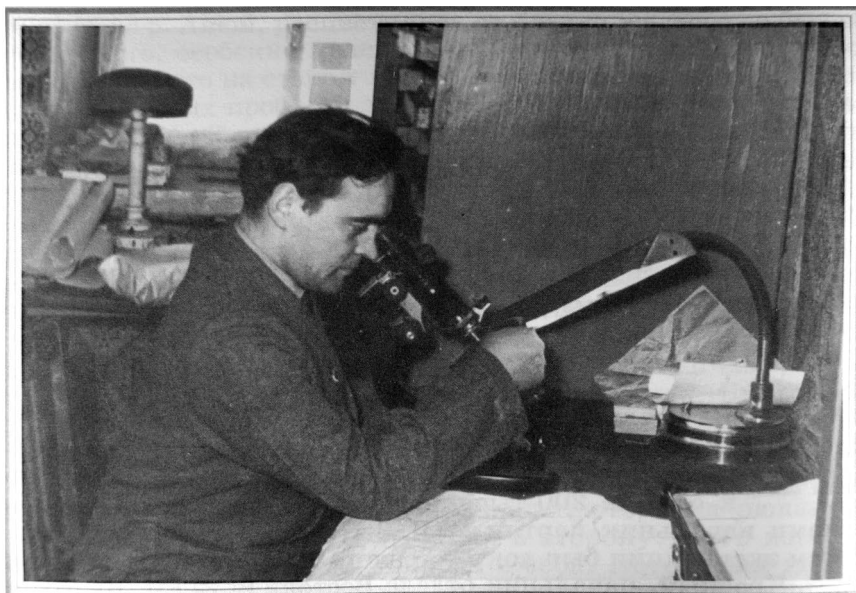
го притока р. Анюй, расцвели от бледно-желтого до багряно-красного, особенно красивы заросли клена-укурунду. Тут выяснилось, что на старом лагере на р. Богбасу мы забыли несколько важных проб, а в зимовье остались журналы с их записями. Я с А. Кирпичевым вызвался сходить за ними. Путь выбрал самый короткий, через высокий перевал — водораздел между реками Богбасу и Анюй. Туда дошли без приключений. Уже было холодно, и мы ночевали в зимовье, я зажег сразу 20 стеариновых свечей для освещения и обогрева. Днем около створки фелдери, одну из таких я видел раньше на картинке в Большой Советской Энциклопедии. Выспались хорошо, но, выйдя из темного зимовья, увидели вокруг белый снег, который большими хлопьями сыпался из низких туч. Быстро собравшись, вышли в обратный путь (28 км) к высокому (1400 м) перевалу. Впрочем, подъем с Богбасу был небольшой, метров 300, но спуск очень длинный и крутой. Толя Кирпичев, мой спутник, вдруг на перевале запсиховал, отбросил рюкзак с пробами и, сняв фуфайку, побежал в сторону. Я его догнал, хорошенько встряхнул, он пришел в себя. Потом был дикий спуск с перевала по снегу выше колен или по ледящему водному потоку глубиной иногда до пояса. К счастью, ниже снега было меньше. Уже темнело, когда мы увидели большую палатку лагеря нашей партии. В ней был коллектор В. Ефимов с рабочими-проходчиками шурфов. Они уже спали, но Валентин накормил нас ужином, и мы тоже завалились спать. Утром вода в р. Анюй сильно поднялась и течение усилилось. Несмотря на это, пошли вброд на другую сторону, где стоял наш основной лагерь. Отдыхали несколько дней. Потом сели на баты и поплыли в Биру с удэгейцами. Я был поражен узкими пропилами в заламах, в которых баты неслись с огромной скоростью, искусно управляемые удэгейцами. От Биры до Троицкого нас подбросили нанайцы на здоровенных досчатых лодках-улимагдах с подвесными моторами. Потом на катере «Бодрый» партия вернулась в Нижнюю Тамбовку, и полевой сезон закончился.

Осенью 1954 г. новый начальник экспедиции П. П. Емельянов начал свою деятельность с того, что решил «экономить» фонд заработной платы и понизил мне оклад на 100 рублей! Пришлось представлять комиссии полевые материалы, смотреть шлифы, обрабатывать анализы и писать отчет. Я успешно защитил отчет на Ученом совете ВСЕГЕИ и сдал его в фонды.

Открытие Солнечного и Комсомольского рудного района

Наступил 1955 г. В Комсомольском районе Хабаровского края экспедиция только что закончила геологосъемки миллионного масштаба и приступила к съемке 200-тысячного масштаба. Командовал работами начальник партии И. Я. Зытнер. Научным руководителем экспедиции был доктор геолого-минералогических наук Л. И. Красный, начальник отдела Востока ВСЕГЕИ. На одном из совещаний он предложил организовать тематический отряд и послать его на помощь И. Я. Зытнеру для изучения гранитных массивов хребта Мяочан. Встал вопрос о том, кому поручить эти исследования. А я давно мечтал перейти с поисков на тематику и очень обрадовался, когда назвали меня. Однако непосредственные руководители экспедиции — начальник П. П. Емельянов и гл. геолог А. И. Савченко — были против. Озабоченные нехваткой геологов для больших поисковых партий на Сихотэ-Алине, они прочили меня на должность ст. геолога одной из них. Но Л. И. Красный настоял на своем, и я выехал на Дальний Восток с его конкретным заданием: провести тематические работы на интрузиях Мяочана и сравнить их с оловоносными гранитами Сихотэ-Алиня. Он рассказал мне, что прошлогодние работы И. Я. Зытнера и Н. К. Осиповой в этом районе обнаружили повышенное содержание касситерита в шлихах, а Осипова даже вскрыла кварц-турмалиновые зоны, правда, с ничтожными содержаниями олова.

Я также вспомнил, что еще зимой спорил с И. Я. Зытнером по поводу найденных им на Мяочане кварц-турмалиновых пород: он назвал их турмалиновыми роговиками, а я доказывал, что это породы из зон минерализации. Разговор был закончен на том, что я должен сделать рекогносцировку района, направленную на его общую перспективную оценку, и Лев Исаакович написал мне краткую памятную записку с полевым заданием. Приехав в Нижнюю Тамбовку, я застал там А. И. Савченко, и он снова хотел отправить меня ст. геологом в партию. Но я, потрясая запиской Л. И. Красного, настаивал на организации

О. Н. Кабаков рассматривает шлифы на поляризационном микроскопе.
Камеральное помещение в Ленинграде. 1955 г.

тематического отряда. Лишь в середине лета, когда приехал П. П. Емельянов, было решено, что в «отряд» войдут я и один рабочий, и он будет базироваться в партии И. Я. Зытнера. Он дал мне денег на переезд и отправил в Комсомольск, обещав прислать самолет с продуктами и сбросить в условленном месте. На следующий день я уже был на базе партии Зытнера в Старте, где находилась лишь минералог Фаина Михайлова. Вечером уговорил одного парня из Старта — Юру, приемного сына директора совхоза, пойти со мной маршрутным рабочим.

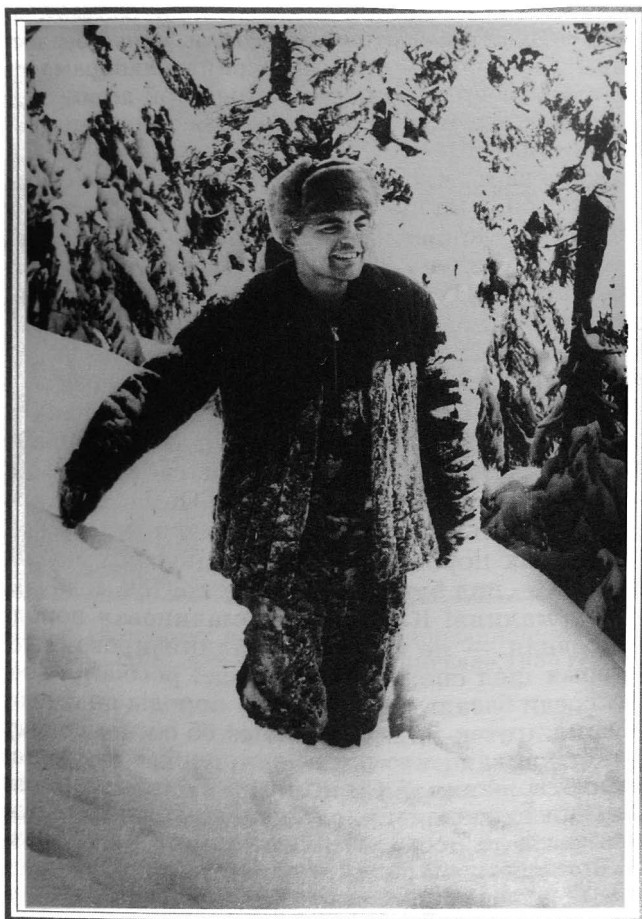
Настоящий полевой сезон для нас, геологов, начинается лишь тогда, когда за спиной остались последние изгороди поселка, а впереди — царство дикой природы. Возникает чувство некоторой отрешенности от цивилизации и особой дерзости — ведь в трудную минуту надо рассчитывать лишь на себя, а жить предстоит по суровым законам тайги...

18 июля 1955 г. мы вышли из поселка с многозначительным названием Старт и направились вверх по р. Силинке. Цель — далекий Мяочан. Пройти предстояло около 50 км, я считал это расстояние небольшим. На спинах тяжелые рюкзаки, солнце печет немилосердно, под ногами хлюпает болотистая марь. Лицо и шею облепляет мошкара, рубашку на плечах прокусывают слепни. Тропинка часто теряется в зарослях густых ольховников и молодой лиственницы. Через несколько

километров выходим на обрывистый край базальтового плато. Открывается чудесный вид — широкая, почти безлесная долина Силинки, а за нею — величественная панорама хребта Мяочан. Вершины расплываются в синеватой дымке, на них пятна зеленого бархата над более темными склонами, покрытыми густой хвойной тайгой. Очень красиво, но мой пятилетний опыт подсказывает, что этот бархат — заросли свирепых кедровых стлаников — сущее проклятие для геолога в маршруте. Мы сбрасываем рюкзаки и несколько минут вглядываемся вдаль. Пытаюсь угадать, что сулят мне эти разнообразные вершины и долины. «Ну как, красиво?» — спрашиваю Юру. Он смотрит удивленно, но без особой радости: «Ничего» — отвечает, — только мошки много и идти далеко...»

На обед останавливаемся у холодного ручейка, возле маленького лабаза с мешками сахара, муки и крупы. Это продукты съёмочной партии ДВТГУ Н. К. Осиповой. Юра открывает консервы, а я набираю в котелок воды между большими черными валунами базальтов. Но что это? Песок на дне очень светлый и на нем большие гальки гранитов, кварца и обломки каких-то темных пород. Поднимаю один обломок и раскалываю молотком — под бурой коркой искрятся мельчайшие кристаллики турмалина! Кварцево-турмалиновая порода, да еще какая массивная, — не то что турмалинизированные песчаники, о которых шел спор в Ленинграде: роговики это или нет. И почему среди базальтов? Ведь эти породы не имеют никакого отношения друг к другу. Позабыв об обеде, осматриваю обрыв и устанавливаю, что здесь покров базальтов налегает на террасовые отложения р. Силинки, а куски турмалиновых пород принесены ею издалека, с Мяочана. Пообедав, прошли еще несколько часов до места слияния Силинки и Холдоми, уже в сумерках поставили палатку и заночевали.

Рано утром, позавтракав, отправились дальше и к полудню дошли до группы палаток на берегу Силинки. Это был смешанный лагерь геологов-съёмщиков партии И. Я. Зытнера и Н. К. Осиповой. Из одной палатки вытащили сонного радиста Мишу, который очень обрадовался нашему приходу, тем более, что мы принесли письма для всей партии. Но все геологи были в многодневных маршрутах, и Миша считал, что раньше, чем через 3—4 дня они не вернутся. Поручив ребятам сварить обед, я взял молоток и пошел обследовать речные косы Силинки. Это мой излюбленный метод первого знакомства с геологией каждого нового района — ведь все то, чем сложены окрестные горы, рано или поздно попадет в речку в виде галек и валунов. Застучал геологический молоток, и свежие сколы камней начали выдавать свои маленькие тайны: вот осадочные породы древних морей — алевролиты и песчаники, вот вулканические лавы и туфы — зеленоватые порфириды, пористые, как губка, базальты, попадают обломки различных грани-

Зимняя работа стала нравиться.
Солнечное. Ноябрь 1955 г.

тов и куски белого кварца. Но что это? Среди разноцветной гальки лежат угловатые обломки, покрытые корками ржавых гидроокислов железа. Разбиваю их и поражаюсь: великолепные брекчии кварц-турмалинового состава! Вот это удача! Ведь именно в таких породах и встречаются оловянные руды... Ребята кричат и зовут обедать, но не до еды. Меня охватил азарт исследователя: оторваться от дела и не расколоть еще и еще обломок невозможно! Постепенно раскрываются крохотные отблески горных богатств: в одном из кусков брекчии зазеленели примазки малахита — значит, есть медь! В других — вкрапленность сульфидов свинца и цинка. А вот и самая тя-

желая глыба. Раскалываю ее и не верю глазам: на темно-зеленом фоне мелкозернистого турмалина — пятнышки блестящего коричневого минерала, похожего на касситерит, — главную оловянную руду! Забираю их и бегу в лагерь. Там, не ощущая вкуса и запаха, съедаю обед с невероятной быстротой — ребята смеются: вот так проголодался! Но я лезу в рюкзак, где припрятана бутылочка с солянкой и цинковая пластинка. Делаю реакцию коричневого минерала на олово. Ура! Это касситерит! Я расчищаю место рядом со своей палаткой и раскладываю ряды все свои сокровища — образцы турмалиновых брекчий с разными рудными минералами. Такого их изобилия сразу в одном месте я раньше не видел.

Но нужно ждать И. Я. Зытнера. Без его геологической карты дальше не продвинуться, надо также узнать, какие руды находили геологи его партии.

Следующие дни были посвящены маршрутам в окрестные горы. Геология их очень сложная: осадочные песчано-алевролитовые толщи перекрыты разнообразными вулканическими породами, те и другие прорваны гранитоидами и разбиты многочисленными нарушениями. В сравнительно недавнее геологическое время, так миллионов 70—80 назад, в этом районе происходили сильнейшие землетрясения, извержения вулканов и выбросы фумарол и гейзеров, т. е. все то, что можно сейчас наблюдать на Курильских островах. Находили мы и многочисленные обломки кварц-турмалиновых брекчий, но без видимого оруденения. Через день из маршрута вернулся геолог Толя Андреев из партии Зытнера и геологиня Аня из партии Осиповой. В следующие дни я помогал Толе Андрееву сделать геологический разрез на обнажениях Силинки, а он со своим рабочим помог нам расчистить коренной выход зоны турмалиновых брекчий. В этой зоне на обрывистом берегу речки много сульфидов, малахита и азурита. Взяли несколько проб и назвали рудопроявление «Силинским». Оно находилось на северном простирании одной из зон будущего Фестивального месторождения, открытого геологами ДВТУ в 1956 г.

Наконец, из маршрута вернулись Илья Яковлевич Зытнер и геологи В. Шувалов, И. Кончаковская и другие сотрудники. Володя Шувалов показал мне на карте место, где он нашел большую кварцевую жилу за озером Амут. А И. Я. Зытнер очень удивился обилию рудных минералов, выставленных у моей палатки. На маленьком совещании я доказывал, что здесь возможен новый рудоносный район и надо заняться более детальными поисками. Илья Яковлевич отвечал, что с него никто не снимет плана по съемке, сил мало, а территория огромная. Он добавил: «Раз тебя прислали к нам, то тебе и карты в руки по всем поискам». А я, помня задание Л. И. Красного и понимая слабосильность своей группы (что могут сделать два человека!) тоже призадумался об ответственности. На следую-

щий день в экспедицию полетела радиограмма главному геологу Савченко: «Найдена богатая руда олова, нужны рабочие и техники», в другой радиограмме я просил сбросить с самолета продукты. Скоро пришел ответ: «поиски обходите своими силами, берите больше бороздовых проб, сброс будет сделан ближайшее время, Савченко». Скоро все геологи-съемщики разошлись в очередные маршруты, а я со своим единственным рабочим Юрой пошел дальше, вверх по Силинке.

Едва успели поставить палатку на месте слияния Силинки и Амута, как пошел проливной дождь. Ужинали жареными белыми грибами, которых набрали вокруг палатки. Дождь шел всю ночь, а утром в сопках разлился белый, как молоко, туман. Несмотря на сырость, пошли в маршрут. Целый день, мокрые с ног до головы, лазаем в кедровых стланиках, из-за тумана ничего не видя вокруг. Юра все время ругается, а я объясняю ему, что это обычная геологическая работа. Проплутав в тумане несколько часов среди глыб базальтов и порфиритов, я начал опасаться за сохранность отсыревших топографических карт и дневников. Взяв компасом азимут, сравнительно быстро спустились в долину Силинки и пришли в лагерь. Опять сильный дождь, и мы, мокрые, поев одних консервов, завалились спать. А утром в изголовье лежала записка Юры: «Прощайте, я ушел совсем, обо мне не беспокойтесь, ухожу на Старт с рабочими Осиповой».

Так я остался совсем один среди глухой тайги. Из оружия — только геологический молоток и маленький топорик. А вокруг много медвежьих следов, и ходить одному в маршруты неприятно. Да и маршруты пришлось делать короче, так как достаточного количества образцов и проб одному не принести. Через несколько дней снова пошли дожди, а у меня кончились продукты. Пришлось спускаться на базу Зытнера, где находился лишь радист Миша. В один из солнечных дней прилетел По-2 и закружился над палатками. С него сбросили доску с надписью: «Если Кабаков здесь, помахайте белым». Я несколько раз махнул полотенцем, и с самолета сбросили три тюка, упавшие близко к лагерю. Самолет взмыл вверх и, покачав на прощанье крыльями, скрылся за сопками, а мы с Мишей пошли искать продукты. В водном тюке оказалось 40 банок мясной тушенки, сильно помятых от удара о камни, в других — мука, сахар, крупы, письма и записка с ценами продуктов. Скоро из очередного маршрута возвратились Зытнер и Кончаковская с рабочими. Я договорился с Ильей Яковлевичем, что он даст мне рабочего вместо Юры. Так я познакомился с охотником Тимофеем Асикретовичем Зыковым — рабочим Кончаковской. Он жаловался, что на съемке очень длинные маршруты, а ходить ему тяжело. Зимой у Чукчагирского озера он неудачно стрелял в медведя-шатуна и поплатился за это сломанными ребрами. Других свободных рабочих

у Зытнера не было, и я согласился взять старика к себе. Жалеть об этом не пришлось, Тимофей Асикретович хорошо знал тайгу, метко стрелял из мелкокалиберки и по вечерам рассказывал интересные истории из своей жизни: он работал охотником-промысловиком, охотоведом, сторожем, фельдшером и был снайпером на войне. А я ему рассказывал про Ленинград и свое детство.

В начале августа мы с Тимофеем Асикретовичем и еще одним рабочим с лошадью перебросили все продукты к моей палатке на устье р. Амут и получили возможность проникнуть вглубь Мяочана и в верховья Чалбы и Амута. Каждый день, проходя по косам Силинки, я присматривался к составу слагающих их галек и валунов и скоро установил, что последние обломки с касситеритом исчезают немного выше нашей палатки на месте слияния Силинки с Амутом. Потянулись дни тяжелых маршрутов, их линии сгущались на моей карте в районах выходов гранитов. Но все время помнилось о находках касситерита в аллювии Силинки, и в промежутках между многодневными маршрутами я не упускал возможности сходить на ближайшие к лагерю сопки. Скоро была установлена мощная зона кварц-турмалиновых брекчий и кварцитовидных пород на правом борту долины Силинки. Видимого касситерита в ней не было, но встречались очень тяжелые скопления вторичных свинцовых минералов. Эта зона по компасу проектировалась на север за Силинку, где главным ориентиром была маленькая полянка, заросшая диким луком, а я решил при первой возможности сходить туда. Результаты маршрутов наносились на левую карту, где постепенно выделялись контуры разных геологических образований. Особое внимание уделялось изучению магматических пород: диоритовые интрузии я увязывал с верхнемеловыми вулканитами, а граниты Чалбы и Сектаха считал более молодыми. С гранитами, залегающими на глубине под Мяочаном, я связывал весь контактовый метаморфизм района и обильную турмалиновую минерализацию. На карте отмечались разные типы минерализованных пород: грейзены с турмалином, кварц-турмалиновые и турмалин-сульфидные породы, проявления аксинита, кварцитовидные породы, а также все находки различных рудных минералов олова, вольфрама, молибдена, свинца, меди и цинка.

Ходили мы и за озеро Амут, где в кварцевой жиле была установлена вкрапленность касситерита и взято несколько бороздовых проб. Участок был назван «Заозерным» (впоследствии хабаровскими геологами переименован в месторождение Озерное).

В озере Амут Тимофей Асикретович наловил ленков, и мы немного разнообразили свое консервно-крупяное меню свежей рыбой. Особенно тяжело было вытаскивать образцы и пробы с озера Амут в основной лагерь — троп и дорог не было, мы спус-

кались прямо по руслу речки, заваленной глыбами порфири-
тов и буреломом.

Сегодня день моего рождения, 11 сентября 1955 г., мне 27 лет. Утро хмурое, холодное, идет моросящий дождь. Продукты на исходе и я подумываю о завершении полевого сезона. Последние дни мы со стариком особенно страдали от сырости и голода, каждый день заваривали только суп с громадными галушками, которые шли вместо хлеба. Тимофей Асикретович иногда охотился и приносил убитую белку или рябчика, которые немедленно шли в пищу. К обеду немного прояснилось, и мы решили сходить на упомянутую выше луковую полянку.

Мне не давали покоя находки касситерита в аллювии Си-
линки, а Тимофей Асикретович хотел набрать луку и поохотиться. Луковая полянка! Сколько раз все геологи проходили мимо: тропа шла у подножия огромной скалы у устья р. Амут. Скала была сложена ороговикованными алевролитами и не давала ни малейшего намека на руду. Все геологи партии Зытнера и Осиповой, да и я сам внимательно осматривали именно это обнажение и не обращали внимания на вторую маленькую скалу, расположенную за луковой полянкой, немного выше по склону. На этот раз я подошел к ней поближе и стал ковыряться в развалах глыб, снимая с них тонкий слой земли и мха. Вдруг среди серых алевролитов показалась большая глыба красивейшей кварц-турмалиновой брекчии. Я поразился необычно тяжелому ее весу. После первого удара молотком у меня сразу сдавило дыхание: на 30% порода состоит из свежего блестящего коричневатого касситерита! Вот это да! Первая мысль — откуда она свалилась. Подняв глаза, сразу сообразил, что основной поток глыб в осыпи сполз со второй скалы. А вот и вторая, и третья глыба с рудой! Разбиваю их молотком и карабкаюсь вверх к подножию. В самый напряженный момент ручка молотка ломается, и я зову Тимофея Асикретовича. Он очень обрадовался находкам и почти бегом побежал в лагерь за запасным молотком и зубилом. А я стал голыми руками обдирать дерн с обнажения. Погода улучшилась, выглянуло яркое солнце, все вокруг заискрилось каплями недавних дождей и настроение стало радостным. Быстро расчистили скалу, и перед нами раскрылся коренной выход мощной рудной зоны шириной в 11 м! Вся структура ее показывала, что зона уходит в сопку и продолжается вверх по склону. Остаток дня мы потратили на прослеживание этой зоны к северу и забрались на самый верх сопки, где она неожиданно нырнула под покров базальтов. Выше обнажения зона прослеживалась лишь по глыбовым осыпям. Среди них попадались отдельные глыбы, очень богатые касситеритом, некоторые из них я сфотографировал. В первый же день зона была прослежена более чем на

300 м! Учитывая ее продолжение на юг за Силинку, я понял, что найден рудный объект крупных размеров.

Весь вечер мы с Тимофеем Асикретовичем проговорили о найденной рудной зоне — ведь ей надо дать название и как следует опробовать, а то не поверят оценке на глазок.

Название придумали быстро. Мы так соскучились по теплу и солнцу! И назвали месторождение Солнечным, отразив в нем нашу надежду на его блестящее будущее. На следующий день мы с трудом, двумя молотками и плохим зубилом, отобрали еще десять проб, 30 штуфов, а все выходы рудных пород тщательно задокументировали. Но наши продукты кончаются, а партия И. Я. Зытнера давно на Старте и помощи ждать неоткуда. Сходили 15 сентября на охоту и подстрелили четырех уток. Расставаться с Солнечным мне не хотелось, и Тимофей Асикретович вызвался сходить на Старт за продуктами и лошадью. Скрепя сердце я согласился, и он, взяв одну утку, ушел. Погода совсем испортилась, начались дожди вперемешку со снегом. Я пытаюсь дальше проследить рудную зону, но жизнь в тайге становится все тяжелей, а Тимофей Асикретович не возвращается. Доев последний кусок утки и последнюю затирушку из остатков муки 20 сентября, я побежал на Старт, взяв с собой лишь дневники и карты. Запомнилась ночевка посреди громадной мари ниже устья р. Холдами. Я уютно устроился между двумя большими корнями сухостойкой лиственницы и прикорнул возле маленького костерка. Но не успел заснуть, как недалеко в сопках затрубили изюбры, а в долине завывали волки. Стало очень холодно, над костерком проносятся совы, вокруг слышатся разные шорохи. Пришлось провести бессонную ночь, глядя на бесчисленные звезды. Прямо над головой сверкала голубоватая Вега и вспыхивали частые метеориты. Наутро все затянулось туманом, и я двинулся на Старт. Когда, шатаясь от усталости, я брел по улице к базе Зытнера, местные ребятишки с удивлением смотрели на оборванного и грязного человека, едва передвигающего ноги. А одна девочка даже сильно испугалась. Весь вечер и ночь я отогревался, отъедался и отсыпался в теплой комнате среди друзей. К ужасу своему узнал, что старик с лошадью уже ушел за мной в тайгу! Мы с ним разминулись. Вот неудача! На следующий день, несмотря на ужасную погоду — сильный ветер и холодный дождь со снегом, я ринулся догонять Тимофея Асикретовича. С собой взял лишь банку мясной тушенки и буханку хлеба. Развив большую скорость, я прошел до бывшего лагеря Зытнера (45 км) за 8 часов. Там с радостью встретил Тимофея Асикретовича, и мы вместе добрались до лагеря.

Наконец, отобрана последняя проба, сделан план месторождения и все упаковано в бумагу и мешки. Вьючим лошадь и начинаем передвигаться в сторону Старта. И лошадь, и мы тяжело нагружены, приходится возвращаться, так как за один

раз все не увезти. Нам помогает несколько хороших дней в конце сентября, но 23-го мы попадаем в сильный ураган со смерчами, вокруг падают подгнившие сухостойные лиственницы, а в воздух поднимаются целые тучи пыли, листьев и обломанных ветвей. Ураган стих к вечеру, снова прояснилось. Еще целый день тащились с тяжелым грузом, чуть не утопили лошадь в разлившихся протоках Силинки и, наконец, добрались до Старта. На следующий день повалил сильнейший снег — почти зимняя пурга. Мы радовались, что все уже позади, что находимся в тепле, а наш драгоценный груз пакуется в ящики и скоро будет отправлен на базу экспедиции в Нижнюю Тамбовку. На базе экспедиции меня встретили очень приветливо, особенно К. П. Капралова — заведующая минералогической лабораторией: ей в середине лета были посланы образцы с касситеритом и другими рудными минералами, и она первая подтвердила все мои определения.

Особенно доволен был нач. экспедиции П. П. Емельянов. В то лето у других наших поисковых партий результаты работ были не блестящие, хороших рудных объектов они не нашли. Я сделал доклад, показал образцы и карты, и Емельянов объявил, что наш «отряд» по результатам полевых работ занял первое место по экспедиции. Все пробы были сданы на срочный спектральный анализ, и он показал очень высокие содержания олова в рудах. Тогда руководство экспедиции заволновалось еще больше, был собран научно-технический совет. Изучив мои материалы, пришли к выводу, что их недостаточно для окончательной оценки Солнечного и передачи его в разведку. Было решено, что надо снова идти на участок и выкопать дополнительные каналы для прослеживания зоны. Очень не хотелось возвращаться снова в тайгу, в сырость и холод, но пришлось...

Сделали объявление о наборе добровольцев в новый поисковый отряд. К этому времени почти все партии уже возвратились в Нижнюю Тамбовку, геологов и рабочих собралось очень много. Пойти снова в тайгу вызвались более 30 рабочих, а также геолог Толя Андреев, радист В. Абрамов и геофизик И. Савченко. Встал вопрос — кто будет руководить отрядом, выписывать наряды и получать снаряжение. Я за это дело не брался, на помощь пришел И. Я. Зытнер, который решил также пойти с нами. Отряд был полностью укомплектован, и мы поехали на Старт.

Двинулись в Мяочан 13 октября 1955 г. Путь труден, так как уже лежит снег, люди тяжело нагружены палатками, спальными мешками, продуктами и даже железными печками. Шли целых четыре дня, запомнилось, что из снега приходилось лезть в ледяную воду, а из воды снова в снег — все ручьи и протоки Силинки сильно разлились. Но уже 25 октября, поставив палатки, мы приступили к проходке двух канав. Тяжелое сна-

ряжение — ломы, кайлы, лопаты — и основные продукты нам сбросили с самолетов. Работа часто прерывалась снегопадами, ветрами, пургой. Отдыхали практически лишь 7 ноября. К празднику нам сбросили спирт в разноцветных резиновых грелках, мы разливали в кружки мутную жидкость — резинку, как шутили рабочие. Почти весь ноябрь я задавал канавы и документировал их, а Толя Андреев с рабочими отбирал пробы. Особенно трудно было в морозные дни, но человек привыкает ко всему, и мне даже стала нравиться зимняя работа. И вот все закончено, надо выходить и выносить все пробы на Старт. Тут выяснилось, что снега напало выше пояса, и он очень рыхлый. Послал двух ребят прокладывать тропу, они вымотались через несколько часов, а проторили не более километра. Выручила замерзшая Силинка, правда, лед очень тонкий, а морозы выше 30°. Решаем выходить осторожно, по ледовой дороге. На обратном пути не обошлось без суровых приключений: двое рабочих и И. Я. Зытнер провалились в воду и обморозили ноги. Но в целом все обошлось благополучно. В Старте Зытнер рассчитал всех рабочих и отправил снаряжение и образцы с пробами по разным адресам.

В начале декабря И. Я. Зытнер и я с драгоценными пробами прибыли в Хабаровск. Мне пришлось там задержаться, а Илья Яковлевич почти сразу уехал домой в Ленинград. По заданию руководства экспедиции нужно было передать рудопроявления Дальневосточному геологическому управлению. Виктор Андреевич Ярмолук в то время был в отъезде, в Москве, и мне пришлось делать доклад и показывать все материалы А. В. Кочубею, старшему инженеру управления по поисковым работам и главному геологу Евгению Ксенофонтьевичу Дацко. Они сразу распорядились проанализировать наши пробы и с огромным интересом изучили весь фактический материал. Было ясно, что материалы свидетельствуют о совершенно новом рудном районе СССР — ведь ДВТГУ передавались сразу четыре рудных объекта: месторождение Солнечное и рудопроявления Заозерное, Силинское, Сектах, а также предварительно оконтуренная площадь развития зон кварцевотурмалиновой минерализации, перспективная для открытия новых рудных объектов, названная Мяочанским рудным узлом.

По приезде в Ленинград пришлось вступить в борьбу за «существование»: меня с ходу хотели включить в состав партии Зытнера, чтобы все данные по новым рудопроявлениям включить в его отчет. Я, естественно, стал отбиваться и доказывать, что привезенных материалов вполне хватит для составления небольшого тематического отчета, опять ссылаясь на задание Л. И. Красного. В конце концов меня оставили в покое, но и без помощи. Всю зиму я обрабатывал тысячи образцов, сотни проб и шлифов, составлял карты и писал

текст внепланового отчета. Обрадовала телеграмма В. А. Ярмолюка от 13.01.1956 г.: «Спектральный анализ ваших 35 проб дал положительные результаты в 19 случаях, из них 7 очень хорошие, приступаем к химическому анализу». Несколько раз я докладывал о результатах работ и показывал все материалы представителям Министерства геологии и ВИМСа. Был написан отчет «Рудопроявления и минерализация Мяочанского рудного узла», который был успешно защищен весной 1956 г. Защита проходила во ВСЕГЕИ при отсутствии Л. И. Красного. Ученый совет заседал под руководством Ю. К. Дзевановского. Хорошие отзывы были написаны кандидатами наук К. Б. Ильиным и В. К. Путинцевым. В конце защиты даже раздались аплодисменты, и все поздравили меня с отличными результатами исследований. Но на этом все кончилось. По-видимому, во ВСЕГЕИ мои открытия сочли чем-то маловажным, да и не все верили в их серьезность. Лишь из Министерства геологии прислали значок «Отличник социалистического соревнования».

А события развивались своим чередом. В. А. Ярмолук, назначенный в то время начальником ДВТГУ, сразу поверил в новый рудный район и добился организации Комсомольской экспедиции для широкого фронта поисковых и разведочных работ на его территории.

В следующий раз я выехал в поле в июле 1956 г. В Нижней Тамбовке встретил П. П. Емельянова, и он предложил продолжить исследования на хребте Мяочан. Помощниками со мной были Д. Кулинич — студентка-выпускница Львовского института и А. Янек из Ленинградского горного института, а также рабочий. Мы вчетвером прибыли в поселок Старт, где обосновался штаб геологической экспедиции ДВТГУ под руководством К. Ф. Прудникова. Там мне отказали в транспорте, и мы пошли пешком. Через два дня прибыли в поселок Солнечное (будущий Горный). Там меня встретили хорошо, группа нашей экспедиции под руководством Л. М. Колмака занималась крупномасштабной съемкой окрестностей месторождения Солнечное. Они ждали своего руководителя Э. П. Изоха. А местность неузнаваемо изменилась: там, где всего 6 месяцев назад стояла нетронутая тайга, прокладывались дороги, стояли десятки деревянных домиков, работало множество людей — сотрудников геологоразведочной партии ДВТГУ, ревели бульдозеры и бурильные установки. На Солнечном проходили первую штольню, а на других участках канавные работы. Главным геологом на этих работах был В. В. Онихимовский. Интересный случай был с Э. П. Изохом. Он приехал в середине лета и шел по главной улице к камералке. Вдруг из одного дома (столовой) высочила какая-то женщина (повариха) и громко позвала: «Изох, Изох, поди сюда!» Он остолбенел. К женщине подбежала маленькая чер-

ная собачка, и она стала ее кормить. Эмиль Петрович вечером изругал за это Л. М. Колмака и Д. А. Воронина.

Я встретил также минералога из ВСЕГЕИ Н. Я. Монахова, с которым мы совершили совместный маршрут в верховья Чалбы. Здесь стояла партия В. Г. Курочкина, производившая опоиcкование участка района высоты 1300 м с очень сложным рельефом. Там были особые «промоины» на крутых склонах со следами зимних снежных лавин. В одной из подобных промоин мы обнаружили кусок кварц-турмалиновой брекчии с видимым касситеритом и, проследив обломки, вышли на довольно плоскую вершину, где увидели полосу элювия из глыб с видимым касситеритом, впоследствии названную «зона Широкая» Чалбинского месторождения. Вечером я собрал «совещание» со своими коллекторами, чтобы решить, сообщить о зоне сейчас или подождать. Даша Кулинич была против — она сказала, что Курочкин отказался ей выдать со склада мясные консервы. Но на следующий день я пошел к Курочкину, у которого сидел П. А. Эпов, и рассказал им о новой зоне.

В начале сентября мы начали выходить из района работ на Старт и в Комсомольск. По дороге встретили грузовик с группой важного начальства, они сначала приняли нас за «беженцев» с трудового фронта. Но узнав, что я первооткрыватель, взяли меня в машину и посадили напротив М. М. Стахурского, первого секретаря партии Хабаровского обкома, и В. А. Ярмолюка — начальника ДВТГУ, которого я видел впервые. М. М. Стахурский долго и с пристрастием расспрашивал меня о работе. Узнав, что я беспартийный, глубокомысленно заявил: «А сколько дураков у нас в партии!». Они привезли меня обратно в поселок Солнечное, где был устроен многолюдный митинг, на котором с речью выступил М. М. Стахурский. Он отругал геологов и похвалил повариху, которая накормила его вкусным обедом, а также рабочих. Утром я проснулся и узнал, что «начальство» уже уехало в Комсомольск. Пришлось идти пешком. Наша группа переехала в поселок Корфовской на востоке хребта Хехцир. Там располагался крупный массив гранитоидов, который нам предстояло изучать. Сначала мы посетили окрестные заброшенные карьеры в гранитоидах и в одном из них нашли турмалиновую минерализацию. Потом студенты уехали на занятия, а я, взяв в Корфовской мальчишку-рабочего, продолжал маршруты на Хехцире до конца октября. В одном из маршрутов мы нашли скарны со скоплением чистого магнетита. Потом я подарил В. А. Ярмолюку красивый образец этой железной руды, найденный так близко к Хабаровску.

Вернувшись в Ленинград, я написал отчет «Корфовский массив гранитоидов», который Д. Кулинич использовала для своего диплома. Зимой мне неожиданно пришла повестка из

В маршруте на хребте Хехцир под Хабаровском.
Август 1956 г.

КГБ явиться после работы в их отдел на Невском. Пришел туда в 7 часов вечера. Из кабинета послышался окрик: «Подождите, когда позовут». Я просидел на скамейке в коридоре до 11 часов, после чего был вызван и узнал, что Л. М. Колмак потерял карту, и я оказался в списке возможных пользователей этой карты! Злополучную карту я помнил — самый обычный лист масштаба 1:100 000, но ее зажалил кто-то из студентов.

Лев Исаакович Красный, защитив докторскую диссертацию, предложил начальству нашей экспедиции летом 1957 г. создать специальную тематическую партию для оценки редкометалльного оруденения и назначить меня начальником. Поэтому из Нижней Тамбовки на катере «Бодрый», вниз по р. Амур, выехала партия в составе О. Н. Кабакова (начальник), С. С. Мещерякова (старший геолог), Д. А. Воронина (геолог), Н. Яковенко (старший геофизик), студентки Е. Можяевой (коллектор), Ю. Данскера (радиотехник) и двух рабочих. Ранним утром отправились в путь. Вечером бросили якорь у одного из рыбоколхозных поселков, купили тещу кеты. Затем в течение трех дней плыли на катере вниз по Амуру, приставая на ночь к рыболовецким колхозам, их в то время было множество на берегах. По пути я наблюдал постепенное «выклинивание» хвойно-широколиственных лесов и дубовых лесов с характер-

ной для них фауной. Последний остров, покрытый подобной растительностью, встретился немного ниже поселка Горьковский. Дальше на берегах и островах Амура преобладали только хвойные леса. Наш катер остановился в поселке Тахта, где мы задержались из-за шторма. Шторм бушевал три дня, в озере Чля потонул катер с несколькими школьными учителями (причем команда катера спаслась). К нам посадили работников прокуратуры для расследования этого дела. Наш катер вошел в узкую протоку, соединяющую озеро Чля с Амуром. Но выйдя в озеро Чля, мы попали в сильное волнение и с трудом пересекли его. Причалив к пристани, были поражены «культурным» видом поселка. Оказалось, что в прошлом здесь располагалась резиденция управления приисков золота американской концессии. От них осталось только несколько асфальтированных дорог с чугунным памятником основателю Белогорского прииска. На пристани располагался ресторан. Дома местных жителей большие и добротные, а по улице гоняются бесчисленные мотоциклы.

Мы сняли комнату в одном из домов и начали готовиться к переходу на хребет Мевачан в 30 км севернее поселка Чля. Туда вела лошадиная тропа, и мы наняли 6 лошадей с проводниками. В первый же день дошли до заброшенного прииска Апрельский. На нем трудилось лишь несколько бригад старателей. Они копали глубокие канавы, пользуясь тем, что американцы спустили болотную воду в Сахалинский залив. Пронаблюдали, как одна бригада (муж, жена, двое детей и племянник) снимала промытое золото из примитивного промприбора — бутары — горсть крупных зерен размером от 1 до 5—6 мм в поперечнике, промытую за несколько дней. Ю. Данскер не преминул обменять 100 г золота на продукты, сделав это тайно. Прибрежная болотистая равнина кончилась и начались горы. Подъем был пологим и скоро начался прекрасный елово-пихтовый лес с примесью клена укурунду, сосен, берез, ольхи, шиповника, рябинолистника и других кустарников. А на земле росли даурские лилии, черемша и тихоокеанский бадан с огромными листьями.

Лагерь поставили на высоте примерно 1000 м над уровнем моря, рядом с заброшенными домиками и баней, оставшимися от партии, разведывавшей пегматиты Бекчи-Ульского гранитного массива на пьезокварц. От них до пегматитов около 1 км и 1000 метров подъема. С этой горы виден Сахалинский залив Охотского моря. Море покрыто льдом, лишь у берега видна полоска воды. Местность весьма интересна: вершина горы была раньше в зарослях кедрового стланика, но он сгорел, дожди смыли остатки почвы, и перед нами — отпрепарированная поверхность гранитов и несколько обнаженных пегматитовых жил, в которых пройдены небольшие и неглубокие шурфы, местами с жемами горного хрусталя и мориона. Ря-

дом кучки выбракованных кристаллов до 10—15 см длиной. Именно в этих скоплениях обнаружена и редкоземельная минерализация: кристаллы уранинита, колумбита и танталита, редко берилла и сподумена. Мне вспомнилось заключение Л. И. Красного в отчете за 1935 г.: месторождение мелкое и бесперспективное. Как оно превратилось в рудный узел, а потом и в редкометалльную провинцию, остается только гадать! Кроме пегматитов, изучением которых занялись С. С. Мещеряков и Д. А. Воронин, я решил провести шлиховое опробование окрестных ручьев на предмет обнаружения россыпей, а потом прошлиховать и пески побережья залива Екатерины, куда впадали эти ручьи. С коллектором Леной перевалили невысокий хребет, отделяющий Бекчи-Ульский массив от долины ручья Ул, и очутились в прелестной местности. На склонах гор редкостойкий лес из монгольского дуба с подлеском из леспедыцы, рябинолистника, спиреи, ольхи и других кустарников. Все было залито солнцем, летали разнообразные жуки и бабочки. Особенно много было хрущиков серикании сахалинской — другой вид, чем у Хабаровска и Комсомольска. Летали разные виды цветочных усачиков.

На следующий день пошли по хребтику в сторону залива Екатерины: сначала по гольцам, но потом сквозь густейшие заросли кедрового стланика, продолжавшиеся до подножия гор. Снова вышли на приморскую низменность, где стоял густой дух бродящего пива: все болото покрыто перезревшей морошкой. Наелись до отвала и, наконец, вышли на хорошую тропу вдоль ручья. Когда шли рядом с ручьем, увидели, что вода в нем течет вспять! Из-за морского прилива. Дошли до высокого берегового вала, состоящего из крупнозернистого морского песка, покрытого зарослями шиповника, кустиками кедрового стланика и редкими соснами. Через вал вышли на довольно высокую приморскую террасу, заросшую густой травой, с грудями сухого древесного плавника. Терраса заканчивалась широким пляжем, на который набегала небольшая волна. Вода в море была довольно теплая, и мы искупались. Вдалеке слева виднелась высокая скала с навигационным знаком, а не доходя до нее располагался длинный сарай. В сарае оказался склад бочек с очень старой ржавой селедкой. Начали искать пресную воду, так как в ручье Ул вода была морская. Пришлось мне с котелком идти вверх по ручью, до места, где морская вода уже не смешивалась с пресной.

Вечером у нашей палатки, на береговом валу, обнаружили изобилие спелой княженики и вдоволь полакомились ею. На следующий день пошли вдоль берега моря на восток. Шли не спеша, купались, собирали морскую живность. Под выброшенными водорослями я обнаружил мелких жуков-водолюбов рода церцион, которые оказались новым видом для науки. Энтомолог из Харькова А. Шатровский описал его и дал на-

звание — церцион хумерозус. Ночевали в домике нивхов. Утром встретили геолога В. Рыбакова, проводившего шлиховое опробование прибрежных пляжей. Потом нивхи перевезли нас на лодке через широкий пролив, дальше прошагали по берегу. Переночевав еще раз на берегу, углубились в красивый сосновый лес и вышли к дороге на месторождение золота Белая гора. К вечеру добрались до поселка Белая гора. Отсюда до нашей базы в Чля оставалось 12 км. На следующий день были у своих. Прошли в общем около 130 км. С. С. Мещеряков, Д. А. Воронин, Н. Яковенко встретили нас с радостью и рассказали об окончании своих работ по изучению бекчиульских пегматитов. Через день, собрав вещи, образцы и пробы, погрузили все на баржу, которую вел на буксире катер. Вечером катер притащил нас к дебаркадеру Тахты. Там мы пересели на рейсовый пароход и поплыли в Нижнюю Тамбовку. В Нижней Тамбовке нашу партию разделили. С. С. Мещерякова, Д. А. Воронина и Лену отправили на Сихотэ-Алинь изучать золоторудную минерализацию, меня с Н. Яковенко и завхозом Ю. Данскером — на опоскование радиоактивного объекта, найденного партией И. Я. Зытнера в бассейне р. Харпичикан. Поездом добрались до Кондона — нанайского поселка на р. Девятка, здесь наняли двух рабочих. Отсюда поплыли дальше на моторной лодке. За три дня пересекли большое озеро Эворон и, наконец, добрались до места слияния правого и левого Харпичикана. Здесь спрятали лодку, часть тяжелого снаряжения и пошли дальше пешком — около 30 км.

Шли целый день по старому лесу из сосен, берез, осин, елей и лиственниц. В подлеске, кроме ольхи, я заметил клен укурудну, рябинолистник и орешник. Много следов лосей и медведей. На красивой полянке, обрамленной невысокими горками с монгольскими дубами, поставили палатки для лагеря. К месту радиоактивной аномалии я пошел вместе с Н. Яковенко. Здесь мы увидели довольно большое болото с редкими громадными даурскими лиственницами. Часть их упала в грязь. А посреди болота шумели большие грифоны с будто кипящей водой. Я осторожно пробрался по упавшей лиственнице к ближайшему грифону и зачерпнул кружкой воду. Она была холодная, но выпив, я чуть не свалился в болото, настолько сильно она была газирована! Со всех сторон к грифонам шли утоптаннные звериные тропы. На обратном пути мы набрали целый рюкзак белых грибов. Придя в лагерь, заварил их в ведре. Уже стемнело. Наевшись грибов, ребята разошлись по палаткам, а я остался посидеть у журчащего ручья, обдумывая завтрашнюю работу. Слышал, как Никифор и Ю. Данскер тихо ругаются из-за собаки. Вдруг Юрий выскакивает из своей палатки с карабином и отомкнутым штыком и с размаху всаживает его в Никифора, который был хорошо виден через тонкую ткань палатки, он полулежал в ней и рас-

кладывал при свете свечки карточный пасьянс. Юрий выстрелил из карабина в воздух и закричал: «Никифор, заткнись, следующая пуля твоя!» После этого он забросил карабин в кусты и скрылся в своей палатке. Я подбежал к палатке и спрашиваю Никифора: «Что он тебе сделал?» Он отогнул край рубашки, показал маленькую ранку у пупка с запекшейся кровью и сказал, что встретится с Юрой у прокурора. Я еще добавил, что он теперь завтра не сможет пойти в маршрут. Потом лег рядом и потушил свечку, но не успел заснуть, как Никифор стал сильно стонать. Я снова зажег свечку и увидел, что он без сознания. На спине у него обнаружил еще рану: Юрий проколол его штыком насквозь! Я закричал, что Никифор умирает, Юрий подбежал и зарыдал. Я потребовал, чтобы он включил радио и сообщил о происшедшем. Всю ночь он пытался связаться по радио с экспедицией, но сообщил о случившемся только утром. К нам прилетел военный вертолет с врачом, они забрали Никифора, Юру, карабин и улетели. А я с двумя рабочими остался на участке, без связи и без продовольствия, с большой прожорливой собакой. Мы выложили на своей полянке знак из березовой бересты и стали ждать сброса продуктов. Прошло два дня, продукты у нас кончились, мы решили бежать к лодке и плыть на ней. Пытались включить мотор, но не смогли. Пошли на веслах. По пути попали в наводнение и в скопления спиленных бревен. Сплав! Я лежал на носу лодки и раздвигал бревна. Останавливались у голубичников и ели перезрелую голубику, не только люди, но и пес Байкал, наклонив голову набок, улавливал голубику ртом. Ели также вареные грибы.

На этой диете плыли три дня и у самого озера Эворон встретили двух охотников. У них получили несколько убитых уток и буханку хлеба. Наевшись, поплыли через озеро Эворон в сторону Кондона. Но в середине озера нас застал шторм, и я направил лодку к ближайшему берегу в заросли камыша. Там было тише, только большая волна то приподнимала лодку над камышами, то опускала вниз, так что лодку шаркало о дно. Когда мы вошли в р. Девятку, над нами покругился самолет Як-12 нашей экспедиции. Получив радиogramму из экспедиции, поспешил в Комсомольск и прежде всего зашел в больницу к Никифору. Он рассказал, что ему сделали операцию: кишки были проколоты в 8 местах и уже начался перитонит. Операция прошла успешно, и он чувствует себя хорошо. Затем я встретился с Ю. Данскером и передал ему собаку. Ходил в милицию по просьбе Ю. Данскера и разговаривал там с начальством. При мне приехал главный прокурор района и возмутился, что Данскер до сих пор на свободе. Потом, в конце октября, Никифора выписали из больницы, и мы были вызваны в суд над Ю. Данскером. Его защищал адвокат из Ленинграда. На суд собралось много местных адвокатов. Ког-

да меня вызвали как свидетеля, адвокат спросил, слышал ли я, как Никифор обзывал Юрия жидом. Я сказал, что не слышал. Ю. Данскера осудили на 8 лет.

Летом 1958 г. меня в качестве начальника тематического отряда отправили в район верховьев р. Биры, притока р. Усури, для оценки вольфрамовых проявлений. Сначала я поехал в Звеньевую, на бывшую базу нашей экспедиции. Она перешла по наследству ВСЕГЕИ. Меня встретил начальник базы А. С. Максатов, с которым мы были хорошо знакомы. Он сказал, что выделит машину для проезда в Бирское, где я собирался базироваться, и разрешил взять на складе снаряжение и продукты. В Звеньевой я нанял двух помощников-рабочих, Васю и Колю, только закончивших школу. Получив с их помощью необходимое снаряжение и продукты, мы погрузили все на машину и через несколько часов прибыли в Бирское — большое казачье село. Оно заметно опустело с 1952 г., с тех пор как я был там последний раз. Большинство крепких дореволюционных казачьих домов заколочено, а некоторые разобраны. На колхозных полях работают «шефы» — девчата из хабаровских техникумов и училищ. Но еще действует сельсовет и иногда в клуб привозят кинофильмы. Мы остановились у одной старой казачки в большом доме из посинелых громадных стволов лиственницы. В горнице висел целый иконостас фотографий ее сыновей и внуков, большей частью военных летчиков и моряков. Мне предоставили отдельную комнату с огромной кроватью. Рабочие предпочли спать на чердаке большого сарая, заваленного сеном.

На следующий день пошел осматривать местность вокруг Бирского. За хозяйским огородом протекал большой ручей с пойменной растительностью: ивами, чозениями, ильмами, боярышником и рябинолистником. Ярко светило солнце, летали бабочки, стрекозы и поденки. На зарубках, на стволиках ильмов нашел скопление очень красивых жуков из рода гелота, особого тропического семейства. Эти жуки интересны тем, что указывают на связи дальневосточной фауны с Индо-Малайской областью.

Начались геологические маршруты в окрестностях Бирского. Лето в этом году было жаркое и солнечное с редкими грозовыми дождями. Поставив рабочих копать канаву в двух километрах южнее Бирского, я пошел дальше к р. Бире знакомиться с местностью. В глаза бросилось огромное количество жуков-красотелов калозома цианескенз и желтых с черными пятнышками мертвоедов ксилотрепа секскарината, совместно поедающих мелких гусениц различных бабочек. Целые скопления этих гусениц объедали листья молодых дубков, маньчжурских орехов, лещины и других кустарников. На листьях шиповника нашел оригинальных апогоний нигрооливацей, опять представителей индо-малайского рода, а вече-

ром — два вида более крупных хрущей из рода голотрихия: г. диомфалия и г. сихотана. Жуков я собрал очень много из различных семейств. Через неделю канава была выкопана и из нее отобрали шлиховые пробы. Попутно в ней попались отдельные экземпляры роскошных жужелиц карабус (коптолябус) смарадинус длиной до 4—5 см. Они были похожи на елочные игрушки: золотисто-зеленого цвета с медными головой и переднеспинкой и рядами черных выпуклых бугров на надкрыльях. Ее родичи — десятки подобных видов, часто еще более крупные и красивые, обитают в Китае.

Мы сделала ряд маршрутов в бассейн ручья Олень, где встречались кварц-вольфрамитовые жилы и прожилки, иногда содержащие шеелит, молибденит, арсенопирит и другие сульфиды. Расканавили некоторые из этих жил и отобрали пробы. Впоследствии рудопроявление расценили как малоперспективное для дальнейших работ. На ручье Олень мы с рабочим Колей задержались в маршруте до вечера и захотели пить. Начали спускаться к ручью по очень крутому склону сопки. Я опередил Колю на десяток метров и увидел внизу большую песчаную косу, которую огибал весело журчащий ручей. Выскочив на косу, сбросив рюкзак, сумку и откинув в сторону молоток, я лег на песок и погрузил разгоряченное лицо в прохладную воду. Послышалось громкое чавканье. Подняв голову, увидел напротив в трех шагах громадную лохматую, треугольную голову кабана с торчащими в стороны белыми клыками! Сзади подбегает Коля и тоже бросает свой рюкзак. Он попал на камни и громко звякнул кастрюлей. Кабан, хрюкнув, мгновенно исчез в кустах. Склоны сопки и долина ручья Олень в те годы были покрыты девственными кедрово-широколиственными лесами, в которых росло много белокорой пихты. Тайга была наполнена чириканьем птиц, криками кедровок и соек, жужжанием пчел и ос, писком комаров. А по ночам летали тучи жуков-светляков, тонкими голосами позванивали древесные лягушки-квакши. Из-под ног выскакивали выводки рябчиков, из кустов — кабарга, зайцы и изюбры. Нашли большой старый пень, обросший со всех сторон громадными плоскими трутовиками, из которых сыпалась рыжая мука. А на трутовиках сидели причудливые жуки зофериды феллописис амурензис, напоминающие по облику и расцветке кусочку трухлявой древесины. Этот реликтовый жук сохранился в здешних лесах с третичного периода.

Однажды мы задержались с Васей на вершине хребта и решили остановиться на ночлег уже в темноте. Спустились в узкий распадок, поставили палатку в густом орешнике у маленького ключика с приятной на вкус очень холодной водой. С трудом разожгли маленький костер и сварили кашу с тушенкой. Поели и легли спать, костерок едва тлел. Через несколько минут мы услышали шаги крупного зверя, идущего по

нашим следам сверху с хребта. Мы испугались, шаги все приближались. Тут медведь, а что это был он, мы не сомневались, остановился вблизи палатки, преградившей ему путь. Выскочив из палатки, мы принялись раздувать наш костер и услышали глухое ворчание зверя. Оружия не было, кроме геологического молотка, и мы лишь ждали, что будет дальше. Вдруг медведь полез на крутой склон и засопел прямо над нами. Из-под его ног посыпались камешки. А мы подбросили в костер несколько сухих веток, и огонь разгорелся. Вася спросил сдавленным шепотом: «А вдруг он сбросит на нас большие камни?» В этот момент зверь начал удаляться вниз по распадку, по-видимому, решив с нами не связываться. Спали ночью плохо, я несколько раз подбрасывал в костер ореховые палки, но они горели плохо и сильно трещали. Встали с рассветом, наспех съели кашу и отправились в наш базовый лагерь.

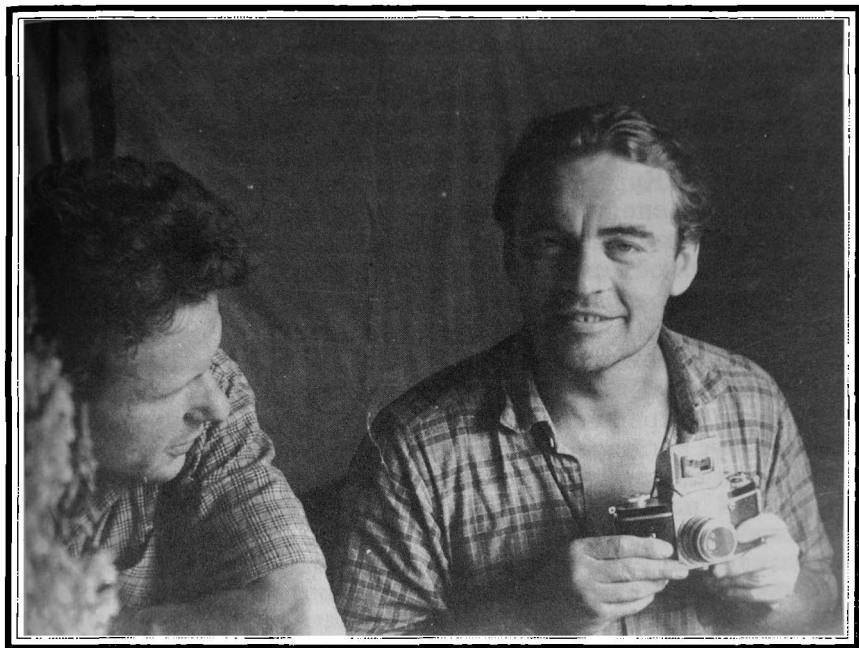
Маршрут на ручей Олень закончился трагически: рабочий Коля заболел энцефалитом, несмотря на прививку. Нас в тайге часто кусали клещи, ежедневно мы их снимали с себя десятками, иногда они впивались, приходилось выковыривать их из кожи. К этому мы привыкли. Но однажды утром Вася, спустившись с сеновала, сообщил, что Коля заболел и у него сильный жар. Я полез на чердак, осмотрев больного, сразу понял — энцефалит. Глаза у Коли закатились и он тихо бредил. К счастью, мы были в Бирском и я сразу нашел мотоциклиста с коляской, который через два часа доставил Колю в больницу. В районной больнице поселка Лермонтовское больного осмотрели и нашли на его теле следы 60 клещевых укусов! Болезнь Коли прошла в легкой форме и, по-видимому, без серьезных последствий. К сожалению, я скоро уехал из Бирского и Звенъевой на новую базу нашей экспедиции, в поселок Большой Невер, Сквородинского района, Амурской области. Под осень я получил от Коли письмо, где он сообщал, что с ним все в порядке и он устроился на работу на базу в Звенъевой у А. С. Максатова.

В Большом Невере меня радостно встретил П. П. Емельянов и попросил съездить на ореол рассеяния касситерита у заброшенного золотого прииска Улягир. Через день я с новым рабочим, местным 17-летним пареньком Витей, поехал туда. Улягир мне не понравился: широкая заболоченная долина ручья, вся изрытая ямами старателей с кучами перемытого песка с галькой. Пошли вверх по ручью к видневшимся вдали горам. Ближайшей оказалась сопка Солокон высотой 800 м. Она сложена белыми кварцитами палеозойского возраста. Нашли на ней хорошую избушку и прожили там 12 дней, пытаюсь выявить коренные источники касситерита, но ничего не нашли. В Большом Невере доложил об этом главному геологу А. И. Савченко, но он успокоил меня, сказав, что и отрицательный результат есть результат.

В 1959 г. меня назначили старшим геологом по поискам, на место, которое занимал кандидат г.-м. наук К. Б. Ильин. С 1959 по 1961 г. пришлось разъезжать по различным поисковым партиям и помогать им в работе. Экспедицию к тому времени окончательно перевели в поселок Большой Невер. Там на горке расположилось несколько домиков — основная база нашей экспедиции, вертолетная площадка и гараж. На базе я сдружился с зам. начальника по хозяйственной части П. М. Спиридоновым и начальником спектральной лаборатории Робертом Сухановым, а также с фотографом экспедиции Донатом Никольским. Роберт Суханов — художник и подвижный человек, любитель выпить и немного буйный во хмелю. Один раз П. М. Спиридонов пригласил нас съездить на склад главного магазина поселка, куда его позвал знакомый директор. Там Роберт купил для своей жены красивый заграничный женский гарнитур. После этого мы пошли в чайхану и обмыли попку, причем Роберт перестарался и сильно опьянел. Поздно вечером, уже в темноте, он подрался с местными хулиганами, которые расквасили ему нос. А наутро большененские бабы обнаружили окровавленные детали женского гарнитура, которые валялись в грязи на дороге и тряпка за тряпкой указывали на ворота нашей базы. Женщины подняли крик, что ленинградцы изнасиловали и убили женщину! Они вызвали милиционеров с собакой, которая привела их к дверям комнаты, где я и Роберт мирно спали. Нас подняли с постелей и потребовали объяснений, но, взглянув на Роберта, поняли все. У него была опухшая от пьянки физиономия с кровавыми подтеками от разбитого носа и окровавленная рубашка.

Новая должность предоставила мне возможность побывать в разных районах Амурской области. Обычно в отдаленные партии забрасывали вертолетом, а дальше я ходил пешком от партии к партии, часто в одиночку, много времени уделяя сборам жуков.

Геология нового района была совершенно иной, чем оловяносный Сихотэ-Алинь. Амурская область почти полностью сложена древнейшими гнейсами и гранитами и является очень старым золотодобывающим районом. В нем сосредоточено множество россыпей золота, большей частью уже отработанных. Но коренные месторождения встречаются очень редко. С геологом экспедиции Т. А. Милаем я побывал на старейшем месторождении Кировское. Рудник разрабатывал систему золоторудных жил в гранитоидном массиве. Нас поразили его отвалы, засыпавшие долину ручья. Они искрились и сверкали на солнце. В щебне отвалов много кварца с шеелитом, арсенопиритом, висмутином, кобальтином и другими сульфидами. Рудник выбирал из руды одно самородное золото, остальные ценные минералы отправлялись в отвалы!

В палатке на участке Монголии в Амурской области
с А.Ф. Андреевым. Июль 1959 г.

Осенью я с двумя студентами и рабочим сделал длинный (280 км за 11 дней) маршрут на гору Лукинда. Это мрачный голец Станового хребта около 2000 м высотой. Среди пироксенитов и дунитов там были встречены жилы редкометалльных пегматитов и платиновое оруденение. По пути попали в свирепую снежную бурю (30 августа), продолжавшуюся четыре дня. Но нам удалось дойти до заброшенного поселка Веселый, где во время Отечественной войны добывали молибден. Все дни снегопада мы отсиживались в доме, где была хорошая печка, и съели много рябчиков, которых я настрелял на свободных от снега участках за домами поселка. Вернувшись на базу, мы узнали, что в эту бурю на Лукинде погибли два топографа — они замерзли, не сумев разложить и зажечь костер. Экспедиционное начальство очень беспокоилось за нашу жизнь, ведь связи с нами не было.

Осенью удалось съездить в Южное Приморье. Там я побывал в Супутинском (Комаровском) заповеднике и познакомился с Р. Г. Степановым — любителем-энтомологом, начальником сборного пункта от московской фабрики «Природа и школа». Ему я помог с определением жуков, получив взамен разных нужных мне. С Ростиславом Григорьевичем я подру-

жился и приезжал к нему в гости на базу в Приморье, а потом и в Молдавию, куда он перевелся в 1963 г.

Весной 1960 г. мы с другом Виктором Ильченко, коллектором нашей экспедиции, поехали на Кавказ за жуками. У меня в коллекции не хватало многих южных видов. Сначала высадились на станции Евлах и обследовали тополиные тугаи и пустыни вдоль р. Куры. Стояла ранняя весна, под Ленинградом природа еще в снегу. А тут зеленела трава и на тополях пробились листочки. Мы нашли очень много разных жуков. Под корой тополей обнаружили скопления крупных златок капнодис миллиарис золотистого цвета, разные виды чернотелок и долгоносиков. Но самое интересное оказалось под следами прошлогодних коровьих лепешек: там, в верхнем конце многочисленных вертикальных норок сидели жуки-навозники. В основном коприс испанус, онитис хумерозус, гимноплевров, онитицеллус фульвус и разных онтофагус, каккобиус и афодисус. Все они в ожидании более теплых дней поднялись из мест вылода к поверхности почвы. Среди онтофагов попались о. ангорензис Петровитца, тогда еще неописанный вид, о. круциатус и о. опацколлис, очень редкие в коллекциях. Через неделю поехали в Тбилиси и оттуда на ночном поезде в Гагры. Там устроились на даче одного грузина и начали походы по окрестностям. Стояли солнечные, очень теплые дни и мы собрали на приморском пляже довольно много специфических жуков. Среди них нужно упомянуть крупного священного скарабея, который сидел на куче конского навоза. Потом мы поднялись в горы над Гагрой и на Бзыбский хребет. В гнилой древесине поваленных стволов деревьев нашли скопления зимующих карабус адамси и ярко-красных усачиков упирридиум циннабаринус, а также различных чернотелок. После Гагры поехали в Белореченскую на северном склоне Кавказа. Там попали в жестокую черноземную бурю, заслонившую солнце. Но на следующий день буря утихла и солнце начало сильно припекать. Сходили в ближайшую к станции полезащитную лесную полосу и собрали довольно много весенних жучков. Вечером — поездом в Ленинград.

В экспедиции узнали, что ее начальник П. П. Емельянов и главный геолог А. И. Савченко сняты общим собранием сотрудников в присутствии начальника ДВГУ В. А. Ярмолюка. Новым начальником был назначен В. П. Здориченко, а главным геологом Т. А. Милай.

Еще в 1956 г. в нашу квартиру в школе № 143 на Охте поселили двух молоденьких учительниц А. Соколову и Л. Лебедеву. Мы с братом Геней принялись за ними ухаживать. Но Л. Лебедева вскоре вышла замуж за молодого флотского лейтенанта и он увез ее на свою родину в Белоруссию. А я подружился с А. Соколовой и нередко брал ее в походы за жуками по Ленинградской области. Она также собирала для меня жу-

ков во время работы в пионерских лагерях на Карельском пещейке. В 1957 г. я купил один из первых наших телевизоров с маленьким экраном. У него обычно собиралась наша семья и другие обитатели школы. Мы нередко устраивали вечеринки с участием моих родственников и друзей.

В апреле 1961 г. произошло важное событие, я женился на А. Соколовой, свидетелями в ЗАГСе были мои друзья А. Андреев и С. Мещеряков. Свадьбу устроили очень скромную: за столом собрались родственники и друзья, выпили шампанского и хорошо закусили. Но через несколько дней меня призвали дела: сначала в Москву, в Министерство геологии, потом к В. Н. Курнакову в Абхазию, а затем на Дальний Восток, на полевые работы.

С В. Н. Курнаковым меня познакомил О. Л. Крыжановский в Зоологическом институте Академии наук. Отделение жесткокрылых лаборатории систематики насекомых этого института я регулярно ходил с 1951 г. и часто консультировался с его сотрудниками по определению видов жуков. Владимиру Николаевичу я показал свою коллекцию и подарил несколько нужных ему дальневосточных жужелиц. Он пригласил к себе в гости в Гудауту в Абхазии. И вот весной 1961 г. я поехал к нему. Владимир Николаевич был страстным энтомологом, специалистом по семейству жужелиц и преподавал в местной школе. С ним мы сделали несколько незабываемых маршрутов по горам Абхазии и поднимались в субальпийскую зону выше 2200 м над уровнем моря. В буковых лесах ставили ловушки на карабусов и наловили их довольно много. Они были из кавказских подродов, в том числе карабус (неоплектес) сатирус, который позже В. Н. Курнаковым был описан как новый вид. Он подарил мне свои ватные сборы жуков, сделанные за несколько лет. В Гульрипше мы побывали в лаборатории у Е. С. Миляновского, от которого я получил два экземпляра роскошной бронзовки протетия (потозия) специоза.

Я вылетел на Ил-18 в Хабаровск 10 июня 1961 г. Там меня встретили Е. Б. Бельтнев и Н. А. Позняков, работавшие раньше в нашей экспедиции. А вечером я попал на «прием», организованный руководством ДВТГУ В. А. Ярмолюком, Е. К. Дацко и К. Ф. Прудниковым в ресторане «Усури». После приема, с разрешения начальства, съездил на юг в Приморский край. Поработал на базе сборного пункта фабрики «Природа и школа» у Р. Г. Степанова. Он встретил меня хорошо и познакомил с гостившим у него Н. Н. Филипповым (псевдоним Женжурист), любителем-энтомологом из Москвы. Он был полковником КГБ в отставке и воспитателем С. Н. Хрущева, сына руководителя страны. Сергей Никитович, по его словам, увлекался сбором коллекции бабочек. А сам он пытался собрать серии божьих коровок и пятнистых усачей для статьи о закономерностях их изменчивости.

У вертолета на базе в Большом Невере, Амурская область.
Август 1961 г.

Через несколько дней я приехал на базу экспедиции в Большой Невер. С начальником экспедиции В. П. Здориченко мы побывали в партиях, ведущих геологическую съемку в районе поселка Уруша. А потом вышли на берег р. Амур и, сев на леспромхозовский катер, спустились в Джалинду. Поведение шкипера катера и его двух матросов мне не понравилось. Они беспрерывно пили водку и, озверев, пустили катер на самотек. Он прибивался то к нашему, то к китайскому берегам, иногда шел кормою вперед, часто садился на мель. Кроме того, матросы из дробовика расстреливали китайские пограничные знаки и все время матерились. К вечеру прибыли в Джалинду и узнали, что поезд в Сквородино будет завтра утром.

В Большом Невере нас ждала радиограмма о том, что старшего геолога А. Шатова, проводившего поисковые работы в верховьях р. Ольдой, помяла медведица. За ним немедленно отправили вертолет, на котором я полетел в эту партию. Взяли из районной больницы двух санитаров с носилками. Но какво было их удивление, когда А. Шатов без их помощи сам поднялся на вертолет. Случилось следующее: А. Шатов с десятью рабочими шел по телефонной просеке, обросшей малинником, с хорошей тропой посередине. Он опередил рабочих, нагруженных кайлами, лопатами и прочим снаряжением, на несколько десятков шагов и вдруг увидел, что у него из-под ног выбежа-

С В. В. Онихимовским и Л. И. Красным на совещании в Хабаровске.
Ноябрь 1975 г.

ли два черных медвежонка. В это мгновение он почувствовал страшной силы удар и потерял сознание. А рабочие, увидев, как на него сзади напал медведь, в страхе побросали снаряжение и забрались на скалу. Шатов поднялся и, шатаясь, пошел в лагерь. Его спас рюкзак с привязанным сверху спальным мешком, фотоаппарат, полевая сумка и ружье, висевшие на плечах. Удар пришелся по спальному мешку и был так силен, что все ремни лопнули, а на спине появились две длинные царапины от когтей! Через несколько дней он появился в партии бодрым и здоровым.

Целый месяц я помогал в поисковых работах на редкометалльные (литиевые) пегматиты. Документировал канавы и делал детальный план участка. Но содержание лития, тантала и ниобия в пегматитах оказалось низким и рудопроявление признано малоперспективным. В середине августа получили радиограмму из Зеи, что меня вызывают в Министерство геологии для оформления поездки во Вьетнам, но вертолет за мной не прислали. Пришлось сделать плотик из четырех стволков сушняка, валявшихся на берегу р. Ольдой, и отправиться одному вниз по реке. Первый день плавания прошел без приключений, и я устроился на ночлег под небольшой скалой, сделав «надыю» из двух толстых тополевых бревен. Она тлела и согревала меня всю ночь. Наутро, поев каши с тушенкой,

я снова помчался на плотике вниз по горной реке. Сегодня Ольдой показал всю свою мощь. В этих местах он пропиливает горные хребты и несется среди скал и громадных камней, лежащих на дне. Сначала я попал под нависшие подмытые деревья и схватился за ветку. Плот выдернуло из-под ног, и он понесся вниз. А я, отпустив ветку, очутился в холодной воде, но через несколько минут выскочил на берег и побежал за плотом. Начался плес, и мне удалось забраться на плот и поплыть дальше, но через 1—2 км снова попал в беду. После резкого поворота течение Ольдой било в огромную скалу, где образовался грот с крутящимся водоворотом. Плот бросило туда и ударило о камни. Полуоглушенный, я выпустил из рук шест и лежа схватился за боковые бревна плота. В водовороте плот поставило вертикально и начало крутить и затягивать вниз. Когда вода дошла до моего подбородка, его вывернуло, и плот снова понесся вниз по реке. Тут я подгрел к берегу и осмотрел привязанные вещи: рюкзак был полон воды и пропали хорошие рабочие ботинки. До вечера несся по перекатам и плесам горной реки.

Вечером снова «надья» и скромный ужин. Наутро поехал дальше по Ольдою и преодолел множество перекатов. Плотик то бросало на камни, то вертело в водоворотах, то раскачивало в громадных волнах над лежащими в воде глыбами. Над водой летают и жалобно кричат скопы, а из воды выпрыгивают громадные рыбыны. Увидел на берегу флажок и причалил. К мачте была прибита дощечка с надписью: «Прощай, устье Хайкты» и список рабочих лесоустроительной партии. Это послужило мне ориентиром, ведь я не знал, где нахожусь. На следующий день добрался до правого притока Ольдой, ключа Жолтенький, где когда-то старатели добыли более 20 пудов золота. Там стояла партия нашей экспедиции под руководством Э. Э. Сухолетова, и первый, кого я увидел, был К. Б. Ильин. Через день, построив новый плот, мы вдвоем отправились в дальнейший путь по р. Ольдой. За два дня без особых приключений спустились до сенокосов на заброшенном прииске «Оля» и — пошли пешком на станцию Ольдой. Шли 12 км под дождем, я — в домашних тапочках. На следующий день были уже на базе в Большом Невере, а через три дня — на главной базе, в городе Зея. Там я провел еще несколько дней. С начальником экспедиции побывал в окрестностях месторождения золота Золотая Гора и на хребте Тукурингра у Зейских ворот. Закончив экспедиционные дела, сел в самолет и полетел в Москву. Там, получив все документы для поездки во Вьетнам, отправился, наконец, в Ленинград.

Вьетнам

В 1960 г. группа геологов ВСЕГЕИ под руководством доктора г.-м. наук А. Е. Довжикова была командирована в Демократическую республику Вьетнам для составления геологической карты страны масштаба 1:500 000. Э. П. Изох, специалист по петрологии, привез мне из Вьетнама несколько замечательных тропических жуков, и я сам стал хлопотать об отправке туда. Не буду вспоминать, чего мне это стоило. Я предпринял несколько поездок в Москву, в Министерства геологии СССР и РСФСР, и мои старания, наконец, увенчались успехом. Мне прислали официальный вызов прямо в город Зею, где находилась наша экспедиция. В сентябре 1961 г. с молодой женой Анфисой я сел в поезд Москва — Пекин. Поездом на восток я не ездил с 1954 г., поэтому с интересом рассматривал из окна полузабытые станции и города. На станциях Забайкальск и Манчжурия стояли долго, пограничники проверяли наши документы и осматривали все закулки вагонов. А мы с женой отправились в китайский вагон-ресторан и были поражены его чистотой и порядком. Рано утром переехали хребет Большой Хинган, покрытый редкостойным дубняком, и стали приближаться к Пекину. На перроне случился неприятный инцидент: к нам подошла старая китайка-нищенка, ехавшие в нашем вагоне советские специалисты отдали ей какие-то продукты. Тут подскочили китайские милиционеры, вырвали у нее из рук сверток и бросили его в нашу сторону, а старую китайку, избивая по дороге, уволокли.

Нас встретили работники посольства. Меня поразили размеры посольского парка, окруженного высокой кирпичной стеной с мощными железными воротами. Внутри парк разделен полуразрушенной стенкой на две части: посольскую и торгпредскую. В нем расположились пруды, соединенные извилистыми каналами с изящными мостиками. Нас поселили в общежитии, в торгпредской половине, где мы и жили до конца сентября, пока нам не выдали документы и билеты для переезда во Вьетнам. В парке посольства мы с Анфисой любили гулять среди разнообразных деревьев и любовались множеством

цветов, особенно хороши были канны. Я даже пытался ловить жуков, но их было очень мало, попались только очень красивый усач аноплафора глабрипеннис и мелкие жужелицы. По вечерам стрекотали цикады. Наконец, 1 октября мы отправились на юг в поезде Пекин — Пинсян. Проехали города Ухань и Лючжоу. В районе Лючжоу стало жарко: начались тропики. В Пинсяне пересаживаемся в маленькие вагончики вьетнамского поезда. Остановка в Донг-Данге. С волнением выходим на перрон. Сразу чувствуется особая теплота и влажность ночного воздуха, накопленного запахами неведомых цветов. Бензиновые лампы накаливания выхватывают из крошечной тьмы отдельные участки в сплошной завесе листвы, окружающей станцию со всех сторон. В свете ламп роятся ночные насекомые. Вокруг приветливые лица вьетнамских пограничников и таможенников. Непривычно звучат мелодичные звуки вьетнамской речи. Особенно часто повторяется приветствие Тяо домти — (здравствуйте, товарищ!). Подходят молоденькие таможенники и просят научить их произношению русских слов, записанных у них на бумажке. Читаю эти слова, а собравшиеся вокруг вьетнамцы повторяют их хором. И это в три часа ночи! Отправляемся дальше. Несмотря на глухую ночь, никто заснуть не может. Смотрим в окна и видим, что поезд движется среди раскидистых деревьев. С каждой минутой рассвета краски вокруг становятся ярче и ярче. По вагонам начали разносить чашечки с черным кофе и маленькие булочки.

Наконец, поезд прогремел по длинному мосту над коричневато-красными водами Хонг-Ха (Красной реки), и открылась панорама утопающего в яркой зелени Ханоя. Нас встретили с букетами цветов советские и вьетнамские товарищи из Геологического управления. Потом повезли через весь город в микрорайон Кимлен и поселили на втором этаже гостиницы. Целый день сдавали документы в советском посольстве, получали вьетнамские деньги (донги) и заказывали спецодежду в магазине. Наступил вечер, в подъездах гостиницы зажглись яркие электрические лампы. Вокруг них началось роение ночных насекомых. Взяв припасенную заранее морилку, я вышел собирать жуков. Их было великое множество: саранчовые типа акрид, сверчки, кузнечики, ночные бабочки и жуки. Прилетели синие скакуны с шестью белыми пятнышками на надкрыльях — цинцидела флавомакулата, жужелицы из рода хлениус (три вида), чернотелки из родов гоноцефалум улома и эвтохия, мелкие шелкуны, плавунцы и водолюбы. Вдруг я заметил, что о лампу ударился крупный и пестрый жук, упал на землю и быстро побежал в темный угол. Я схватил его пальцами, увидел в темноте голубоватую вспышку и почувствовал, как мне обожгло кончики пальцев. Но жука не отпустил и посадил в морилку, где он сделал еще несколько «выстрелов» и наполнил ее белым дымом. Потом я разглядел, что это был крупный

жук-бомбардир Феропсопус яванус длиной более 2 см! До поздней ночи я носился по подъездам гостиницы и собирал жуков. Этим я занимался почти каждый вечер. Потом вдруг обнаружил, что Кимлен со всех сторон окружен большими рисовыми полями и водоемами, заросшими водяным салатом и лотосами.

В Геологическом управлении Вьетнама уточнили мое задание на период работы: провести шлиховое и спектрометрическое опробование всей страны, составить соответствующие карты и обучить методике полевых работ группу вьетнамских студентов с геологического факультета Ханойского политехнического института и техников-геологов. Перед началом полевых работ нам с Анфисой представилась возможность дважды побывать на приморском курорте До-Сон. На два выходных дня, субботу и воскресенье, туда продавались билеты. Первая поездка была неудачной: шел дождь, насекомых было мало. А вторая была очень интересной и запомнилась на всю жизнь: после завтрака мы поднялись на небольшую горку над курортом. Она поросла гигантскими злаками: тизональной и диким сахарным тростником, среди которых возвышались вечнозеленые кустарники и редкие сосны. Цветов не видно. Летают крупные черные бабочки-переливницы, отливающие синим при каждом взмахе крыльев, и пестрые данаиды. Под камнями два вида чернотелок, и под кучками коровьего навоза много разных онтофагусов, опитицеллусов, афодиусов и два вида копров. Кроме того, у одной кучи буйволиного навоза мы обнаружили два холмика свежей земли и норы диаметром 5 см. В них на наибольшей глубине (примерно 30 см) сидели два самца и одна самка крупнейших навозников 55 мм длиной и 35 мм шириной. Подходящей банки у меня не было, и я посадил их в сачок, где они сильно барахтались и громко пищали. Потом поместил в жестяную коробку с плотной крышкой и сунул ватку с бромформом. Они запищали еще громче и быстро откинули крышку. Пришлось поставить на нее ножку стула и ждать, пока они не затихли. Так были пойманы три экземпляра жука гелиокоприс буцефалус. Вечером за ужином я отравился, по-видимому, несвежими крабами, а через день выехал в первый геологический маршрут.

На маленьком газике, с охранником, переводчиком и вьетнамскими геологами, мы едем на север ДРВ, в предгорья хребта Там-Дао. За нами идет еще одна машина с другими вьетнамцами и нашими вещами. Переехали мост через Красную реку и через десяток километров свернули на грунтовую дорогу. По ней добрались до уездного центра Винь-Иен, где нас угостили традиционным зеленым чаем. Потом останавливались в лесохозе. Дальше дорога пошла по холмистой местности, покрытой вторичным лесом. В низинах рисовые поля и небольшие деревеньки. За машиной бегут дети и кричат: «Льенсо-льенсо!»

Машина не дошла до нужной нам деревни Дао-Чу 5 км — не позволила дорога. Вдвоем с охранником Туэном мы пошли вперед, остальные остались собирать вещи. С вершин холмов видна грандиозная цепь хребта Там-Дао (до 1592 м высоты). Над ним висят как приклеенные грозные синие тучи, издали похожие на атомный гриб. Иногда видны вспышки молний. В некоторых долинах стоят странные белые столбы. Я не сразу догадался, что это грандиозные водопады по 200—300 м высотой! По дороге мы пересекли вброд несколько горных ручьев с прозрачной прохладной водой и разноцветными галечниками на дне. Местность немного напоминает наш Дальний Восток, но склоны гор гораздо круче и от подножия до вершин покрыты вечнозелеными влажнотропическими лесами. Мы выходим в кругловатую котловину у самого подножия хребта с деревенькой Даочу, населенной народностью чай. Дома их стоят на пьедесталах — фундаментах из красноватой глины высотой до 1—1,2 м. Внутри дом разделен пополам перегородкой. В одной половине живут сами чай, другая служит пристанищем для духов умерших предков — своеобразным колумбарием! В особой нише стоит большое деревянное кресло, покрытое черным лаком. На нем огромный красный горшок с серым порошком, в который воткнуты сандаловые палочки и пучок засохших цветов. Рядом чашечки с рисом и палочками для еды. Сверху к креслу свешиваются черные и белые ленты с иероглифами. По стенам комнаты тянутся длинные стеллажи, на них десятки небольших горшков с тем же содержимым и сандаловыми палочками или тонкими свечками. Чай принесли в эту комнату громадную кровать с белым балдахинном на четырех стойках. Мои спутники разместили в ней надувной матрац и подушку с простынями и одеялом и предложили лечь спать. Мне объяснили, что чай весьма чтут своих умерших предков и хранят в горшках их раздробленные кости! В день памяти кого-нибудь их них в горшок втыкают палочку сандала или свечку и зажигают. В тот день, когда я там ночевал, свечки горели в нескольких горшках. Почетных гостей чай укладывают спать в эту комнату. Пришлось спать с духами умерших чай! Но спалось плохо по другой причине. Ночью бегало множество крыс — ведь у чай стенки домов и перегородки в комнатах не доходят до пола на 20—30 см, поэтому всякая живность может свободно проникать в дом.

Утром вышли в первый пешеходный маршрут на ручей, в котором обнаружены весовые содержания касситерита — оловянной руды. К моему удивлению, с нами собралась целая толпа вьетнамцев: переводчик, фельдшер, геологи, промывальщики и даже повар, а также проводник чай — тощий молодой человек в синей рубашке и штанах и со старинным охотничьим ружьем. Он ведет группу через рисовые поля к малозаметной тропинке в зарослях бамбука. На красноватой латеритной

почве видны следы босых ног. Через заросли бамбука мы входим в тропический лес. В то время во Вьетнаме еще сохранилось много участков первичного влажнотропического леса. В отличие от китайцев, которые полностью истребляли свои леса, французские завоеватели значительные их участки объявили заповедниками. И лишь после освобождения их начали планомерно вырубать под плантации суходольного риса, маниока, бататов, кофе и других тропических культур.

Первый же маршрут в тропический лес произвел на меня неизгладимое впечатление. Прохладный и сырой полумрак узкой горной долины, на дне которой с грохотом катится мощный ручей. Он завален аллювием — громадными округлыми глыбами дацита от 2 до 4 м в поперечнике. Крутые склоны долины также покрыты осыпями из дацита и кварца, между которыми видна скользкая желтоватая почва с разнообразными деревьями и кустарниками. Среди хаоса листвы проглядывают широкие и перистые листья диких бананов и пальм. Стволы деревьев беловатого или светло-серого цвета, причудливых очертаний, некоторые гигантских размеров. Вокруг великое множество лиан. Некоторые из них достигают 10—20 см в поперечнике, а с других свешиваются огромные, до метра длиной, стручки с очень твердыми черными блестящими бобами почти в кулак величиной. Другие лианы (из рода Потос) с перистыми листьями оплетают большие глыбы камней. Цветов очень мало, но повсюду видны разнообразные плоды: яблоковидные и помидоровидные, различные ягоды, желуди, орехи и стручки. Впечатление было такое, что мы, люди, вдруг уменьшились до размера муравьев и ползем в зарослях трав среди гальки и песка!

Выше по течению долина пошла круто вверх. Неожиданно лес расступился, и мы увидели довольно большое круглое озеро, окруженное громадными глыбами камней. С одной стороны низвергался с огромного дацитового отвеса (метров в 300) ослепительно белый пенящийся водопад. В этот момент из-за туч выглянуло солнце, и в водопаде вспыхнула разноцветная радуга, а внизу образовалась глубокая яма с крутящимся водоворотом. Из озера вода переливалась через каменный барьер, в котором я обнаружил кварц-турмалиновую зону с сульфидной минерализацией и взял из нее образцы и спектральные пробы. А у берегов были замечены стайки очень крупных жуков-вертячек из рода оректохилус. Сфотографировав водопад, мы полезли на очень крутой склон хребта, покрытый тропическими зарослями. Было очень жарко и скользко, и я несколько раз хватался за колючие лианы. Вдруг наш проводник, положив на землю ружье, с быстротой белки полез на дерево. Спрашиваю, в чем дело. Переводчик Чи отвечает: «Плот, плот!» А я так ничего и не понял, пока проводник не сбросил на землю большую, килограммов на восемь, гроздь

оранжевых длинных плодов. Они были очень вкусные: кисло-сладкие с ананасовым привкусом, съедобной мякоти в них было мало, зато много плоских черных косточек. Далее маршрут вышел снова в долину ручья. Его верховья — цепь небольших водопадов и неглубоких озер со скользкими берегами. Пока мы купались в одном из них, я заметил несколько больших, до полутора метров длиной, черных саламандр с оранжевым брюхом. Наконец, дошли до гигантских дацитовых скал, из-под которых бьет ключ. Решили здесь пообедать. Смотрю, все вьетнамцы, кроме повара, отошли в сторону и сели в кружок. Повар вынул из большого рюкзака белоснежную скатерть и расстелил ее на плоском камне. Посередине он поставил тройник с приправами, бутылку водки и бутылку пива, положил ножик, вилку, ложку и нарезанный ломтиками хлеб. Потом достал стакан и фаянсовую тарелку, налил в нее суп. Потом мне дали второе: кусок курицы с рисом. Тут вышло недоразумение. Я попросил воды или чаю. Позвали переводчика Чи, который спросил: «Почему вы не хотите водки или пива?». «Я никогда не пью спиртные напитки в маршрутах!» «А домти Дов (Довжиков) всегда в маршруте пьет водку», — ответил Чи. Слегка опьянев после выпитой бутылки пива, я решил продолжить маршрут. Но проводник сказал, что дальше пути нет, и мы пошли обратно. Он вывел нас на вершину отрога хребта Там-Дао, справа от ручья, на малозаметную тропу, идущую вниз. На отроге — лес из молодых деревьев небольшой высоты, в воздухе — мелодичный звон от множества цикад, летают разноцветные бабочки, стрекозы и желто-синие жуки-мягкотелки. Из-под ног выскакивают крупные саранчовые и кузнечики. Под лежащим на земле камнем или обломком дерева можно найти тараканов, сверчков, сколопендр, громадного кивсяка, очень подвижных земляных червей и редко жуков, жужелиц или стафилинов. Вниз спускаться быстрее, и мы довольно скоро дошли до рисовых полей у нашей деревни. Там, на бамбуковых изгородях обнаружили тонкие плети лианы пассифлора со съедобными оранжевыми плодиками, окруженными зеленой сеточкой из тонких нитей. Плоды очень вкусные, со студенистой полупрозрачной мякотью и черными зернышками. Мякоть кисло-сладкая с пряным привкусом. Вечером читал вьетнамцам лекции о жуках. Я договорился с переводчиком Чи о том, что в следующие маршруты мы не будем брать с собой повара и обойдемся фляжкой с холодным чаем и булочкой на обед.

На следующий день во впадине-депрессии Даочу мне показали остатки французской шахты, где добывали (?) медь. Шахта расположена на небольшом бугре среди поля, засеянного кукурузой и арахисом. Она засыпана, но в отвалах я нашел куски руды из окисленных сульфидов с примазками малахита и азурита. Вдоль отрогов хребта Там-Дао простира-

ется цепь крутых холмов, сложенных почти чистым белым кварцем без признаков рудной минерализации. Эту цепь мы проследили по простиранию на 20—25 км. По-видимому, это следы разломов, отделяющих экстррузивный массив Там-Дао от флишеидных песчано-сланцевых пород верхнего триаса. Я задал серию шурфов в депрессии Даочу для поисков россыпи касситерита. Закончив работу, вернулся в Ханой и застал там всю ленинградскую группу геологов: А. Е. Довжикова с женой К. П. Капраловой — начальником минералогической лаборатории, Э. П. Изоха, А. М. Марейчева, А. И. Жамойду и других коллег с женами и детьми. Все они приехали на зимний период до наступления жары.

Хотелось бы перечислить состав нашей вьетнамской экспедиции «Дуан хай мый» (партии № 20). Начальником был Куинь Ван Дао, добродушный, веселый человек. Он, единственный среди знакомых вьетнамцев, высокий и толстый, напоминающий статуи многочисленных Будд, а также нашего А. Е. Довжикова. Дао был не прочь выпить, но вместе с тем он очень хороший руководитель, его уважали все остальные работники экспедиции. Родом он из Сайгона. Там у него жена и дети. Дао часто вспоминал их и нередко приглашал нас в гости после объединения Вьетнама. До вьетнамской революции он жил в Марселе на юге Франции. Но когда во Вьетнаме началась освободительная война, он принял в ней активное участие и дослужился до звания полковника. Кроме Дао, в нашей экспедиции работал также профессор Политехнического института Нгуен Ван Тиен, который при знакомстве со мной сказал: «Вот родители назвали меня «большой и богатый», а я маленький и бедный!» Я также познакомился с многочисленными геологами и техниками Буй Фу Ми, Нгуйен Тьонг Три, Тран Дык Льюнг, Нгуйен Суан Ан, Данг Ву Хук, Ле Чи Тхань. Особенно я подружился с геологами своего отряда Ле Ван Чао, Ле Лой, Луат, Бинь и переводчиками Вьет Чи, Данг и Ан. Часто выезжал в маршруты с Вьет Чи, худеньким молодым человеком небольшого роста с приятным лицом и особой восточной хитринкой в глазах. Он старательно помогал мне в сборах жуков и выучил много их латинских названий. Когда мы посещали кафедру биологии Ханойского университета, он удивлял преподавателей знанием латинских названий насекомых. Другой переводчик, Ан, был порядочным циником и настроен прокитайски, любил рассказывать скабрёзные анекдоты, вьетнамские и русские, почти не помогал мне собирать жуков. Все работавшие со мною вьетнамцы относились ко мне доброжелательно и охотно выполняли рекомендации по работе.

Нужно отметить, что экспедиция «Дуан хай мый» была укомплектована выходцами из Южного Вьетнама. Во время раздела страны всю молодежь вывезли с юга и обустроили на севере, где было много военизированных лагерей, в том числе

и «Дуан хай мый». Работники этой экспедиции жили в бараках на острове среди Западного озера в Ханое, куда можно было добраться по дамбам, которые иногда затапливались. Мне часто приходилось ездить в камеральную группу нашей партии. Из лабораторий геологического управления туда доставляли результаты шлиховых и спектрометаллометрических анализов, которые потом наносили на карты. Там же готовились и обобщающие карты Северного Вьетнама с выделением ореолов рассеяния полезных ископаемых.

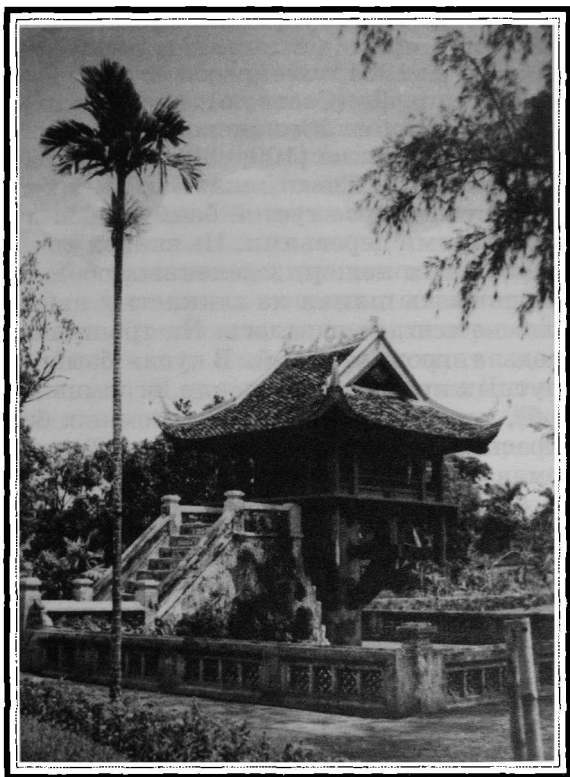
Куинь Ван Дао организовал шлиховое опробование страны по военному. Он сформировал отряды, состоящие из техника и промывальщика. Промывальщицы были деревенские девушки, так как жительницы Ханоя абсолютно не могли жить и работать в джунглях. И вот перед кабинетом Дао выстроилась длинная очередь техников и промывальщиков. Каждый получал кусок карты с намеченными точками отбора шлихов, документы и деньги. Они отправлялись на велосипедах в самые отдаленные уголки Вьетнама и через определенное время возвращались, привозя шлихи и карты, которые немедленно передавали в камеральную группу. Нужно отметить, что шлиховое опробование дало поразительные результаты: в тропическом климате, при ускоренных процессах выветривания и денудации, все устойчивые минералы легко высвобождаются из горных пород и попадают в аллювий ручьев и рек. Так было оконтурено 79 ореолов рассеяния касситерита, киновари, монацита, ксенотима, золота и других полезных минералов.

На ряде ореолов мы проводили детальные работы, что дало открытие очень крупных и богатых оловяносных россыпей Шон Зьонг и Куи Чау (Куи Хоп), каждая из которых по запасам больше, чем Солнечное в России! К чести вьетнамцев нужно сказать, что они сразу хотели представить меня к ордену. Но этому воспрепятствовал советник советского посольства Абдурахманов. Он выразился обо мне так: «Это его обязанность — открывать месторождения, так что орден давать ему не за что!» Разумеется, без разрешения посольства вьетнамцы орден мне не дали. Я был молодой, здоровый и физически сильный. Предыдущие 11 лет походов в горах Дальнего Востока закалили тело и дух, поэтому работа во Вьетнаме казалась легкой и праздничной. Быстро пролетели все 30 месяцев пребывания в ДРВ. Я ничем не болел и все время стремился в джунгли. А многие советские специалисты старались их избегать. Всего было пройдено 80 маршрутов, каждый от 2 до 18 дней, в общей сложности я прошел пешком 13 600 км, 33 000 км на автомобилях и 870 км на плотках и лодках. Сохранились записи в личных дневниках, а также собрана огромная коллекция насекомых, более 7000 видов и 200 000 экземпляров. Эту коллекцию вместе с русскими и зарубежными энтомологами я обрабатываю и по сей день.

Каждый маршрут в мемуарах не опишешь. Приходилось выбирать наиболее яркие, запоминающиеся приключения. Например, 11 ноября 1961 г. в окрестностях Туйенкуанга, после переправы через р. Ло (Светлую), мы попали в настоящий каменный лес, наподобие Юннанского в Китае. Там стояли многочисленные гигантские (100—300 м высотой и 50—200 м в поперечнике) скалы из известняка. В их узких проходах текли извилистые ручьи и рос густой бамбуковый лес с редкими пальмами и большими деревьями. На скалах виднелись отверстия многочисленных пещер, заселенных обезьянами. А внизу мы пытались взять шлихи из глинистых наносов глубоких ручьев, но это не всегда удавалось. На тропинках из красной глины — следы тигров и оленей. В кучах бамбуковой листвы много сухопутных крабов, сколопендр, огромных кивсяков (до 40 см длиной), телефонов, мокриц, огромных бескрылых тараканов с красной перевязью на спинке. Жуков очень мало. Но я, разломав геологическим молотком гнилой ствол лежащего дерева, обнаружил в нем гнездо пассалид до 5 см длиной. Они громко чирикали в руках. С ними вместе были пойманы чернотелки из рода улома и мелкие афодиинки.

На другой день зень поела сильного ночного дождя природа особенно яркая, все в лесу так и блестит. Солнце жарит немилосердно. Мы идем по тропинке чай, вдоль русла ручья, по которому с грохотом катится вода. Тропинка часто переходит с берега на берег и приходится прыгать по скользким камням. В одном из таких мест я опередил вьетнамцев на несколько шагов и вдруг услышал шум и испуганные крики. Оглянувшись — все они, в том числе и охранник, бегут по тропинке назад! Остолбев, я увидел, что в воде ручья, медленно извиваясь, ползет гигантский удав! Красивого кофейного цвета, с белым рисунком. Вьетнамцы мне машут руками — беги! А я лихорадочно вынимаю аппарат и пытаюсь фотографировать. Тут мои спутники схватили палки, охранник щелкнул затвором пистолета, и все бросились за удавом. Но поздно: он почти полностью скрылся под огромной каменной плитой. Разожгли костер и попытались таким образом выкурить удава из-под камня, но мы так его больше и не видели. Я спросил вьетнамцев, чего они испугались. Им сначала показалось, что это не удав, а гигантская королевская кобра, которая также часто встречается в джунглях. Удав по-вьетнамски называется «кончан».

Набежали тучки и заморосил дождик. Тут на нас со всех сторон накинудись тысячи сухопутных желтоватых пиявок. Они отовсюду сползались к тропе, все в нашу сторону! Не успеешь оглянуться, как пиявки мгновенно присасываются к телу прямо через отверстия для шнурков в ботинках и носки. Через 2—3 минуты они раздуваются в большой пузырь, черный от крови. Оторвать их трудно, и они всегда при этом лопаются.

Главная пагода в Ханое, Вьетнам.
Ноябрь 1961 г.

На месте укуса остается глубокая ранка, из которой хлещет кровь. Если схватить пиявку, то она успевает присосаться к пальцу, и ее не уничтожить, пока не разотрешь о камень или кору дерева. Я сбросил с себя их штук 50, но четыре все-таки успели присосаться, так что носки и брюки были в потеках крови.

На обратном пути к машине я взял для профессора А. Е. Космачевского, который жил в Кимлене, несколько обрубков дерева с личинками усачей и щелкунов и живую огромную гусеницу бражника.

Куинь Ван Дао пригласил меня на юг ДРВ, на границу с Южным Вьетнамом. Мы поехали в Чунг-бо (Средний Вьетнам) 26 октября 1961 г. Погода солнечная и прохладная. Прямо на асфальте шоссе выложены снопы риса, из которых выколачивали зерно. Проехали несколько паромных переправ через реки, так как все мосты взорваны французскими войсками при

отступлении, веселую провинцию Тхань-Хоа с огромными плантациями кокосовых и арековых пальм, и вечером прибыли в город Винь. Наутро отправились дальше через провинцию Хатинь на живописный обрывистый мыс Рон, выдающийся в Южно-Китайское море. За мысом дорога поднимается в горы, с них видны рисовые поля и маленькие домики. Потом дорога снова идет по ровной местности. Слева, вдоль моря, тянется полоса приморских песков, местами обсаженных казуаринами, а справа — рисовые поля. Проехали еще две паромные переправы в эстуариях рек с мангровыми зарослями. На берегах — кустарник Лантаны с двухцветными соцветиями. По песку бегают большие зеленые ящерицы и довольно крупные крабы, которые обладают способностью довольно быстро закапываться при приближении врага. Ближе к Донг-Хою дорога снова подходит к морю. Мы остановились и сходили к пляжу через полосу всхолмленных дюнных песков, местами усаженных молодыми казуаринами. Местность похожа на песчаную пустыню с барханами. Пляж моря усеян обломками раковин и кусочками морских водорослей. Целые раковины попадаются очень редко.

Донг-Хой — небольшой город, в центре — четырехугольная крепость, обнесенная наполненным водой рвом. Утром следующего дня выехали в госхоз «Ленин» за поселком Мидык. Госхоз так назван вовсе не в честь нашего вождя: случайно совпало с вьетнамским созвучием. Меня поместили в отдельную комнату, где безраздельно хозяйничали муравьи. Вместе с Чи и охранником я обошел окрестности, но они мне не понравились. Местность слабовсхолмленная, с рисовыми полями в низинах. На холмах — вторичная саванна из зарослей низкорослой пальмы Феникс пумила и кустового Родомиртуса. На пальмовых цветах был пойман уникальный жук-блестянка из нового для науки рода, который А. Кирейчук в 1979 г. назвал в мою честь — кабаковия.

В госхоз «Ленин» приехали Куинь Ван Дао и Маревичевы. Они собрались в Винь-Линь. А мы на следующий день поехали осматривать полиметаллическое свинцово-цинковое месторождение, которое разрабатывали французы. По дороге взяли местного проводника. Он рассказал, что в этом районе много диких слонов и тигров, так как здешний лес непрерывно тянется за хребет Чыонгшон (Аннамские Кордильеры, по-французски) в Лаос. По дороге видели похоронную процессию народности тхай. Они провожали носилки с гробом и свечами и несли белые с черной каймой флаги. Некоторые были в белых саванах и громко выли. Оказалось, что охотника из их деревни насмерть затоптал раненый слон. Мы осмотрели полузаросшие карьеры, где французы добывали галенит (свинец), а сфалерит (цинк) складывали в виде длинных насыпей, похожих на железнодорожные, 3—4 м высотой и более 100 м длиной. Госхоз

«Ленин» вырубал и выжигал окрестные леса для закладки плантаций кофе, какао и других культур.

Мы обратили внимание на искрящуюся в лучах заходящего солнца дорогу. Оказалось, что она вымощена сплошной рудой из крупнозернистого сфалерита (цинковой обманки). Когда мы промывали контрольный шлик из ручья, коллектор увидел на конце ветки большую зеленую гадюку с сердцевидной головой, раскрашенной под лист лианы. Вьетнамцы сказали, что она смертельно ядовита и мгновенно реагирует на приближение руки на расстоянии до 30—40 см! На следующий день углубились в нетронутый лес за месторождением полиметаллов. Здесь темно, сыро и жарко, громадные деревья с досковидными корнями, лианы и дикие бананы. Местами текут ручейки и стоят причудливые известняковые скалы, похожие на гигантские пни. Проводник и охранник все время настороже и прислушиваются к малейшему шуму. В двух местах — громадные изгороди с замаскированными ямами вдоль них. Они приспособлены для загонив диких слонов и буйволов. А местами натянуты тонкие лианы самострелов, о которых предупреждает проводник. В прошлом году А. Маревич чуть не был убит двухметровой отравленной стрелой со стальным наконечником, которая просвистела перед его животом, когда он задел лиану! В этом лесу я собрал довольно много редких жуков из разных семейств. На одном из стволов срубленного дерева сидела замечательная ящерица Агама-дракончик с острым гребнем на спине! При моем приближении она раздула огромный ярко-красный зоб на подбородке, и я ее сфотографировал. На обратном пути заехали на плотину небольшой гидроэлектростанции, где летали роскошные жуки-скакуны калохроа дюпonti, очень красивые и большие. Ловить их трудно, но мне удалось поймать нескольких.

Едем дальше в Винь-Линь по шоссе вдоль приморских дюн, посаженных серо-зелеными казуаринами и громадными эвкалиптами, на которых кора висит длинными лохмотьями. Наконец, впереди красноватые холмы базальтового плато, на котором расположен городок Винь-Линь. За ним р. Бен-Хай и далее — Южный Вьетнам, где еще господствуют американцы и французы. Через реку перекинут большой двухцветный мост, а около него две высокие мачты с развевающимися флагами громадных размеров. На нашем берегу флаг красный с желтой звездой, а на южном — желтый с тремя красными полосками. Около моста большой павильон, в котором раньше заседала Международная комиссия по разделу Вьетнама и окончанию войны. Потом мы поехали на мыс Куантум. Сначала мне предложили искупаться в море, а потом стали прятать за выступы скал. Оказывается, к берегу подошла лодка с южновьетнамским офицером для ежедневной инспекции. Так закончился наш маршрут на самый юг ДРВ.

На обратном пути меня попросили заехать на баритовое месторождение, которое разведуют вьетнамцы у поселка Аньшон, северо-западнее города Винь. В это время там начался сильный дождь. Вьетнамский техник-геолог провел меня на большой плосковатый холм среди рисовых полей, залитых водой. Там было несколько небольших шурфов и развалы глыб массивного барита с примесью кальцита и кварца. Я попросил углубить и расширить один из шурфов и сделать металлометрическую съемку по сетке на всей площади холма.

Дальше — на север, в Ханой. По пути заехали еще на одно полиметаллическое месторождение в провинции Тхань-Хоа. Видим, на дороге указатель: Мо-Тъек — 1 км. Около него куча тяжелых корзин с издробленным до кусочков в 3—5 см галенитом (свинцовый блеск). К месторождению поднимается узкая тропинка, на которой нам встретились вьетнамские девушки, несущие на плечах коромысла с привязанными на концах корзинками с тяжелой рудой. Входом в свинцовый рудник оказалась небольшая дырка в известняковом обрыве. Там, в невероятной духоте, копошатся почти голые мужчины. Согнувшись в забое, они молотком и зубилом выколачивают из жилы куски руды с отвратительным мышьяковистым запахом. Укладывают их в маленькие корзиночки из плетеного бамбука и несут к выходу. Крошечная копилка освещает весь забой. С трудом выдержал здесь несколько минут и как ошпаренный выскочил наружу. Тридцатиградусная жара на поверхности показалась мне свежей прохладой!

Новогодний праздник 1962 г. отмечали в актовом зале советского посольства. Для наших специалистов было накрыто много столиков, на сцене стояли столы для начальства: посла и других дипломатов. Там же сидели Хо Ши Мин, Фам Ван Донг и Ле Зуан — руководители ДРВ. Я с женой и Марейчев со своей Нонной заняли столик на четверых. Было шумно и весело. Вдруг опьяневшая Нонна срывается с места с бокалом вина в руке, выбегает на сцену и просит разрешения чокнуться с Хо Ши Мином! Ее тут же пригласили. А на следующий день в Кимлен явилась делегация вьетнамцев, которые несли что-то большое, покрытое материей. Они направились в квартиру Марейчева и вручили Нонне большой портрет Хо Ши Мина, писанный масляными красками!

В январе была полоса праздников. После нашею Нового года отмечали и вьетнамский Новый год по лунному календарю — праздник Тэт, очень шумный и многолюдный, с петардами и грандиозным фейерверком.

В феврале начало теплеть. На составляемой нами шлиховой карте появились первые ореолы рассеяния касситерита. Ксения Петровна, начальник минералогической лаборатории, сказала мне, что наиболее крупные зерна касситерита обнаружены у поселка Шонзыонг на северных склонах хребта

Там Дао, а в шлихах из района Хоаньбо много киновари (руды ртуты). 20 февраля мы с Анфисой и вьетнамскими сотрудниками выехали в поселок для рекогносцировки ореола касситерита. Сначала обследовали ручьи, стекающие со склонов хребта Там-Дао. Во многих обнаружены весовые содержания крупного касситерита, причем он сносился вниз в две большие карстовые впадины, выполненные аллювием. Впадины эти образовались на месте огромных линз мраморизированных известняков в протерозойских толщах. Сначала мы опробовали ручьевые террасы и обнаружили, что содержания касситерита быстро повышаются с глубиной, достигая 3—5 кг/т! На этом основании я задал несколько линий шурфов, которые привели к открытию двух крупных промышленных россыпей. На склонах хребта Там-Дао мы с техником-геологом Нгуйен Бинем нашли мощную зону кварц-турмалиновой минерализации с касситеритом. Сотни прожилков мощностью до 10 см были почти из одного крупнозернистого касситерита. Э. П. Изох, позже осматривавший это рудопроявление, сказал, что он впервые видит такой жирный касситерит! Зона, прослеженная на 3 км, пересеклась несколькими ручьями, заменившими нам канавы. Россыпи были переданы геологу Б. Н. Кадырову, который провел их разведку. После моего отъезда из Вьетнама россыпи начали разрабатывать.

В районе Шонзыонга я впервые увидел брачные (?) танцы мелких жуков-стафилинов ксантофиус филус. На широком листе банана их собралось до сотни экземпляров и все двигались по замкнутой кривой. Головки каждого жучка были направлены в одну сторону и, извиваясь, они ползли в одном и том же направлении. Это очень напоминало знаменитые танцы пчел! Впоследствии я не раз видел подобное у других видов стафилинов. В этом маршруте также нашел знаменитого протопауссуса, одного из самых примитивных видов из всего отряда жуков. Он сидел в своеобразном гнезде из свернутых тлями в клубок листьев кустарника Мелястома. В нем также находились небольшие жуки из семейства лагроид синего цвета — авлоногрия специес. У поросли на пнях с листьями, как у вязов (Трема ориенталис), роились маленькие аттелябиды еуопс фульгида с золотисто-медными надкрыльями и синей головой и переднеспинкой. Там же синий с желтым брюшком томаподерус циклопс вертит сигары из листьев. Жуков было столько, всех не перечислить!

Впоследствии я еще раз пять приезжал в район Шонзыонга, осматривал горные выработки и искал проявления рудной минерализации в коренных породах. Нашли и гранитный массив — источник всех руд хребта Там-Дао. Интересно, что французы, использовавшие этот хребет для постройки ближайшего к Ханю курорта, где они спасались от изнуряющей жары, не подозревали о богатстве его недр.

После Шонзыонга решили заняться поисками ртути и поехали на ореол рассеяния киновари в Хоаньбо. Этот ореол расположен около знаменитого залива Халонг. Вечером добрались на машине до приморского городка Хонгай и остановились в гостинице. А наутро сели на двухмачтовую джонку и поплыли через узкий проход в обширный залив. Было прохладно (не более 15° тепла), и от воды поднимался белый туман. Джонка остановилась, и матросы бросили якорь в 200 м от темной полосы леса. С нее спустили железный трап прямо в воду. Мне предложили раздеться и идти до берега пешком. Смотрю, все мои спутники-вьетнамцы начали раздеваться. Тогда я тоже разделся до трусов, и, ежась от холода, спустился в темную воду залива. О, радость! Она была очень теплой, примерно 25—27°! Я бодро зашагал к берегу и скоро увидел в зарослях мангрового леса узкий проход. Лес состоит из невысоких деревьев Ризофора и Бругиера, снизу как бы подстриженных, ветки и листья кончаются на уровне, куда достигает прилив. Стволы и хаотические корни внизу торчат прямо из синевато-черного ила, переполненного разнообразной морской живностью: много крабов, рачков, ракушек, морских червей и рыбок.

А вот жуков в мангровом лесу я не нашел. Выходим на крутой берег и вблизи видим ручей с прозрачной водой. Там отмываемся от грязи и следуем дальше к невысоким горам. Мне понравилась местность вокруг: холмистые предгорья с редкими гигантскими деревьями, много больших пней и обгорелых коротких стволов пальм Аренга пинната. Стволы совсем гнилые. Мы разломали некоторые из них — это толстые цилиндры, стенки которых образованы твердыми чешуями — черенками громадных перистых листьев. Между ними все забито жесткими волокнами. Внутри цилиндрическая полость, забитая гнилыми волокнами и трухой. Позабыв об осторожности, я засунул руку в труху и вытащил горсть, из которой внезапно выскочила большая зеленоватая сколопендра с оранжевыми ногами. Хорошо, что она не успела укусить! Потом я нащупал в трухе что-то кругловатое — кокон из волокон с красивым бархатисто-красным с черными пятнышками жуком-долгоносиком ринхофорус ферругинеус! Кроме того, я нашел особых стафилинов из рода циртоторакс и очень крупных карапузиков плезиус яванус. А в самом низу пня, в сердцевине пальмы, — личинки долгоносиков и активные Ринхофорус ферругинеус. Потом я встречал этот вид долгоносиков не только в стволах диких пальм, но и в арековых пальмах, и даже в тонких стволиках Феникс пумила, в саваннах Чунгбо. Наконец, дошли до деревни, населенной китайцами, и остановились на ночлег. На следующий день со студентом политехнического института Ле Ван Чао и другими вьетнамцами делали рекогносцировку участка работ. Я задал несколько

линий копушей и шурфов. Горы здесь покрыты вторичными лесами, где пасут скот: зебувидных коров и буйволов.

Впоследствии в пределах ореола рассеяния киновари было обнаружено несколько сурьмяно-ртутных рудопроявлений, оцененных как малоперспективные для дальнейших разведочных работ.

В разгар весны, 12 апреля, поехали в Кон-Куонг, в провинцию Нгеан на юге ДРВ. На раскаленном от солнца газике доехали до поселка за полтора дня. Переночевав в домике администрации поселка, утром сели на лодки, и вьетнамцы, толкаясь на шестах, доставили нас вверх по течению р. Кон на 20 км в устье ручья Кхе-Ой. Ручей расположен почти в центре нового ореола касситерита. Мы высадились и прошли еще 8 км пешком до деревни мыонгов. Местность вокруг весьма живописна: карстовый рельеф с причудливыми скалами и провалами, забитыми глыбами сульфидно-касситеритовых руд. Много первичного влажнотропического леса, в котором водятся дикие слоны, тигры, черные пантеры и различные обезьяны. Здесь мы увидели огромные цветущие деревья с большими белыми или оранжевыми соцветиями. Около этих цветов с громким жужжанием летают разноцветные крупные бронзовки, хрущи и усачи вместе с осами, пчелами-ксилокопами и разноцветными бабочками. Среди последних особо выделялись громадные орнитоптеры, у которых передние крылья бархатисто-черные, а задние золотисто-желтые с черным орнаментом (Орнитоптера гелена) и размахом крыльев 18—20 см. Но поймать их не удавалось. Впрочем, и внизу жуков было видимо-невидимо: по коре некоторых деревьев бежали огромные антрибиды мекоцерас аллектус, у самцов очень длинные усики, как у самых длинноусых жуков усачей! Между ними прохаживались одинаково окрашенные усачи мезокация мултимаккулата с более скромными усиками. Я собрал около 30 видов других антрибид и более 50 видов разнообразных жуков-усачей. У нас на севере такое количество не собрать и за годы! Впервые познакомился с несколькими видами коллирис и тератес — тропическими жуками-скакунами, живущими не на земле, а на кустах и деревьях. В джунглях наблюдались такие сценки: сверху на широченном листе дикого банана сидят жуки-листоеды, выгрызающие в нем дырочки, тля, мелкие цикады, муравьи, муравьеподобные сверчки, мушки целифид, подражающие жучкам-листоедам, и разные личинки. Но вот прилетают коллирисы, садятся на лист сверху и набрасываются на все живое. Мгновенно лист банана опустел, почти все мелкие насекомые перебежали на нижнюю поверхность листа. Но там их поджидают другие хищники — жуки из семейства пестряков каллимерусы, немного напоминающие коллирисов. В общем мелочи нет покоя ни сверху, ни снизу! На обратном пути, на песчаных косах р. Кон огромные количества бегаю-

щих и делающих короткие перелеты (не менее четырех видов) жуков-скакунов из рода *цициндела* (суматриензис, ангулата, фунерея и канцеллата). Самые многочисленные жуки двух цветов: бурого и темно-зеленого с белым рисунком. Скакуны охотились на все живое, что подвернется на песчаных косах: на мелких жучков, на муравьев и мушек.

После рекогносцировочных работ на ореоле Кон-Куонг, выявив там довольно высокие содержания мелкого призматического касситерита, я сделал рекомендации по дальнейшим поискам россыпей лаосского типа, подобных месторождению Нампотен, и сульфидно-касситеритовых коренных месторождений.

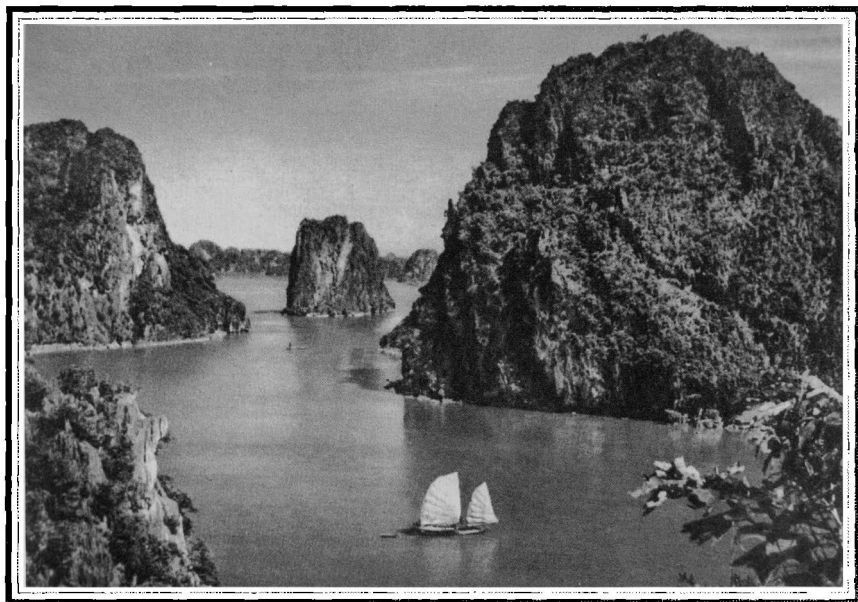
Дальше отправились на машинах по хорошему шоссе в сторону Лаоса и к вечеру остановились в Кыарао, маленьком поселке на берегу р. Ка. На следующий день сделали маршрут в предгорьях хребта Чыонгшон, достигающего в этом месте 2700 м над уровнем моря. Поднимались примерно на 1000 м. Лес на пути совсем другой — много деревьев с опадающими листьями, они стоят почти голые, и лучи солнца проникают до почвы, покрытой травой. Преобладают 3—4 вида из рода *Диптерокарпус*, есть *Пентакме* и *Шорея*, а также сосны и хвойное дерево *Подокарпус*. Лиан мало, среди кустарников в основном акациевые. На поваленном стволе дерева (по-видимому, *диптерокарпус*) мы заметили дырочки жуков-древоточцев *бострихид* и около них замечательных черных жуков-долготелов из рода *цифагогус*. Они активно бегали по коре и иногда засовывали головы в дырочки *бострихид*, выедавая не успевших далеко внедриться жучков. Взяв контрольные шлихи, пошли обратно. Извилистая тропка идет по узкому карнизу над ревущим внизу потоком. Изредка отмечаю в геологической пикетажке встреченные горные породы. Вьетнамцы весело переговариваются за спиной. Вот еще поворот, и я отпрянул назад... Впереди на тропе лежит огромная свернувшаяся спиралью полосатая змея толщиной в руку и около метра в диаметре! Сзади подошли вьетнамцы и, увидев змею, остановились и замолчали. Змея медленно подняла голову, и в ее глазах заблестели красные огоньки. Перед нами была королевская кобра — крупнейшая и самая ядовитая змея тропиков Азии, достигающая 5 м длины. Стали потихоньку отходить назад за скалы. Но лезть на скалу или по отвесу, заросшему колючками, не хотелось. Через минуту охранник Кау, вытащив пистолет, пошел вперед и крикнул, что змея лежит на прежнем месте! Наш бесстрашный техник Бинь, предупредив Кау, чтобы тот не стрелял, полез на скалу, нависшую над тропинкой. По дороге он набрал мелких камушков и стал бомбардировать змею сверху. Через несколько минут Бинь крикнул, что змея уползла. Осторожно мы прошли мимо колючих кустов, где скрылась кобра. В этом маршруте мы видели с десятков различных змей и боль-

ших гекконов «таке» на стволах. Жара достигала 40° в тени. На следующий день возвратились в Ханой.

Первомайские праздники решили отметить всей группой геологов во главе с А. Е. Довжиковым. Поехали на приморский курорт Шам-Шон, в провинцию Тхань-Хоа. Здесь великолепный пляж шириной от десятка до сотни метров, отделенный от материка полосой дюн, посаженных казуаринами. Пляж состоит из ослепительно-белого песка, безлюден и тянется на десятки километров вдоль берега Тихого океана. С моря набегают очень длинные волны, поднимающиеся у берега на 3—4 м. Они с грохотом обрушиваются на песок и откатываются по мокрой, наклонной в сторону моря плоскости метров на 20—30. Потом набегают следующие волны с пенистым верхом, и все повторяется. Так выглядит океанский накат в Шам-Шоне! С великим удовольствием выкупались в волнах. Потом я занялся ловлей приморских жуков и обнаружил целые стайки быстро бегающих жуков-скакунов двух видов: цинцидела тенуипес и анхоралис. Когда морская вода после очередной волны откатывается, оставляя полосу мокрого песка, туда устремляются тысячи очень длинноногих цинцидела тенуипес, которые как бы клюют мокрый песок. Так они охотятся на разную морскую мелочь типа рачков или личинок мушек (?). Они ловко увертываются от волны и убегают на сухой пляжный песок. Приморские скакуны другого вида бегают тут же, но далеко на мокрый песок не забираются. Под кучками выброшенных морем гниющих и издающих йодистый запах водорослей обнаружил несколько видов чернотелок: два вида фалерия, два вида гоноцефалум и ряд других видов. Под трупом морской змеи-пелаиды скопилось не менее трех видов мелких онгофагов и каккобиус уникорнис. А в полосе дюн под подстилкой из отходов Казуарины — скопления красивых мертвых хрущей аномала золотисто-желтого цвета, по-видимому, еще неопisanного вида. Там же, в сухом помете буйвола или зебу, множество коконов, содержащих личинки, куколки и взрослых жуков оригинально окрашенной бронзовки кампсиура яваника. В Ханое мы занялись составлением шлиховой и металлометрической карт и выделили еще несколько совершенно новых ореолов рассеяния касситерита, киновари, монацита и титаномагнетита.

В июне 1962 г. наша группа поехала в залив Халонг изучать геологию островов. Для поездки наняли двухмачтовую джонку водоизмещением 30 т. С нами было несколько вьетнамцев, в том числе два солдата с винтовками, — в море много акул. Целый день 10 июня на надувной резиновой лодке плавали между островами и на некоторые высаживались.

Халонг! Это одно из самых удивительных мест всемирного масштаба. Тысячи причудливых известняковых скал поднимаются прямо из сказочно красивого тропического океана с

Плывем в залив Халонг на двухмачтовой джонке.
Вьетнам. Июнь 1962 г.

прозрачной водой насыщенного аквамаринного цвета. Горизонт виден только в промежутках между скалистыми островками. Они местами так сильно загромождают море, что между скалами остаются узкие извилистые проливы. В более обширных промежутках открытой воды всегда много парусов разнообразных рыбацких джонок. А в маленьких бухточках, куда не проникают большие волны, я видел роскошные коралловые «сады» вперемешку с зарослями длинных водорослей и камнями, обросшими моллюсками, морскими уточками, ежами и звездами. Между ветвистыми кораллами сновали разноцветные рыбки, а иногда встречалась зеленовато-черная громадина-мурена. Некоторые из больших скал действительно напоминают высывающегося из воды гигантского дракона, ведь Халонг по-вьетнамски — бухта дракона. Часть скалистых островков покрыта сверху тропическими зарослями. Некоторые кустарники цветут белыми или розовыми цветами. Среди них видны единичные пальмы и панданусы. На более пологих участках — заросли вьющихся Коновалия маркима, Ипомея песчапре и Лактука индика. У самой воды, куда достигают брызги прибоя, солянки. В некоторых бухточках высаживаемся на берег и ищем окаменелости в известняках.

Найдя верхнепалеозойские ракушки и кораллы, А. Е. Довжиков остался доволен маршрутом. Сотрудники с женами и детьми 22 июня уезжали домой в Ленинград. Мы с женой и вьетнамскими товарищами по экспедиции провожали их на Ханойском вокзале.

Несмотря на интенсивные тропические ливни летнего муссона, мне пришлось неоднократно выезжать в геологические маршруты по рекогносцировке все новых и новых ореолов рассеяния различных полезных ископаемых.

В начале июля поехали на ореол рассеяния касситерита Байтуонг в провинции Тхань-Хоа. Было очень жарко, в джунглях цвели большие деревья и пальмы. Около соцветий кружились огромные бронзовки — агестрата орихальцея и другие. Порхали бабочки, особенно красивые орнитоптеры и махаоны (кавалеры), данаиды и нимфалиды. Очень понравилась летающая в самых тенистых местах леса бабочка-сухой лист (калима), поймал несколько экземпляров. Когда они летят, крылья сверкают металлически-синим блеском, а когда они садятся на сучок, их не отличить от сухого листика, даже хвостик прижимают к пруту, как бы прирастая к нему. Из книг я узнал, что пятна плесени на нижней стороне крыльев этой бабочки воспроизведены с такой точностью, что специалисты могут определить вид этой плесени! В одном из маршрутов мы нашли дерево грейпфрута, старое и дуплистое, густо заселенное разными жуками. На поврежденном сучке с вытекающим соком сидела целая гроздь великолепных золотисто-зеленых с черным рисунком бронзовок ромборина респленденс.

Впоследствии я видел в Пекине этих бронзовок, вделанных в серебряную оправу. Их продавали как женские брошки. Кроме ромборин, на этом грейпфруте мы нашли три вида громадных жуков-рогачей, дупляков ксилотрупес и красивых гелота. В других местах леса мы видели множество молодых побегов бамбука, только что вылезавших из земли. Целые стаи макак набрасывались на эти побеги и с хрустом их поедали. Кроме того, на вершинах побегов бамбука сидели громадные самцы жуков-долгоносиков из рода циртотрахелус блестящего коричневого цвета, с исключительно длинными передними ногами. Когда на побег садился другой самец, они вступали в драку, смешно размахивая длинными передними ногами, стараясь спихнуть друг друга. А внизу, у самого подножия стволика побега сидела самочка с более пропорциональными ногами и длинным хоботком просверливала в нем дырочку для откладки яиц. Несмотря на высокие содержания касситерита в шлихах, мест для образования крупных россыпей мы не нашли. Здесь не было известняков и карстовых долин. Все это мы обнаружили позже в районе поселка Куи-Чау провинции Нгеан.

В начале августа мы с женой поехали поездом в Лаокай и далее в район высокогорного поселка Шапа. Ехали в полупус-

Гигантское дерево терминалия в джунглях Вьетнама.
Июль 1962 г.

том купейном вагоне вместе с тремя офицерами из группы инспекторов-пограничников от ООН: канадца, поляка и индуса с денщиками. Обратили внимание на то, что канадец с денщиком сидели в своем купе и потягивали виски из одной бутылки. Поляк со своим сидел на разных скамейках и, если офицер обращался к солдату, тот вскакивал и щелкал каблуками. А индус завладел купе в одиночку, его денщик сидел в коридоре и чистил ему туфли. В Лаокай прибыли вечером и остановились в гостинице. Утром выехали на машине в Шапа. Дорога узкая, горная, и по ней машины идут по часам, то в одну, то в другую сторону. Внизу в Лаокае сильная жара, дорога все время идет в гору. Пробиваем полосу облаков, наверху темно-синее небо и довольно прохладно.

Остановились с Анфисой в гостинице и пошли осматривать окрестности. Обратили внимание на очень красивую аллею из огромных хвойных кипарисоподобных деревьев (Кунингамия), поднимающуюся на крутой склон с широкой каменной лестницей посередине. Все это показалось мне знакомым. И вдруг я вспомнил один из своих ярких детских снов. Мне снилось, что я медленно лечу над этой аллеей вверх к сияющему небу! Конечно, мы поднялись по этой лестнице и увидели прелестное плоскогорье с отдельными холмами, покрытыми лесами и скалами, с медленными извилистыми ручьями, с перекинутыми ажурными мостиками. А на одном из холмов возвышался ку-

пол астрономической обсерватории. Вдалеке плоскогорье упиралось в лесистые предгорья хребта Фансипан 3142 м высотой.

Шапа, расположенная на высоте 1600 м, — это маленький шумный городок с базаром, местные жители — народность мео. Они более скуластые, чем вьетнамцы, и одеты в темно-синие одежды. Купили у них персики и с удовольствием ели, пока не увидели, что в некоторых плодах, в извилинах косточек, сидят довольно крупные червяки. Мео разъезжают по горам на маленьких лошадках типа пони. Недалеко от гостиницы стоят роскошные виллы французских богачей, окруженные высокими заборами и красивыми садами. Ночью я ловил жуков, прилетающих на свет ламп. Занимался с вьетнамцами геологическими маршрутами. Наиболее интересный из них был сделан на предгорьях Фансипана высотой 2000—2200 м, где партия нашей экспедиции, по рекомендации Э. П. Изоха, производила поисковые работы на молибден. Осмотрев кварц-молибденовый штокверк в гранитах, обратил внимание на высокогорную растительность и на жуков. Погода солнечная и ветреная, прохладно, не более 20°. Штокверк расположен среди леса из гигантских куningамий, много огромных смолистых пней. Куningамии посажены в прошлом веке французскими лесоводами. Местная растительность состоит из крупных вечнозеленых дубов, магнолий, древовидных рододендронов, липовых, буковых, берез, ив, лип, непальской ольхи, среди которых есть заросли древовидных папоротников Циатеус с подлеском из мелкого бамбука, банана Муза вильсоны и других кустарников.

В этих горных лесах особенно много представителей жуков-рогачей из родов люканус, одонтолабис, доркус, неолюканус и нигидиус. Собрали их не менее 30 видов. Ловить насекомых довольно трудно, так как лес растет на очень крутых склонах. В ловушки попался новый вид рода карабус, впоследствии описанный чешским энтомологом Готтвальдом.

В другом маршруте мы с Ле Ван Чао обнаружили под обрубком дерева большое крысиное гнездо со множеством маленьких розовых крысят. Я поднял молоток и хотел их побить, но Чао, схватив меня за руку, сказал: «Что Вы делаете! Ведь это так вкусно!». Он собрал всех крысят в мешок для пробы и понес их себе на ужин.

Вечером нас с Анфисой пригласили на прием к Ле Зуану, генеральному секретарю партии труда Вьетнама, приехавшему в Шапа на отдых с тремя дочками. Входим в большую комнату с длинным столом, за которым сидят два десятка вьетнамцев. Со мной пришел Ле Ван Чао. При гробовом молчании нас усадили напротив Ле Зуана. Ле Зуан что-то спросил у Чао и тот рассказал, насколько я понял, об открытиях россыпей олова в Шонзыонге и ргуги. Тут Ле Зуан улыбнулся, и все вокруг заулыбались, а один незнакомый вьетнамец на чистом рус-

ском языке сообщил мне, что он только что приехал из нашего ЦК партии в Москве. На следующий день ко мне в номер пришли все три дочери Ле Зуана, две из них учились в Москве и свободно говорили по-русски. Показал им собранных в Шапа жуков и рассказал о своей коллекции. В Шапа я также познакомился с двумя поляками-геофизиками из обсерватории. Они пригласили меня на свою виллу и угостили хорошей выпивкой. Потом мы поехали в Лаокай и поездом в Ханой.

Там мне доложили об очень высоких содержаниях крупных зерен касситерита в шлихах из горного района между поселками Куй-Чау и Куй-Хоп в провинции Нге-Ан. Через несколько дней мы с группой вьетнамцев выехали в этот район. До Куи-Чау добрались на второй день, переночевав в Фукуи на бывшей французской кофейной плантации. К северу от Фукуи осмотрели лесоразработки, где используется одновременно 30 ручных слонов. Они выполняют роль трелевочных тракторов, но живых и весьма понятливых. Задачи каждого слона с погонщиком на шее: найти в джунглях спиленное бревно дерева лим (железное), разделанное на отрезки в 6—7 м длиной; прицепить этот отрезок с помощью погонщика к упряжке из толстых цепей; стащить его вниз к реке; повернуть бревно вдоль берега реки; закатить его на заранее приготовленный мат из бамбуковых палок, затем завернуть в этот мат; столкнуть все это в воду.

Далее рабочие формируют плоты для сплава. У реки висит отрезок рельса и лежит железная палка для сигналов на обед. Удар палки по рельсу означает время обеда. Слон, услышав этот звук, останавливается как вкопанный. Тогда погонщики отцепляют его от бревна. Слоны сходятся вниз и отправляются в ближайшие заросли диких бананов. Там они выдирают из земли молодой банановый куст метра три высотой, и долго полощут в реке, после чего с хрустом поедают. Следующий удар о рельс означает конец обеда, и каждый слон, приняв на шею погонщика, идет к своему бревну, оставленному в лесу. Находит свое сразу и никогда не ошибается.

Хо Ши Мин однажды спросил у подчиненных: «А где тот заслуженный старый слон, который всю войну с французами таскал на спине пушку?». Ему ответили, что он работает в леспромхозе. Тогда Хо Ши Мин приказал наградить слона военным орденом. Военные чиновники, приехав в леспромхоз, выстроили всех слонов в ряд, вывели старого слона и, поставив перед строем, надели на него красную ленточку с орденом. Потом слонов погнали в лес на работу, а заслуженный слон не подчинился и остался стоять у реки. Кто-то догадался снять с него орден, и тогда слон, постояв немного, отправился к своему бревну. Выяснили, что если на слона надеть орден, работать он отказывается, а если снять — работает! Доложили об этом Хо Ши Мину. Он распорядился: «Такой заслуженный

слон работать не должен!» И его перевели в Ханойский зоопарк, где он катал на спине детвору.

После слоновьего леспромхоза поехали дальше и остановились в Куи-Чау, откуда начали ходить в пешеходные маршруты. Геология этого района очень интересна. В центре возвышается большая гора 1200 м высотой, сложенная оловоносными порфиroidными гранитами, прорывающими темные сланцы триаса, и верхнепалеозойскими мраморозированными известняками. Известняки образуют сильно расчлененное эрозией плато, причлененное к южному склону гранитного массива. В них сосредоточены многочисленные проявления оловорудной минерализации и три крупнейшие россыпи касситерита с очень высокими содержаниями. Здесь, севернее деревни Нака, были обнаружены уникальные природные обогатительные фабрики в виде карстовых воронок в известняках, заваленных глыбами гранитов, часто с кварц-касситеритовыми жилами. Внутри известняков, в системе подземных пещер, происходит обогащение аллювия касситеритом, и в долину у Нака выносятся песок с очень высокими (десятки кг/м³) содержаниями олова! Там же обнаружена весьма своеобразная «жила» — широкая трещина в мраморах, выполненная травертином с высоким содержанием кварца, слюды и касситерита. Запасы олова в районе гораздо большие, чем на Солнечном. В настоящее время там производится добыча металла в больших объемах. Сюда я приезжал семь раз, провел 30 пешеходных маршрутов. Население — в основном народность тхай, как в государстве Таиланд. Дома большие, на высоких сваях, с крышами из пальмовых листьев. Сваи делают из бревен, пропитанных особым ядом. Если этого не сделать, термиты съедают такое бревно за год. У многих деревень имеются большие ямы с черной водой, в которых вымачивают бревна для построек. Около каждой деревни есть небольшая рощица из старых деревьев — деревенское кладбище. Под деревьями стоят маленькие хижины — копии жилых домов тхаев. Внутри таких хижин — горшки с прахом умерших, чашки с рисом и палочки для еды, свечки и другие предметы. Около некоторых могил на бамбуковых шестах длинные полосы черной или белой материи. В рощах также есть маленькие кумирни со статуэткой Будды. Когда в деревне кто-нибудь умирает, женщины поднимают страшный вой, и так продолжается несколько дней. Заснуть в это время почти невозможно.

Однажды охотники тхай убили дикого слона, в отдаленной горной деревне, высоко в горах. Сообщение о событии было передано в тот же день барабанным боем. Так охотники созывали жителей соседних деревень на пир. У тхаев в каждой деревне висит огромный барабан, и все новости передаются со скоростью телеграфа. Мне тоже достался кусок слоновьего хобота.

Сплаваемся на бамбуковых плотах в ущелье среди известковых гор северо-восточнее города Тхайнгуен. Сентябрь 1962 г.

В тхайских деревнях есть обычай делать подарки почетным гостям: обычно связанную курицу или фрукты (бананы, апельсины и т. п.). Я в шутку сказал переводчику Чи, что мне хотелось бы получить в подарок жуков. Следующим утром у входа в хижину, где я остановился, собралось десятка два мальчишек и девчонок. Они принесли аккуратные свертки из бананового листа и по очереди передали их мне. Из этих свертков я вынимал разную живность. Больше всех было громадных, почти с палец длиной, пауков с золотистым брюшком. Их я часто видел в джунглях в центре огромных ловчих сетей, куда попадались не только мухи и другие насекомые, но и маленькие птички. Один раз такой паук больно укусил меня за палец, и я удивлялся, что дети их не боятся. Приносили больших коричневых сверчков, также кусачих зеленых кузнечиков и богомолв, очень редко жуков. Не нужных мне насекомых я потихоньку выпускал через щель в бамбуковом полу хижины. Ребятишки тхай мне очень понравились: красивые, веселые, с хитрым выражением блестящих черных глазенок. Они научили меня ловить крупных и красивых цикад-фульгорид с длинными красными носами. Мальчишки принесли длинный конский волос и сделали в середине петлю-удавку. Держась за оба конца волоса, они надевали петельку цикаде на нос и быстро ее затягивали. Пойманная цикада билась в петле и громко скрежетала. А я раньше никак не мог поймать такую цикаду, хотя она подпускала руку на очень близкое расстояние, но всегда выпрыгивала из-под ладони.

Очень быстро наступает тропическая ночь, как будто из-за зубчатой стены известняковых скал надвинулось черное покрывало, усеянное тысячами звезд. Почти одновременно в тени гигантских деревьев закружились не менее яркие звезды бесчисленных светляков. Великолепная иллюминация тропической природы! Во влажном горячем воздухе потянулись свежие струи. В ушах стоит многоголосое пение цикад, сверчков и кузнечиков — маленьких лесных музыкантов. В хор вмешиваются другие звуки — писк летучих мышей, крики ночных птиц и шорохи в кустах. Внезапно, как по команде, грянул мощный лягушачий концерт, которого не услышишь в наших северных краях. Хор повторяет: кра-кра и, одновременно прерываясь, через секундные промежутки тишины раздается еще более мощное бу-бу, напоминающее удары в огромный барабан. Со всех сторон слышится позвякивание миллионов колокольчиков — голоса древесных лягушек-квакш. Неожиданно весь этот адский концерт перекрывается мощным, отрывистым ревом крупного хищника, и все мгновенно смолкает. Такая тишина, что болят барабанные перепонки. И снова вся эта лесная музыка ударяет с удвоенной силой. Иногда слышится жужжание близко пролетающего крупного жука, да кусаются москиты.

Я долго стоял и прислушивался к звукам диких джунглей. Какой это век? Может быть, я очутился в доистории времени, один на один с враждебной природой? Но среди звезд проплывает еще более яркая звезда — спутник, запущенный руками людей, и возвращает к действительности. Завтра предстоит тяжелый маршрут, надо спать.

О, эти громадные массивы известняков с карстовым рельефом, столь характерные для ландшафтов Вьетнама! Не раз, проезжая мимо на автомобиле, я мечтал поближе познакомиться с их своеобразной природой. Судьба предоставила мне объективный повод для этого. На нашей шлиховой карте появился ореол рассеяния киновари (руды ртути) в самом сердце огромного известнякового плато, северо-восточнее города Тхайнгуен.

В назначенный день у подъезда нашего дома в Кимлене появился газик с геологом Чао и переводчиком Чи, и мы помчались на север. До города Тхайнгуен добрались быстро и после обеда в столовой поехали дальше. Через несколько километров перед нами открылась длинная вертикальная стена известняков, теряющаяся вдаль. Наверху грозная стена заканчивалась многочисленными причудливыми скалами, между которыми курчавилась зелень деревьев и клубились клочья белого тумана. Это и была южная окраина огромного известнякового массива — цель нашей поездки. Довольно долго ехали вдоль стены и, наконец, свернули в узкое ущелье с маленьким ручейком. Дорога извивается под нависшими скалами среди пышной растительности тропического леса. Она не достроена и заканчивается у разрушенного мостика через ручей. К вечеру доходим пешком до маленькой деревеньки народности тхо. Они живут в домиках на небольших сваях. Тхо — невысокие, широкоскулые, с приятными чертами лица и большими миндалевидными черными глазами. Особенно милостивы девушки в своих синих вышитых кофточках и коротких синих юбках с узорным подолом. Они очень застенчивы и все время прячутся друг за друга.

Останавливаемся на ночлег в деревне. Завтра предстоит очень длинный переход — около 20 км по джунглям в деревню Тханьса, центр ореола рассеяния киновари. Сильный дождь с грозой шел всю ночь. Утром мы увидели, что ручьи сильно разлились, а тропинки размокли в чавкающую грязь. Но к полудню выглянуло солнце. Дальше решили плыть на бамбуковых плотках. Рабочие тхо быстро связали из толстого бамбука несколько плотиков и мы, прикрепив к ним рюкзаки и другое снаряжение, понеслись по бурному ручью с грязной красно-коричневой водой. Толкаясь на шестах, вьетнамцы лихо управлялись с плотами и, проехав живописные узкие ущелья с растущими на дне пышными лесами из гигантских деревьев, прибыли, наконец, в большую деревню Тханьса. Она располо-

жена в устье одноименного ручья, в расширении долины с рисовыми полями, множеством кокосовых и арековых пальм и садами цитрусовых. Все это окружено грозными отвесными известняковыми скалами высотой до 300—400 м. В них множество пещер, заселенных большими тонкотелыми длиннохвостыми обезьянами, черными с белой грудью и животом. В одном из маршрутов нашли своеобразную уборную этих обезьян: в отвесной стенке известняков на высоте 20 м небольшое отверстие у входа в пещеру, от которой шли вниз ржавые потеки. Под ним была огромная куча обезьяньего помета с противным запахом. Мы видели, как из отверстия высунулся зад обезьяны с задраным хвостом, и она, сделав свои дела, скрылась в пещере. Через две минуты показался зад другой обезьяны, и все повторилось. Вероятно, этой уборной, недоступной для хищников, обезьяны пользовались много лет. Мы спрашивали у тхо, были ли кто из них наверху, на известняковом плато, но они только смеялись и говорили, что это доступно лишь конхи (обезьянам) и там живут дикие люди, которые всех убивают!

Ручей, на котором стоит деревня, спокойный и течет в довольно широкой долине, дно которой устлано травертином. В верховьях долина сужается, а травертиновые отложения образуют широкие, метров по 20—30, ступеньки, заросшие девственными лесами очень богатого состава. Он вырос в условиях жаркого влажнотропического климата на абсолютных высотах от 200 до 500 м. Среди известняковых скал деревья, защищенные от тайфунов, вырастают до огромных размеров. Мы встретили деревья Парашорея из Диптерокарповых и Терминалия с досковидными корнями со стволами диаметром около 7—8 м и до 80 м высотой! Рядом росли гигантские Фикус, Парапентаце из липовых, Стиракс и другие очень крупные деревья. Под ними возвышались пальмы Кариота уренс, Аренга пинната, веерные Ливистона и кустарниковые Кариота митис, Пинанга и Рафия. Местами много колючих панданусов и попадают Цикас (Саговники). Вдоль ручьев заросли ивовидных молочаев, диких бананов, бамбука, изредка встречаются стрихнос с ядовитыми плодами, похожими на большие помидоры оранжевого цвета, местами есть густо растущие кустики мимозы, шевелящиеся от прикосновения. Деревья перевиты многочисленными лианами различных видов из многих семейств: Смилакс из Лилейных, колючих Диоскорея, Баухиний с яркими цветами, Ротанг (Каламус) из Пальмовых и бамбук-лиана. На земле растут громадные травы с неприятным запахом из семейства Ароидных — Аморфофаллус и Аллоказия, Алпиния из Имбирных, Фриниум из Амарантовых, Урена лобата из Мальвовых и множество папоротников. На ветках деревьев — разнообразные эпифиты: орхидеи с яркими цветами, папоротники Псевдодриинария коронанс и Асплениум нидус (папоротник «птичье гнездо») и эпифитные фikusы.

Вся эта масса зелени позволила выжить в этом районе богатейшей по составу фауне. Мы находили в лесах множество следов оленей, кабанов, тигров, леопардов и медведей. Видели дикообразов, панголинов, различных обезьян, лори, мангуст, летяг, белок, летучих мышей. Огромное разнообразие птиц — попугаев, диких кур, фазанов, коршунов, сов и диких голубей. Пресмыкающихся также очень много: кобры, банановые змеи, змеи-плетевидки, водяные ужи, вараны, гекконы, агамы и другие ящерицы. Много видов лягушек, квакш и жаб. Здесь находится столица царства насекомых. Я посеял район Тханьса 10 раз, проводил в нем от 3 до 15 дней, и за это время собрал не менее 2500 видов жуков — почти половину всей фауны Вьетнама! Наиболее интересные из них — представители древнейшего семейства ризодид (5 видов), все они описаны американским ученым Беллом как новые виды, живущие в трухлявой гнилой древесине, итамус дентатус из пауssid, три вида красивейших катаскопус и множество других жужелиц. На покрытых тонким слоем мха травертинах у ручьев собрано не менее десятка видов стенов и столько же дианоус, многие из них описаны немецким энтомологом Путцем как новые для науки виды. Под корой мертвых стволов деревьев живет несколько видов чисто тропических стафилинид приохирин, образуя сообщества с другими подкорниками: жуками-долгоносиками, долготелями, мелкими пассалидами и рогачиками из родов фигулюс, нигидиус и аэгуc. Из долготелов обнаружен новый род и вид ипсопистиус хиртус, описанный автором этой книги. Много разнообразных, часто крупных и красивых жуков, найдено в эпифитах: церакупес фронтикорнис — особая трехрогая пассалида, живущая в симбиозе с эпифитами. Зимой в них находились также бронзовки из родов клинтерия, плятизодес и клинтероцера. На пнях и лежащих на земле стволах деревьев, обросших грибами типа вешенок или различными трутовиками, живут весьма разнообразные жучки-грибоеды из семейств скафидид, эндомихид, зротилид и чернотелок тенебрионид. Венгерским академиком Золтаном Касабом описаны новый род с видом кабаковиелла менефилойдес и еще пять новых видов грибных чернотелок. Иногда на толстых стволах деревьев, покрытых тонким слоем плесени, наблюдались огромные скопления (до 1 м в диаметре) жуков евморфус аустерус, обладающих особым чесночным запахом. Эти жуки имеют на надкрыльях выпуклые желтые пятна, которые ярко светятся, если на них направить источник интенсивных ультрафиолетовых лучей (люм). Летом в этих лесах особенно обильны растительноядные жуки из семейств Усачей, Листоедов и Долгоносиков (сотни различных видов сидят на стволах, ветках, листьях и цветах различных растений).

Однажды мы с переводчиком Чи, геологом Чао и охранником Кау решили подняться на известняковое плато. Взяв

с собой веревки, нашли крупную трещину в известняках и полезли вверх. Поднявшись метров на 300, мы выбрались на плоскость, изрытую ямами и торчащими остроконечными скалами, так называемый каровый рельеф. Все это заросло невысоким лесом. Из деревьев преобладают Гарциния, Кордилина и Кипарисы с шарообразной кроной, есть также низкорослые пальмы и мелкие панданусы с зазубренными краями листьев. Они перевиты разными лианами, которые вместе с колючими кустарниками образуют почти непроходимую чащу. «Мы скоро как конки (обезьяны) станем», — пошутил переводчик Чи, когда мы пересекли узкий, около двух километров, отрог плато между двумя ручьями. В этом походе жуков собрали очень мало, но в почве, в середине зонтикоподобного деревца Кордилины, поймали очень редкую жужелицу анавлакус фасциатус и два вида усачей, ранее не встречавшихся.

На участке с наивысшими содержаниями киновари мы обнаружили небольшую древнюю горную выработку. Здесь китайцы добывали киноварь из зоны дробления в пермских известняках. Перед тем как осмотреть эту выработку, пришлось выгнать из нее несколько зеленых змей-плетевидок. Потом я задал череду канав для прослеживания и опробования этой зоны. Вьетнамцы, построив хорошую пешеходную тропу, начали взрывные работы. Один раз, проходя по этой тропе по карнизу вдоль высокой известняковой скалы, мы услышали метрах в 50 внизу жуткий вопль и рычание хищника (тигра или леопарда). Остановились над этим местом, и взрывник бросил вниз шашку аммонала с подрывным патроном и коротким бикфордовым шнуром. Прогремел сильный взрыв, и все стихло. Когда рабочие спустились туда, они нашли небольшого оленя с изодранной шеей, который был еще теплым. Вечером меня угостили куском жареной оленины.

Канавами вскрыли и опробовали мощную, от трех до пяти метров, зону разлома с издробленным и пропитанным кальцием и киноварью известняком. Содержание ртути в зоне оказалось очень высоким, и мы оценили ее как промышленное месторождение со значительными запасами ртути. Дальнейшие поиски в районе Тханьса показали наличие и других подобных зон с киноварью, которые, в частности у деревни Шаммок, мы расканавили и опробовали.

Вспоминаю еще один маршрут в Тханьса. Мы выехали из Ханоя поздно и приехали в конец автодороги вечером. Решили идти до развилки ручьев, где наша партия построила временную бамбуковую хижину с полатами для сна. Пришли туда уже в темноте. Для меня в углу поставили полог-накомарник с постельными принадлежностями, а остальные вьетнамцы расстелили свои легкие циновки. После ужина все завалились спать. Я вышел из хижины на поляну и стал свидетелем незабываемого зрелища: вокруг, на темных кустах и деревьях си-

дела тысячи ярких светлячков и одновременно мигали в такт! Мгновенная вспышка и мгновенная темнота — все это продолжалось более часа. Изредка пролетали и ровно светящиеся светлячки, оставляя в темноте след в виде сплошной черточки. Налюбовавшись светлячками, я пошел спать, но тут послышалось щебетание девичьих голосов и смех — это были девушки тхо. Они смело вошли в нашу хижину, стали укладываться спать на свободные полаты напротив. Тогда я пошутил, что конгай (девушки) легли неправильно и им надо спать между домти (товарищами). Смотрю, они поняли мои слова буквально и легли, как я сказал! Девушки тхо не могут выйти замуж, пока не родят одного, а желательно и двух детей. Таков обычай их народа.

Наутро перед завтраком, пока умывался в ручье, увидел на изгороди вокруг хижины огромного 16-сантиметрового палочника и больших зеленых богомолы. Рядом на одном из колеб сидело несколько довольно крупных жуков-усачей ярко-оранжевого цвета. Впоследствии С. А. Мурзин описал их как новый вид протаксис кабакови.

Отправились дальше в Тханьса по хорошей тропинке вдоль левого борта ручья. Через несколько километров вошли в своеобразный каньон, наполненный туманом из мельчайших брызг воды. Стены каньона как бы смыкаются наверху, оставляя узкое пространство для дневного света. В недалеком прошлом ручей протекал по пещере, затем ее своды обрушились, образовав узкую щель в известняках. Русло ручья с трудом пробирается в завалах из гигантских глыб. Со стен свешиваются грозди громадных сталактитов, с которых все время капает вода. Сталактиты увиты мелкими лианами и обросли мхом. В дождливую погоду с этих гроздьев обрушивается каскад воды. В яркие солнечные дни в них играют разноцветные радуги. После каньона долина немного расширяется и там растет влажнотропический лес из громадных деревьев, перевитых лианами и обросших эпифитами. В таких джунглях безраздельно царствует первозданный мир диких зверей, птиц, змей и насекомых. На поваленных стволах огромных фикусов и диптерокарповых деревьев были обнаружены скопления огромных, красивых жуков батоцера из семейства усачей не менее трех видов. Рядом сидели крупнейшие и ярчайшие златки из родов катоксанта и хризохроа, достигающие 8 см в длину и до 2 см в ширину. Изредка пролетали крупные жуки из рода триктенотома из особого тропического семейства триктенотомид, близкого к чернотелкам, но похожего на усачей, эндемиков Восточных Гималаев и Индо-Китая. Дорогу перебежали гигантские полосатые вараны до 2 м длиной. Наверху жалобно кричали обезьяны и иногда бросали на нас довольно большие палки или огрызки плодов. В Тханьса привезли движок, и по вечерам горело электричество. Изредка показывали

кинофильмы, смотреть которые собирались не только рабочие и геологи партии, но и множество тхо. В одном из маршрутов рядом с тропой вырос гигантский паразитический гриб в виде пятиконечной звезды фиолетово-красноватого цвета диаметром до 40 см. В центре звезды — беловатая слизь с неприятным, трупным запахом, переполненная множеством небольших жучков из рода феохроус семейства пластинчатоусых. Я вспомнил, что главный геолог Геологического управления в Ханое А. Гармаш просил меня привезти несколько растений для гербария его дочери. На обратном пути я прихватил небольшой лист пальмы Ливистона около 1 м в диаметре, огромный, длиной в 80 см стручок и цветок дикого банана почти 40 см в поперечнике с цветоножкой толщиной в 3 см! Когда в Ханое я вытащил эти экспонаты, у всех встречающих полезли глаза на лоб.

В сентябре 1962 г. меня попросили обследовать ореолы рассеяния самородного золота в провинциях Нге-Ан и Тхань-Хоа. Поставили условие: если я дам обоснованный прогноз на каждую россыпь по 1 т золота, то там начнут разведочные работы. После сильного тайфунного дождя мы поехали на юг. Вид провинции Тхань-Хоа поразил: разрушенные дома, огромные плантации кокосовых и арековых пальм и цитрусовые сады стояли в воде, много пальм было сломано. Дорога шла по дамбе, окруженной морем воды, да еще лил сильнейший дождь. Поздно вечером приехали в Кыарао и остановились в здании административного совета. Утро было солнечным и тихим. Сели в лодки и лодочки, толкаясь на шестах, пошли вверх по р. Ка. Меня поразило, что на такой маленькой лодочке сделана каюта из плетеного бамбука, в ней тикает будильник, у стен сложены кастрюли и чайники и сидит молодая вьетнамка с грудным младенцем. Несмотря на сильное встречное течение, около 20 км проплываем за три часа. В деревне Баве, где живут тхай, приходится остановиться, так как надо нанять рабочих.

Пользуясь свободным временем, пошел собирать прибрежных жуков. У р. Ка, текущей в узкой долине с широкими песчано-галечниковыми косами, растет пойменный лес, обшарпанный частыми паводками. На берегах много вывороченных с корнями и выброшенных на берег деревьев. На стволике одного молочайного дерева я заметил скопление огромных и очень длинных (до 5 см) клопов, ярко-красных с черными пятнами, по рисунку напоминающих наших клопов-солдатиков. А над обрывом коренной террасы в зарослях колючих Рандий, Гуаяв и других кустов я обнаружил (по сильному пивному запаху) огромный лежащий на земле ствол срубленного дерева, по-видимому, фикуса диаметром около двух метров. Дело в том, что толстая кора дерева во влажнотропическом климате не высыхает, а разлагается дрожжевыми бактериями, давая

идеальную пищу для насекомых и их личинок. Чего только не было под этой корой: многочисленные личинки и куколки мух и жуков, уховертки и тараканы, мелкие дождевые червяки, разные многоножки и плоские пауки. Из жуков наиболее крупные — плоские пассалиды лептавлакс, брентиды из родов ориходес и трахелизус. Очень много плоских карапузиков и стафилинид приохирин. В кучках буровой муки жуков-древоточцев на земле вблизи ствола найдены редчайшие синод-репанус фальзус с весьма оригинальным по строению телом и расцветкой, сливающейся с субстратом.

Наутро по хорошей тропе отправились в деревню Сенныа. В лесах я заметил, что у подножия каждого дерева образовался холмик из красной латеритной глины. Это продукты смываемых дождями термитных галерей на поверхности древесной коры. В деревне стоит отряд вьетнамских геологов по разведке золотоносной россыпи, но результаты слабые. Тхай, жители деревни, не позволяют им копать на своем кладбище, занимающем большую террасу ручья. Сам аллювий ручья давно перекрыт старателями. Один из вьетнамских геологов потихоньку подрыл кладбищенскую террасу и в промытой пробе получил несколько мелких самородков золота.

На следующий день пошли дальше по долине ручья Тян-чонг. Тропинка все время петляет. Переходим большой ручей, иногда по пояс в воде. Идти тяжело, так как очень жарко, воздух наполнен парами воды, небо закрыто облаками, иногда льет дождь. Ноги скользят на камнях, домти Чи роняет в воду мой фотоаппарат.

Вдоль тропинки встречаются своеобразные деревянные щиты с нарисованными страшными рожами и руками с указательными пальцами, показывающими куда-то в сторону. Мне объяснили, что народность хантом, живущая в верховьях этого ручья, очень суеверна и пытается таким образом отогнать от деревни злых духов. Наконец, доходим до деревни хантомов. Она стоит на высокой цокольной каменной террасе ручья и окружена множеством кокосовых, арековых пальм, апельсиновых, грейпфрутовых и лимонных деревьев. Хантомы — красивый народ. Высокие, очень пропорционально сложенные, особенно красивые женщины и дети. Лица у них не монгольского, а скорее индийского типа, без признаков скуластости, с большими черными миндалевидными глазами и густыми ресницами. Женщины обычно ходят обнаженными до пояса в коротких юбках из синей или черной материи с красивыми вышивками по подолу. Когда в деревню приходят чужие, они закрывают грудь треугольным куском материи. Детей очень много, и они совершенно голые. Хантомы — смелые охотники. С примитивными ружьями или арбалетами и копьями они ходят в джунгли охотиться на тигров и пантер, которых в окрестностях деревни очень много.

Мне показали целую кучу невыделанных шкур этих хищников. Но, к сожалению, сохранность шкур плохая и шерсть с них лезет клочьями. На одной из шкур я собрал много жучков-кожеедов. Мне обещают охотники, что на обратном пути продадут мне хорошую шкуру. Покупаем у хантомов очень сладкие апельсины и терпкие грейпфруты величиной с голову ребенка. Пообедав, пошли дальше вверх по ручью. Пройдя от Сенны 18 км, останавливаемся в маленькой деревушке хантомов. А в самых верховьях этого ручья живет еще одна народность — тхаймый: они маленького роста и похожи на мео. Живут в хижинах на земле. Занимаются охотой и сажают суходольный рис на влажных участках в джунглях. Хантомы показали нам место, где один старик, еще в прошлом веке, отмыл целый таз крупного золота. Это заплывшая яма на довольно крутом склоне горы, метрах в 50 выше ручья. Я выяснил, что она выкопана в остатке старой террасы, чудом сохранившейся в западинке склона горы из коренных пород — сланцев триаса. Мы расчистили яму и с ее дна промыли около 50 лотков песка, но золота в пробах не было. Зато в 51-м лотке нашли самородок около 5 г весом! Обрадовавшись, мы промыли еще много проб, но в них попадались лишь единичные зернышки мелкого золота. Несмотря на дождливую погоду, ходили вверх по ручью в замечательные джунгли из крупных деревьев со множеством лиан, эпифитов и зарослей дикого банана. На одном пне, обросшем твердыми трутовиками, я нашел несколько экземпляров жука-грибоеда амфистернус лаотианус причудливой формы с торчащими вбок длинными шипами на плечах. Они выползают из укрытий ночью и в пасмурную погоду. Не успели дойти до деревни хантомов, где мы остановились, как началась сильная гроза с ветром.

Ночью хижина сотрясалась от ветра и дождя. Это тайфун! К счастью, в долине он ослаблен окружающими горами и лесами, но мы слышали, как поблизости падают большие деревья. Дождь с ветром продолжался в течение четырех дней, то ослабевая, то усиливаясь. Мы сидели в хижине на сваях и с ужасом наблюдали, как узкая долина ручья наполняется водой. Она поднялась не менее чем на 20 м. На пятый день прояснилось. Надо уходить, так как у нас кончились продукты, а у хантомов покупать нечего: наводнение смыло рисовые поля. Женщины плачут. По ручью несутся коряги вывороченных с корнями деревьев. Видел, как мимо проплыла большая ветка дерева, вся усаженная зелеными змеями. Они проплыли в двух метрах от меня. Мальчишки хантомов забавляются тем, что переплываются на другой берег ручья, держа под мышкой длинную бамбучину. Уговариваем хантомов построить бамбуковые плоты для сплава вниз по ручью. Они предупреждают, что есть большая опасность: при сильном ударе о камни бамбучины раскалываются на длинные острия, протыкающие че-

ловека насквозь. Но мы видим, что небо вновь нахмурилось. Делать нечего, и хантомы за несколько часов связывают четыре бамбуковых плотика. Мы прикрепили к ним рюкзаки и, раздевшись до трусов, помчались вниз по ручью. Шесты не достигают дна, и проводники хантомы ловко отталкиваются ими от торчащих из воды камней. Плавание очень бурное, мелькают берега, мы подныриваем под лежащие стволы деревьев вместе с плотом, уходя довольно глубоко под воду. Впереди через 10 км — грохот и рев водопадов, вся вода устремляется в узкое ущелье, густо утыканное острыми камнями. Плыть туда нельзя, нас прибывает к берегу, но на другом берегу видна хорошая тропа. Хантомы натягивают на поверхности воды лиановый канат, и мы, держась за него руками, переправляемся на плотиках на другой берег. Там пришлось надеть мокрую одежду. Распрощавшись с проводниками, вступаем на скользкую тропинку в джунглях. С трудом преодолевая препятствия в виде скалистых и очень крутых склонов, спускаемся снова в воду. Идти вдоль берега по воде легче, чем по скользким склонам. Опять начался дождь, из-за тумана впереди ничего не видно, а ночевать в кишачих пиявками джунглях дело весьма неприятное. Ноги у всех в крови от укусов пиявок, в довершение всего нас окутывают тучи черной мошкеры, облепляющей глаза, губы и ранки. К нашей радости, впереди показалась деревня хантомов. Остановились у них на ночлег, ели кокосы, апельсины и бананы, легли спать. Из-за дождей охотники не ходили в джунгли, поэтому обещанная шкура так мне и не досталась.

Наутро пошли знакомой тропинкой в Сеннья, а оттуда в Баве на берег р. Ка. Тучи разошлись, долину залили яркие солнечные лучи, стало жарко. В Сеннья я поделился с вьетнамскими геологами выводами из сделанного маршрута, рекомендовал им провести поиски остатков наносных террас на склонах долины ручья, но тонны золота не обещал.

После дождей множество изголодавшихся жуков и других насекомых высыпало наружу. Повсюду жизнь: тысячи жуков-листоедов и долгоносиков сидят на листьях и побегах растений. Вдоль тропы летают яркие скакуны калохроа аурулента, а у цветов носятся красивые бронзовки и усачики. Отдыхая на поваленном дереве, всматриваясь в окружающие кусты, я вдруг заметил смотрящие на меня два круглых глаза с толстым носом между ними — ужасную и в то же время карикатурную рожу! Вглядевшись, увидел, что это громадная и красивая бабочка-павлиноглазка, висящая на ветке с раскрытыми крыльшками. Схватив сачок, бросился туда, но, к моему удивлению, бабочка исчезла! Мы с Чи полезли под куст, через некоторое время обнаружили ее на земле. Передние крылья бабочки были однотонные, розовато-бурого цвета, а задние — с большими черными «глазами», обведенными черным ободком. Размах крыльев до 15 см.

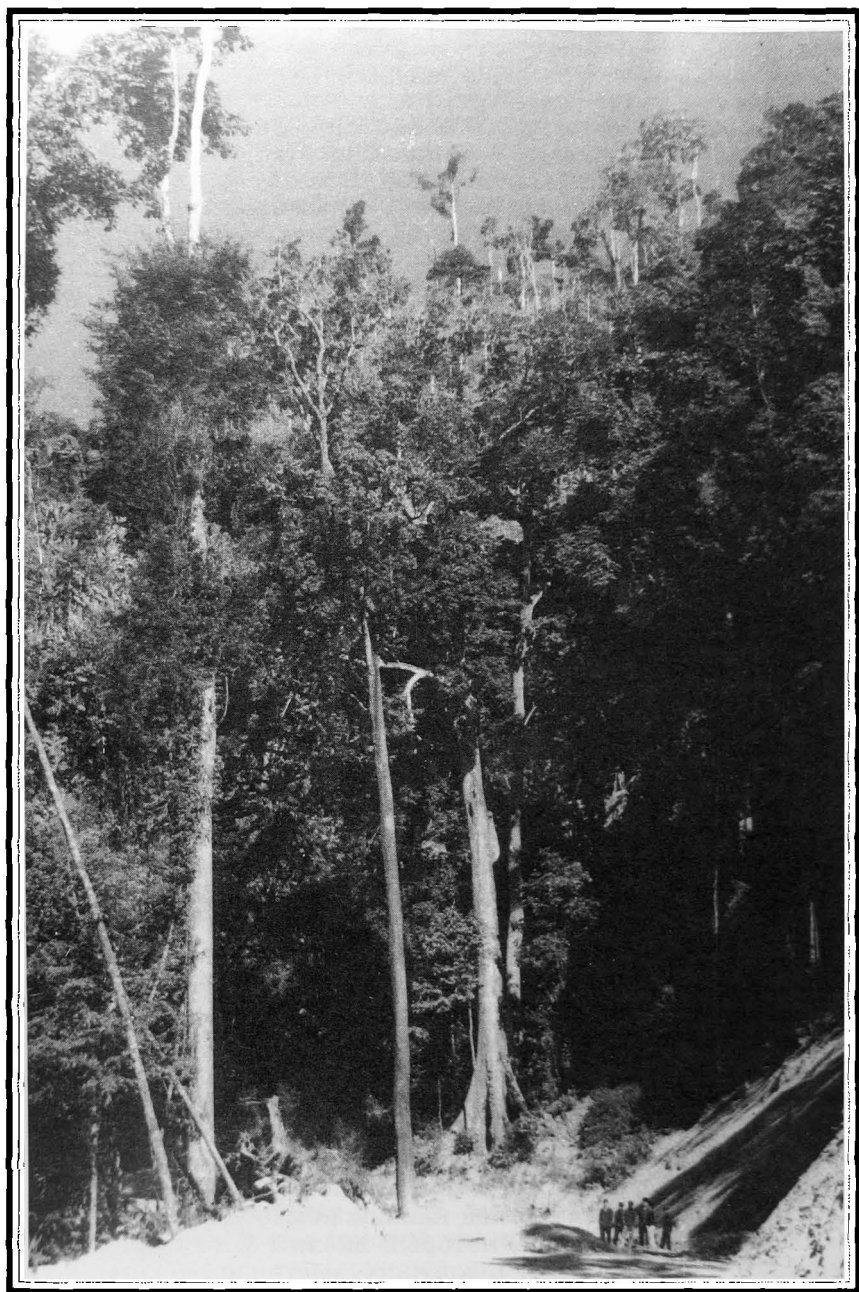
К вечеру пришли в деревню Баве, чтобы взять лодку для спуска в Кыарао. Решил сходить к знакомому поваленному дереву и, взяв сачок, направился туда. Шагая через рисовое поле, вдруг увидел, как мимо быстро пролетел громадный разноцветный жук с треском, похожим на отдаленный звук мотоцикла! Через минуту увидел второго такого жука, летевшего низко и в ту же сторону. Сбив его на землю сачком, разглядел, что это была великолепная златка катоксанта опулента 6 см длиной. Голова и переднеспинка у нее были металлически-малинового цвета, а надкрылья фиолетовые с узкой, цвета слоновой кости перевязью. Она странно скрежетала и потрескивала в руках. Увидел, как в одном и том же направлении еще много подобных златок слетались к поваленному дереву с пахнувшей пивом корой! Я подкрался к дереву, держа наготове сачок, и увидел незабываемую картину общественной свадьбы златок. На толстом стволе лежащего дерева сидели сотни катоксанта, некоторые из них спаривались, но большинство медленно двигалось по кругу, как бы танцуя. К ним со всех сторон подлетали все новые златки. Стоило только взмахнуть сачком, как все они мгновенно поднимались в воздух и исчезали. Поймал их только 18 экземпляров.

На р. Ка меня поразило, как быстро намываются и перемещаются песчано-галечные косы и пойменные террасы. За последние семь дней исчезла большая терраса длиной до 300, шириной 8 и высотой 2 м. А ниже по течению образовалась огромная коса с валом песка с торчащими из него ветками засыпанных ивовидных молочаев. По песку бегают несколько видов жуков-скакунов, да на принесенных водой корягах сидят два вида из рода калохромус семейства лицид.

Ночью с фонариком я пошел на эту косу и нашел там много видов жужелиц: крупных Скаритов, омофронов, хлаениусов и других интересных жучков.

Утром на лодке поплыли в Кыарао. Добрались до машин без приключений и наутро отправились в Ханой. Там я получил большой нагоняй от геологического начальства и от жены за задержку в маршруте на пять дней без предупреждения!

Несмотря на последний месяц беременности жены, меня попросили съездить в еще один маршрут — последний в 1962 г. Утром 26 ноября мы выехали в Туанчау и Дьенбьенфу. Пришлось заехать на участки поисков медно-никелевого и хромитового оруденения, на которых проводятся канавные работы, и дать рекомендации по их продолжению. До Дьенбьенфу доехали 1 декабря, там ходили на гору высотой 1400 м. Пасмурно и холодно. На горе деревеньки мео мы заметили много авиационных баков со сбитых французских самолетов. А внизу, в окрестностях Дьенбьенфу, живут черные тхай в более просторных хижинах на сваях. Вечером осматриваем Музей битвы под Дьенбьенфу, где вьетнамские войска разгромили французский

Я и мои спутники-вьетнамцы по дороге из Шонгла в Дьенбьенфу
в лесу из гигантских деревьев. Ноябрь 1962 г.

экспедиционный корпус. Перед нами французские блиндажи и подбитые танки. Вокруг в кустах минные поля, где часто подрывается пасущийся рогатый скот. Ночевали на базе для иностранных специалистов, в гостинице с электричеством. Утром следующего дня поехали в Ханой. На обратном пути видели «магазины без продавцов» — ящики на изгородях с табличкой цен и связки бананов и апельсинов. В ящик бросают монетки, а фрукты забирают. Встретилось много могил черных тхай — маленькие хижины на сваях, окруженные очень длинными бамбуковыми шестами с узкими флагами белого цвета с черной каймой и множеством разноцветных тряпок на растущих вокруг кустах и деревьях.

Только 5 декабря доехали до Ханоя. Моя милая женушка за это время родила сына, которого мы назвали Сережей. Очень она упрекала меня за то, что оставил ее одну в такой важный момент. Куинь Ван Дао и сотрудники Дуанхаймый пришли с поздравлениями и подарили по этому поводу разные безделушки, в том числе маленькую статуэтку толстого Будды из слоновой кости на подставке из черного дерева. Из-за хлопот с новорожденным Новый год почти не праздновали.

В марте 1963 г. Дао в разговоре со мной напомнил, что я еще в конце 1961 г. рекомендовал сделать шурф на месторождении барита в Аньшон. Тамошние геологи жалуются, что при спуске в шурф трудно дышать, и они просят меня приехать. Заодно надо обследовать новые ореолы рассеяния касситерита и других минералов. Пришлось собираться в длинную поездку на юг и вновь оставлять молодую жену с сыном на целых полмесяца.

Приехав в Аньшон, обнаружил на баритовом холме глубокую, метров 30, шахту с копром сверху и грудями отвалов вокруг. По отвалам получалось, что шахта пройдена в почти сплошной баритовой руде с небольшой примесью кварца и кальцита и редкой вкрапленностью крупных зерен антимонита (сурьмяного блеска). Я сказал, что месторождение барита, по-видимому, большое, шахту можно закончить и лучше прорести бурение по сетке для окончательной оценки.

Потом поехали в Мидык и госхоз «Ленин», где стояла партия по оценке месторождения полиметаллов. Осмотрев их канавы, я дал рекомендации по дальнейшим поискам. В лесу, за участком работ, мне показали ловушку для тигров, устроенную охотниками тхай. Это была наклонная неглубокая канава с клеткой из толстых кольев и падающей крышкой-входом. В другой, нижний конец канавы помещается еще клетка с маленьким поросенком, который визжит и тем привлекает хищника. Тигр заползает в ловушку, растопырив лапы, но до поросенка не добирается — мешают колья. Затем крышка у входа падает — и тигр в ловушке! Остается только убить его копытами. На обратном пути проезжали на приморский пляж в

20 км севернее Донгхоя. Там тихо и пустынно. Приморские скакуны еще не появились. Собрал немного онтофагов на гниющих морских змеях и чернотелок. На следующий день приехали в деревню Трак на одноименной речке и остановились на ночлег в домике вьетнамцев-христиан. Домти Чи сказал, что христиане, пользуясь законами о свободе вероисповедания, относятся к ним очень плохо. Поэтому геологи не любят у них останавливаться. Очень символично, что на одном берегу речки стоит большой свежесвыбеленный костел, где проводится богослужение, а на другом — развалины буддийской пагоды с обвалившимися стенами.

С утра туман, пасмурно. Путь лежит к впадине Раотэ, где выявлены очень высокие содержания монацита и ксенотима в шлихах. Сначала шли по вторичным бамбуковым зарослям, и вдруг услышали шум и треск где-то наверху. Через мгновение увидели очень большую черную длиннохвостую обезьяну, промчавшуюся над нашими головами. Преодолев крутой подъем на известняковый массив, мы вошли в девственный влажнотропический лес. Проглянуло солнце, в кронах деревьев жалобно кричат гиббоны. На полянках летает много разноцветных бабочек орнитофтер и махаонов, нимфалид и белянок. Через несколько километров начался длинный спуск во впадину среди известнякового плато Раотэ. Пришли в деревню народности ванкеу уже к вечеру. Ванкеу — интересный народ: темнокожие, маленького роста, с круглыми темными глазами и татуировкой на лицах. Мужчины с густыми черными бородами. Женщины часто почти голые, только с повязкой из пучков волокон вместо юбки.

Хижины ванкеу сделаны в виде больших шалашей из пальмовых листьев, стоящих на очень высоких сваях, часто на срубленных четырех тонких стволах деревьев. В углу хижины — резной столб для «духов-хранителей очага». На ночь многочисленные семьи ванкеу и их собаки ловко взбираются в свои шалаши по толстым бамбуковым стволам с зарубками для ног. В шалашах не разрешается натягивать противомоскитные сетки и есть пищу, но для меня сделали исключение. В углу был натянута мой накомарник, перед ним поставили свечку и тарелку с рисом и кусками мяса. Под взорами двух десятков глаз ванкеу я принялся есть. Неожиданно над головой что-то зашуршало и к свечке выскочил огромный, величиной почти с кулак, мохнатый паук с большим кузнечиком в челюстях. Он с хрустом его поедал в 5 см от свечки. Я ел рис и, смотря на него, думал: вот будет весело, если он укусит меня ночью! Потом в полуметре над головой что-то опять зашуршало, и я увидел, что между пальмовыми листьями протискивается тело большой зеленой змеи. Почти всю ночь тревожно прислушивался к шуршанию крыши над головой. Утром увидел, как все население ванкеу высыпало на поляну перед хижинами и, раз-

делившись на отряды по 5—7 человек, вместе с грудными младенцами отправились в джунгли. Впереди каждого отряда идет бородатый охотник с маленьким арбалетом в руках, на поясе у него висит бамбуковый отрезок ствола с торчащими маленькими стрелками, отравленными сильным ядом. За ним идут женщины, подростки и дети, все со сплетенными из бамбука корзинками, подвешенными к поясу. Вечером все собираются у шалашей — их корзинки полны всякой снеди: убитыми дикими курами, ящерицами, змеями, лягушками, диким таро и другими корнеплодами, орехами и плодами. Заваривают все это в больших черных от сажи глиняных горшках и потом, остудив, едят прямо руками.

Лес вокруг очень интересен. Деревья, зажатые в долине среди известняковых скал, растут вверх и достигают невероятной высоты (более 100 м). У них обычно извилистые доско-видные корни, между которыми почти черная голая почва со множеством комков экскрементов гигантских земляных червей длиной до 50 см и толще пальца руки. После дождя вся почва превращается в чавкающую грязь. Тропинки устроены своеобразно — по стволам поваленных деревьев.

Ходили к одной маленькой впадине среди известняков. На карте показан безобидный перевал в 150 м высотой. Но на самом деле нам пришлось подняться, а потом спуститься по желобу в известняках на 400 м, пройдя 3 км маршрута. В одном месте большая обезьяна (вероятно, гиббон) сбросила на наши головы толстую дубину весом 10 кг! Маленькая впадина длиной 3 и около 1 км шириной со всех сторон окружена отвесными стенами известняков 600—700-метровой высоты. Дно впадины находится в 100 м над уровнем моря. Мы подошли к месту, где из пещеры в известняках вытекает глубокая и широкая речка с совершенно прозрачной водой. В воде плавают стаи крупных серебряных рыб. Речка течет среди террас из сыпучего белого песка с большим количеством слюды явно гранитного происхождения. В нем и обнаружены монацит и ксенотим — редко-металльное сырье. Взяв контрольные шлихи из отложений, мы прошли вдоль ручья до противоположного края впадины и заметили, что там речка впадает в пещеру в стене известняков. Услышав чьи-то голоса, мы притаились в кустах и увидели длинную пирогу с солдатами-вьетнамцами. Они рассказали, что плывут по подземным рекам из Южного Вьетнама и скоро, через 8 км пещерного пути, придут в свой лагерь. Жуков во-круг видимо-невидимо, но собирать их некогда.

Под грозвыми дождями пустились в обратный путь. Пришли в деревню, где оставили машины, совершенно мокрыми и грязными, а надо ехать в город Хатинь, чтобы там переночевать.

На следующий день под ярким солнцем поехали в Кимкуонг, леспромхозный поселок в хребте Чыонгшон на границе с

Лаосом. Он стоит на высоте около 1000 м над уровнем моря и окружен величественными горнотропическими лесами из очень больших деревьев, имеющих стволы до 2—2,5 м в диаметре. Бесчисленные лианы и кустарники увешаны белыми и розовыми цветками (фисташка и др.).

Мы с Чао, Чи и тремя пограничниками, вооруженными автоматами и гранатами, вышли в маршрут вдоль большого ручья, который начинается на самой границе с Лаосом. С вершин деревьев все время кричат обезьяны. Повсюду следы диких слонов и большие кучи помета.

В аллювии ручья нашли куски кварц-слюдистого грейзена со вкрапленностью больших кристаллов вольфрамита. В контрольных шлихах много крупных зерен вольфрамита и касситерита. Когда мы промывали шлихи на берегу сильно шумящего ручья, на противоположной стороне показалось небольшое стадо крупных животных. Они напоминали свиней на очень длинных ногах, черных, с белом задом. Потом я выяснил, что это очень редкие чепрачные тапиры. Другой ручей у заставы течет в узкой долине с огромными скалами из гранитов. Из скал вытекают источники с горячей водой, в которых кишат мелкие черные мокрицеподобные существа, а также крохотные рачки. Вечером видел крупных жуков-хрущей, по-видимому, лепидиота, но поймать их не сумел. Погода испортилась, пошел дождь, и мы поехали в город Винь. На следующий день были в Ханое.

В конце апреля проводил Анфису с маленьким Сережей на вокзал. Они поехали в Ленинград старым путем, через Донг-Данг с пересадкой в Пин-Сяне, через весь Китай до Пекина. Оттуда поездом до Москвы, где она остановилась у родственников. В мае добралась до Ленинграда, там ее встретили мои отец и брат и привезли на новую квартиру в районе Варшавской улицы.

А я снова погрузился в работу и сделал ряд маршрутов в Тханьса, Лангтянь и побывал в Шапа. Оттуда с вьетнамскими геологами прошел через перевал Фансипан по тропе мео до большой деревни Биньлы и далее до Донгпао, всего 70 км за пять дней. В Донгпао мы задержались на три дня и обнаружили громадную зону флюоритовой минерализации с вкрапленностью барита, паризита и других редкоземельных минералов. Образовалась она на контакте сиенитового массива со вмещающими известняками. Длина зоны около 7 км. Ее оценили как перспективную для постановки разведки флюорита и редких земель.

Три дня мы жили у народности нянг, где до сих пор процветает матриархат. Впрочем, их жизнь мало отличается от жизни, например, тхай! Могучие женщины с утра выколачивают рис тяжелыми деревянными пестами. Потом с грудными младенцами, привязанными за спиной, работают на полях.

Убили пятиметрового питона и снимают с него шкуру.
Провинция Хатинь, Вьетнам. Апрель 1963 г.

Более слабые на вид мужчины сидят дома с детьми или ходят в лес на охоту. Нянг отличается лишь тем, что дома и земли у них принадлежат женщинам, председатель кооператива тоже женщина.

Было очень жарко, и мы часто купались в ручьях. В одном месте геолог Чао заметил в яме с водой двух огромных длиной 20 см толстых лягушек. Раздевшись, нырнул в яму и поймал их. К вечеру спина у Чао покрылась мелкими, очень болезненными нарывчиками. Остальные вьетнамцы посмеивались над ним, но лягушек с удовольствием съели. Я тоже отличился. Проходя по тропинке среди густой травы, наступил ногой на змею, но удачно: размозил ей голову, и она сдохла. Рассмотрев ее, вьетнамцы ужаснулись — это была знаменитая «двухглавая» змея (бунгар), смертельно опасная. В этом маршруте мне попало несколько видов хищных пестряков каллимерус на нижней поверхности листьев бананов, пальм и других одностольных растений. Однажды я чуть не погиб в котловине с зыбучими песками, но быстро выскочил на твердую землю.

Надо возвращаться обратно в Шапа. За два дня сделали переход в 38 км с подъемом с 600 до 1200 м мимо Биньлы до верховьев ручья Мот, где стоит специальная хижина для тех, кто пойдет через перевал Фансипан. Переночевали в ней, а наутро сделали героический бросок в 32 км, перевалили через Фансипан (2100 м) и спустились в Шапа (1600 м). В Шапа погода на

редкость сухая и солнечная. Машину ждали два дня, и я с охранныком Заем собирал жуков в окрестных лесах. Их здесь исключительно много: на цветущих лианах поймал не менее четырех видов трихиус, много мимела и аномала из пластинчатоусых, очень интересных антрибид ксеноцерус саламандри- нус и сидящих рядом на коре вечзеленого дуба усачиков из рода кация, весьма сходных по окраске. Под кучкой лошади- ного навоза обнаружил большого жука синапис триденс с причудливой головой. К вечеру приехали в Лаокай и утром сели на поезд в Ханой.

В середине лета 1963 г. наша группа отправилась к ореолу рассеяния киновари на север ДРВ в окрестности города Ха- зянг. На третий день пути пришли в деревню Кхаолок на краю обширного известнякового плато высотой около 1000 м над уровнем моря. По дороге выкупались в большом ручье, где я поймал великолепных остроносых жуков-вертячек до 30 мм длиной (порроринхус ландайзи) эндемичного для Северного Вьетнама вида. Потом поднялись на плато и остановились в своеобразной деревушке народности тай. Их домики, постро- енные на низких сваях, стоят под огромными пальмами Ка- риота бакшонензис и окружены зарослями одичалого чая и кустарниками, усыпанными очень мелкими лимончиками. На этом плоскогорье мы провели контрольное шлиховое опробо- вание в редких ручьях и осмотрели заброшенные французс- кие штольни на юго-западном склоне. В них обнаружили зоны дробления в известняках с видимой киноварью, но беднее, чем в Тханьса.

Я поставил ловушки, куда попало много жуков. Самым интересным был небольшой навозник параскатономус анцеи с причудливым Т-образным выступом в вырезке наличника на голове. В другом месте видел самку тератес фрусторфери, от- кладывающую яйца в обрубок трухлявой древесины. Закончив работы на ореоле киновари у Хазянг, мы переехали на ореол касситерита у Баккуанг. Остановились в деревушке народно- сти ман. Они отличаются от других вьетнамцев красными одеждами у женщин, с пришитыми на груди и по подолу юбок многочисленными серебряными монетками с дырочкой посе- редине. Маны (яо) живут в горах Севера ДРВ и в Южном Ки- тае, занимаясь земледелием (посадками суходольного риса и кукурузы) и охотой. За три дня провели контрольное шлихо- вое опробование ручьев, стекающих с огромного гранитного массива Сонг-Чай протерозойского возраста. Но высоких со- держаний касситерита и долин, пригодных для образования россыпей, здесь не обнаружили. Один раз, отдыхая на берегу ручья у брода, мы увидели группу из семи девушек ман. Они смело вошли в воду вздувшегося от дождей ручья и, погрузив- шись в нее, приподняли свои красные юбки выше пояса, обна- жив низ тела. Вьетнамцы встретили их шутками, девушки от-

С цветком дерева дилления в джунглях у поселка Куичау.
Ноябрь 1963 г.

вечали тем же, и все весело хохотали. Сильнейшие грозы окончательно испортили этот маршрут. Нашли толстый фикус с гроздьями темно-красных загнивающих плодов прямо на коре ствола. На этих гроздьях кормились очень крупные жуки-дупляки ксилотрупес, среди которых нашелся экземпляр совершенно черной парастазии из рутелин. Вообще жуков и разных красивых бабочек в этом маршруте было множество, но из-за дождей ловить их почти невозможно.

Поздно вечером приехали в город Туйенкуанг, где я купил большую бутылку фруктового вина, а вьетнамцы принесли с рынка десяток спелых ананасов. Мы весело ужинали и наблюдали скопище мелких серых ящериц гекконов на потолке у лампы. Чи сказал, что у них «партийное собрание».

В следующие маршруты я ездил с переводчиком Ан и Ле Ван Дык, который до этого был начальником геологического управления ДРВ, но проштрафился и был определен на перевоспитание в мой отряд. Он любил вкусно поесть и по приезде в каждую новую деревню доставал для себя и меня разные местные деликатесы. Мы питались с ним вдвоем, отдельно от остальных вьетнамцев.

В одном из маршрутов в провинции Тханьхоа у деревни Камтхуи мы наблюдали свадьбу крупнейших блестяще-черных одонтолабис шивы — тропического вида из семейства рогачей. У нас это семейство представлено немногими видами, самым заметным из них является люканус цервус (жук-олень), живущий на Украине и юге России. В ДРВ их живет не менее 240 видов. Свадьба рогача шивы протекала следующим образом: в жаркие, насыщенные электричеством грозовые августовские ночи множество самок выходит из укрытий на колючие ветки старых цитрусовых деревьев и ждет самцов. К ним отовсюду слетаются самцы с характерным звуком, напоминающим треск мотоцикла, смешанный с отдаленным гулом самолета. Они рассаживаются на ветках рядом с самками и вступают в яростные схватки. Когда в кроне цитрусового дерева одновременно дерутся сотни разъяренных самцов рогача шивы, шум получается очень внушительным и слышен издалека. В пасмурные дни драки продолжаются днем. Но это сражения без смертельных исходов и серьезных увечий. Ведь цель драки — схватить противника поперек тела и сбросить его с ветки. Если это произошло, победитель спаривается. В результате подобных драк на хитиновых покровах жуков остаются проколы и царапины. Встречаются самцы, потерявшие в драках ногу или части челюсти. К полудню драки утихают, и на цитрусовом дереве остаются гроздья свадебных пар. Я наблюдал эти свадьбы неоднократно, но наиболее многочисленную застал у одной хижины мыонгов, где ночевал в Камтхуи. Мы занимались оценкой шлихового ореола рассеяния золота, но подходящих мест для образования россыпей не нашли. Нам

Среди вьетнамских студентов-дипломников Ле Ван Чао (слева), Луатом и Ле Лоем

показали щеточки сланцев триасового возраста на дне текущих поперек сланцеватости ручейков. Уже второе столетие из них местные жители выковыривают глинку и отмывают из нее золотой песок.

В одной из деревень на площади стояло огромное дерево манго. Урожай с него каждый год делят на всех жителей. У подножия этого дерева большое дупло, перед которым ставили блюдечко с молоком. Мне объяснили, что в дупле живет огромная азиатская кобра, которая выползает по ночам и в пасмурные дни. Были случаи, когда играющие рядом ребяташки хватили ее за хвост. Она ударом головы сбивала их с ног, но никогда не кусала.

Приехав в Ханой, я написал Дао заявление о предоставлении десятидневного отдыха и купил путевку в Тамдао. Мы с Дао поехали на этот курорт 27 августа. Там отдыхали вьетнамские офицеры. Сотрудник курорта Тьет, в обязанность которого входит очистка двух бассейнов для купания от налетевших туда за ночь насекомых, дал мне огромную самку хейротонус янсени, очень красивую. В прошлый приезд я поймал самца этого жука с очень длинными передними ногами. Все 10 дней старательно собирал жуков в окрестностях курорта. Самые интересные попались в ловушки на тухлые рыбные консервы. Хочу упомянуть коприс вьетнамикус, а также два новых вида

Группа геологов ВСЕГЕИ первого геологического контракта во Вьетнаме после награждения орденами и медалями ДРВ

Внизу, слева направо: Ксения Петровна Капралова — начальник минералогической лаборатории; Алексей Евгеньевич Довжиков — науч. рук. Северо-Западного отряда; Евгения Дмитриевна Василевская — науч. рук. Северо-Восточного отряда. *Стоят, слева направо:* Эмиль Петрович Изох — науч. рук. петрографического отряда; Александр Иванович Жамойда — науч. рук. Центрального отряда; Анатолий Михайлович Маричев — науч. рук. Южного отряда, Геннадий Васильевич Иванов — геолог-съемщик Северо-Западного отряда; Олег Николаевич Кабаков — руководитель поискового отряда

онтофагини, описанных мною как новые в 1994 г. Все жуки в окрестностях Тамдао собраны в роскошных горнотропических лесах, состоящих из многочисленных деревьев из семейств Лавровых, Буковых, Магнолиевых и многих других. В подлеске вдоль тропинок растут ежевикоподобный кустарник Рубус с ягодами как у малины, но кислыми, древовидные папоротники и небольшие пальмы. Много лиан и эпифитов. На обомшелой коре папоротников скопление мелких дериспия кабакови, описанных венгерским академиком З. Касабом. В одном из походов я наткнулся на небольшую кобру, переползавшую поднимающуюся вверх тропинку в метре от меня. Сначала в шутку ударил ее кончиком рукоятки сачка по хвосту. Она взвилась и сильно раздула шею, злобно зашипев. Но в этот момент я сильно ударил ее сбоку палкой сачка, и она улетела в кусты.

Вернувшись в Ханой, я получил письмо от Н. Н. Филиппова с предложением собрать бабочек для сына Н. С. Хрущева и телеграмму от Л. И. Красного с поздравлением по случаю награждения меня орденом Ленина. Тогда же я узнал о посещении Ханоя корреспондентом «Известий» А. Чемониным, с которым встретиться не удалось.

Последние маршруты во Вьетнаме малоинтересны. Я отдавал почти все время геологическим наблюдениям и подолгу сидел в Ханое — писал окончательный отчет о проделанной работе. Перед многочисленными вьетнамскими геологами делал доклад по результатам поисков, продолжавшийся два рабочих дня. Меня засыпали множеством вопросов о перспективах страны. Потом отчитывался перед руководителем группы геологов Н. И. Лавриком и главным геологом А. Гармашем. Они похвалили текст отчета и были довольны результатами работ. Лишь советник посольства, председатель ГКС Абдурахманов все время выражал недоверие к моим словам, отзывам вьетнамцев и моих руководителей. Желчный старик, страдающий диабетом, бывший председатель Совета Министров Азербайджана, он явно не доверял мне лично из-за беспартийности и отсутствия диплома. Когда пришло сообщение о награждении меня орденом Ленина, он сказал И. Н. Лаврик: «Так у Вас работают не случайные люди!». По-видимому, считал, что в заграникомандировки попадают исключительно по блату. Когда И. Н. Лавр предложил мне после отпуска продолжить работу в ДРВ, Абдурахманов выступил против.

20 марта Дао и вьетнамские геологи Дуанхаймый устроили мне прощальный вечер. От имени правительства ДРВ мне вручили значок Хо Ши Мина и медаль Дружбы, а также многочисленные подарки и характеристику, где перечислили все заслуги перед ДРВ.

Через три дня я поехал сначала в Пинсян, а затем в Пекин. Через несколько дней сел на поезд Пекин — Москва, и в середине апреля 1964 г. прибыл в Москву. В Министерстве геологии мне объяснили, как получить орден Ленина, и дали пропуск в Совет Министров РСФСР. Там мне вручили орден, извинившись за то, что делают это не в торжественной обстановке.

Перед Афганистаном

После трехлетнего отсутствия я возвращаюсь домой в Ленинград. Рано утром 10 апреля 1964 г. поезд подходит к перрону Московского вокзала, и я вижу, стоит папа и приветливо машет рукой. В багажном отделении получаем две объемистые корзины вьетнамского производства. Одна из них доверху заполнена многочисленными деревянными ящичками с ватными матрасиками, на которых разложены сухие насекомые. Это самая большая моя драгоценность: коллекция жуков и других насекомых Вьетнама — более 200 000 экземпляров! Таких обширных сборов в Индокитае еще никто не делал. На такси мы перевозим драгоценные корзины в новую квартиру, на Варшавскую улицу в Московском районе. Там меня встретила постаревшая мама и показала мне спящих сына Сережу и племянницу Варю. Новую квартиру получил отец, стоявший на очереди с 1952 г., но ее дали только в 1963 г., когда наша семья расчленилась на три: отец с матерью, брат Геня с женой и дочерью, и я с женой и сыном. Дом пятиэтажный, «хрущевка» из бетонных блоков с щелями от крыш до подвала, это позволяло клопам и тараканам беспрепятственно проникать в любую квартиру дома, и бороться с ними было бесполезно. Трехкомнатная квартира, тесная, темноватая и сырая, очень меня разочаровала. В Ленинграде стало хуже со снабжением: такого обилия продуктов уже не было, да и качество их ухудшилось. С промтоварами также стало хуже. Но выручали вьетнамские донги, на которые можно было выписывать некоторые дефицитные товары.

После заграникомандировки я получил пятимесячный отпуск, который, к счастью, пришелся на весну и лето. Вместе мы отдыхали в Вартемяках, маленьком поселке в 30 км севернее Ленинграда, в верховьях р. Охты. Вокруг обширные леса на всхолмленной песчаной почве. Вода в речке чистая и прозрачная.

Несмотря на теплые дни, у меня в течение трех месяцев не прекращался озноб, не мог согреться после тропической жары, да и побаливало сердце, но потом все прошло. Я ходил по окрестным лесам, вернее, летал как на крыльях, и с удо-

вольствием купался в речке. Фотографировал наших детей и родителей. По приезде в Ленинград пришлось купить много энтомологических коробок, булавок, и я начал оформлять свою коллекцию. Стал снова посещать энтомологическую лабораторию Зоологического института (ЗИН) Академии наук СССР и подружился с Олегом Леонидовичем Крыжановским, который помогал мне при определении видов жуков. Помогали и другие сотрудники лаборатории Глеб Сергеевич Медведев, Лев Владимирович Арнольди, Маргарита Ервандовна Тер-Минасян. Олег Леонидович познакомил меня с энтомологами не только из СССР, но и из зарубежных стран: Чехословакии, ГДР, Венгрии, Швейцарии, Румынии и Англии. Возобновились знакомство с московскими энтомологами Львом Никандровичем Медведевым и Вадимом Борисовичем Шавровым — любителем-энтомологом, известным авиаконструктором и историком авиации. Несколько лет, вплоть до его кончины, я обменивался с ним жуками. Ко мне нередко приезжал Владимир Николаевич Курнаков, энтомолог, крупный специалист по семейству жужелиц. Он подарил мне свои ватные матрасики с жуками, собранными за много лет. Интенсивный обмен я вел с Виктором Федоровичем Козловым из Воронежа и с Ростиславом Григорьевичем Степановым из Молдавии. Глядя на экземпляры жуков, полученных от друзей, я с большой теплотой вспоминаю встречи с ними.

В июне 1964 г. неожиданно пришло известие о награждении Л. И. Красного и меня Ленинской премией за «открытие и разведку крупного месторождения полезных ископаемых», т. е. за месторождение Солнечное, которое я нашел в 1955 г.! Нас вызвали в зал заседания Ленгорисполкома, торжественно вручили дипломы и золотые почетные знаки лауреатов. По этому поводу Лев Исаакович Красный пригласил меня к себе домой в квартиру на Звенигородской улице. Собралось много гостей из ВСЕГЕИ во главе с зам. директора по научной части А. Д. Щегловым. Меня посадили рядом с ним и начались тосты, поздравления и расспросы о моих дальнейших планах. Я сказал, что хотел бы перевестись во ВСЕГЕИ. Алексей Дмитриевич ответил, что подумает об этом. И вот, наконец, в сентябре были оформлены все бумаги (с помощью В. А. Ярмолюка, начальника ДВТГУ) о моем переводе из Зейской экспедиции во ВСЕГЕИ. Меня назначили старшим инженером в отдел металлогенических карт, которым руководил В. Т. Матвеев, доктор г.-м. наук. Здесь я проработал до осени 1969 г., а затем отправился в новую заграничную командировку, в Афганистан. Получив заработанные во Вьетнаме деньги (приблизительно 4000 р.) и свою часть Ленинской премии (приблизительно 2000 р.), я начал хлопоты о вступлении в жилищно-строительный кооператив ВСЕГЕИ, так как жизнь в тесной комнатухе родительской квартиры нас не устраивала.

Весной 1965 г. во ВСЕГЕИ пришла бумага из Хабаровска с просьбой командировать меня на Дальний Восток для оказания кураторской помощи полевым партиям в поисках олова. Она была подписана В. В. Онихимовским, главным геологом ДВТГУ. Дирекция ВСЕГЕИ согласилась, и мне дали командировку на полевые работы. Я полетел в Хабаровск 5 июня 1965 г., где встретился со своим другом Е. Б. Бельтеневым, главным геологом геологосъемочной экспедиции.

Летом 1965 г. мы с Е. Б. Бельтеневым поехали на Сихотэ-Алинь для кураторской помощи геологосъемочной партии А. В. Демина. Его партия работала в районе юго-западнее Советской Гавани, в бассейне р. Аджалами. Туда мы попали на маленьком самолете из Советской Гавани. Вертолет пришлось ждать три дня. Вокруг почти голые сопки, леса давно сгорели. Лишь в некоторых долинах сохранились участки ильмов, ясеней, монгольского дуба, лип с подлеском из белой сирени, рябинолистника, шиповников. Пользуясь случаем, изучаю местных насекомых. На цветах белой таволги и рябинолистника множество цветочных усачиков, а также бронзовки, пестряк иркутский и другие жучки. На усыхающих опенковидных грибах, наросших на гнилой пень, сидели до десятка жучков-щитовидок калитис скабра (этот вид не указан для Дальнего Востока) и много других жуков грибоедов и стафилинид.

Наконец, прибыл вертолет, который перебросил нас в долину р. Аджалами, в лагерь А. В. Демина из нескольких палаток и большого лабаз с лесенкой. Ниже по течению банька, а под лабазом — конюшня для нескольких лошадей. У лагеря в р. Аджалами впадает большой ручей Хуппи, в верховьях которого стоял поисковый отряд партии. Ручей почти высох и представлял собой ряд ям с водой, соединенных между собой узкими протоками. В ямах плескалась рыба-форель. Ловить ее легче легкого на примитивную удочку. Через день попали в верховья ручья Хуппи, в поисковый лагерь. Там я остался на несколько дней, а Е. Б. Бельтенеv улетел в другую партию. С геологами этого отряда мы ходили на канавы, вскрывшие кварцевые жилы с вкрапленностью касситерита, арсенипирита и других сульфидов. Однажды с одним из геологов партии Виктором мы пошли в рекогносцировочный маршрут на окрестные сопки. На вершине одной из них мы присели отдохнуть, и Виктор сбросил с себя брезентовую куртку. Сидели тихо. Неожиданно с ближайшей пихты с писком спрыгнули два соболенка и стали гоняться друг за другом, совершенно не обращая на нас внимания. Вдруг они забрались в рукав куртки и там затихли. Тут уж сердце у моего спутника не выдержало, и он кинулся на свою куртку! Соболята выскочили в разные стороны и мгновенно исчезли в кронах деревьев. Мы долго смеялись над этим приключением.

Возвратившись в лагерь Демина, решил помыться в бане. Оказалось, что она оккупирована множеством щитомордников. Когда затопил печку и банька наполнилась дымом, они стали вылезать из всех щелей и пачками расползаться в разные стороны. Я не выдержал и, выскочив из баньки, нырнул в речку. Недалеко от лагеря обнаружил своеобразную микрокальдеру потухшего вулкана. В базальтовом покрове мощностью до 100 м образовалась круглая «яма» до 80 м в диаметре, окруженная совершенно отвесными стенками. Стенки наверху сложены пористыми базальтами коричневой окраски, а внизу плотными зеленовато-серыми долеритами с вкрапленностью сульфидов меди и пирита. На дне «ямы» толстый слой почвы, покрытый мхом и редкими кустиками кедрового стланика.

Когда время моего пребывания в партии А. В. Демина подошло к концу, я написал краткое заключение о малой перспективности типа оловянных проявлений на их участках. Ведь я был еще под впечатлением от находок великолепных месторождений и проявлений оловянной минерализации Вьетнама.

Через неделю с Е. Б. Бельтеновым мы перелетели на вертолете в Советскую Гавань, сели там на поезд и поехали в Комсомольск-на-Амуре. Переночевав в гостинице, утром отправились в аэропорт, где на вертолетной площадке грузили одну машину в партию А. Ф. Майбороды на Баджальский хребет. Там Е. Б. Бельтенов простился, а я на Ми-8 полетел над знакомыми местами: хребтом Мяочан, долиной р. Горин и Баджальским хребтом. По мере приближения к вершинам Баджальского хребта горы становились все выше и выше, а рельеф все более расчлененным. Тайга осталась внизу, на склонах море кедрового стланика и множество торчащих скал и каменных осыпей. В ущелье у ручейка притаилось несколько палаток — лагерь поискового отряда геологической партии. Вертолет стремительно пошел вниз и завис над галечниковой косой ручья. С него скинули несколько мешков и ящиков продуктов, мой спальный мешок и рюкзак. Вертолет то опускался, то поднимался на 2—3 м, и летчик крикнул мне: «Прыгай!» Я смело прыгнул в открытую дверцу прямо на мешки. Но все равно ударился о камни и, закрыв голову руками, присел на корточки. Вертолет с оглушительным ревом сделал свечку, от винта взлетели довольно крупные булыжники с косы и забарабанили мне по спине и рукам. Через секунду вертолет исчез за отрогом горы. А я остался на берегу ручья, удивляясь тому, что из палаток никто не вышел. Наступила полная тишина.

Подойдя к палаткам, я убедился, что людей в лагере нет. Спальные мешки, продукты и разное снаряжение были на месте. Обнаружив кухню и еще теплое ведро с остатками чая, я понял, что к вечеру все придут из маршрутов. Погода была великолепная: безоблачное синее небо с ослепительным солнцем.

Мошек и комаров почти не было, в отличие от Сихотэ-Алиня. Около лагеря лежали поваленные деревья от расчистки вертолетной площадки. Местность вокруг лагеря мне очень понравилась. Здесь, на южных склонах Баджальского хребта, был, по-видимому, свой более теплый микроклимат. Вокруг росли редкие пихты, ели, монгольские дубы, клены-укурунду, лещина и даже элеутерококк! Летали бабочки, в том числе сильно потрепанные махаоны, аполлоны и множество стрекоз. Все это резко контрастировало с суровыми лиственничниками и марьями внизу, в долинах рек Дарья, Эльга и других. Вечером в лагерь пришли геологи с рабочими маршрутками. Они принесли мясо дикого северного оленя, только что застреленного на гольцах хребта Баджал. Назавтра решили, что я и геолог В. Сорокин пойдем в лагерь проходчиков в истоках ручья на высоте 1800 м, где был поисковый участок на касситерит. В. Сорокин рассказал мне, что они выявили ореол рассеяния касситерита в шлихах и проследили его до вершин острога Баджальского хребта до высоты 2100 м. Но коренного оруденения так и не нашли. Он утверждал, что участок сложен плотными дацитовыми лавами без признаков оруденения и тектонических нарушений. А содержания касситерита, даже в самых верхних шлихах, достигают 1 кг/м! Не с неба же он свалился? Внимательно рассмотрев аэрофотоснимок, я обнаружил, что на участке намечается система тектонических трещин северо-восточного простирания, и высказал предположение, что некоторые из них рудоносны. Но ребята возразили, что самый богатый касситеритом шурф находится не в расселине, а на гребне отрога, где больших скал не было. Пошли туда. Знаменитый «шурф» оказался неглубокой ямкой в элювии дацитов белого цвета. Никаких признаков рудной минерализации! Действительно, не с неба же свалился сюда касситерит! Внимательно осматриваю обломки дацита из шурфа, долго их перебираю и, наконец, замечаю щепотку мелких черных кристалликов касситерита на плоскости. Ну и убогость! Неужели вся рудная минерализация их участка такова?! Хожу вокруг шурфа и присматриваюсь к небольшим скалам коренных дацитов, особенно обращая внимание на трещины отдельности. Внимание привлекает плоскость на 10 м выше шурфа. Откалываю кусок и вижу: на плоскости трещины радиально-лучистые розетки из розовато-белого альбита, серого кварца и зеленого хлорита вперемешку с почти черными удлинёнными кристаллами касситерита! В этой скале оказалась система подобных трещин с «выпотами» рудной минерализации. Но месторождений при подобном типе оруденения ждать не приходится.

Когда Е. Б. Бельтнев сообщил о моих находках начальнику экспедиции К. Ф. Прудникову, тот взъерился: «Кабаков приезжает и находит коренной касситерит за один день, а его бездельники сидят там месяцами и ничего не находят! Всех

разгону!» Но я, по-видимому, сослужил этим геологам плохую службу. Они стали связывать весь касситерит своего района с подобным типом минерализации и, ссылаясь на мой авторитет, давать участкам отрицательную оценку. Этот маршрут запомнился мне также и по энтомологической части: в ловушках (консервных банках с кусочками рыбы) попалась жужелица из рода карабус, оказавшаяся совершенно новым видом для науки. Он был описан в 1983 г. дальневосточным энтомологом Г. Ш. Лафером под названием карабус кабакови.

К вечеру мы спустились в нижний лагерь, а в верхнем остались лишь проходчики шурфов и канав. День был очень жаркий и душный, ночью собралась гроза. Поужинав, мы легли спать, и вдруг вздрогнула земля, а по горам прокатилось эхо от сильного удара. Кто-то из ребят сказал, что это землетрясение. Через час прибежали испуганные проходчики из верхнего лагеря и сказали, что обрушилась огромная скала, стоящая в виде каменного столба метров 100 высотой, как раз напротив их палаток. Теперь на этом месте лишь гряда глыб дацита. На следующий день, обследовав это место, мы пришли к такому выводу: скала была вся в трещинах и спаяна ископаемым льдом. А в знойные дни и душные ночи лед растаял, и вся каменная башня развалилась в одно мгновение! Моя работа в отряде закончилась, написано краткое заключение о его перспективе. Ждем вертолет, но он не появляется. Через три дня решили выходить в основной лагерь А. Ф. Майбороды на реке Эльге в 18 км от нас. Быстро собрались, и через невысокий перевал стали спускаться в долину реки. Там начались полузаболоченные листовничники и мари с голубикой и багульником. Тропа плохая, мокрая, идти очень тяжело. А мы идем без палатки и спальных мешков и торопимся, чтоб не заночевать в тайге. В одном месте заметили в 100 м от тропы небольшого медведя, он забрался по стволу метров на 5 смотрит на нас. Я достал фотоаппарат. В. Сорокин шепчет: «Подойдем поближе, я впервые вижу медведя на воле!» Стали осторожно приближаться — ведь оружия у нас не было. Между тем медведь начал спускаться с дерева, и тут мы заметили, что внизу в багульнике что-то зашевелилось — по-видимому, медвежонок. Значит, на дереве медведица! «Теперь она нам задаст, надо потихоньку улепетывать», — говорю Виктору. Мы вышли на тропу и быстро зашагали по ней. К счастью, медведица за нами не погналась. Проходит еще с полчаса, до лагеря остается 4 км, и вдруг над нами пролетает вертолет. Мы выскочили на болото и стали размахивать куртками, но нас не заметили. Испугавшись, что меня не вывезут в Комсомольск и придется идти пешком до БАМа, мы побежали в лагерь и затратили на эти четыре километра 30 минут. Но, не дойдя с полкилометра, уже чувствуя запах дыма и кухни, увидели, что вертолет возвращается. Было слышно, как он присел, но быстро взлетел и

ушел. Через несколько минут мы добежали до лагеря, где нас радостно встретил А. Ф. Майборода и сразу усадил за стол с выпивкой и закусками. Сказал, что вертолет будет завтра. На следующий день я уже прибыл в Комсомольск и вечером сел в поезд на Хабаровск.

В Хабаровске узнал, что здесь проходит выездная сессия отделения наук о Земле Академии наук СССР. Встретил А. Д. Щеглова — зам. директора ВСЕГЕИ, попросил его продлить мою командировку на время сессии. Он согласился, и мы с Е. Б. Бельгеновым слушали доклады ученых. На сессии познакомился с В. П. Сысоевым — директором Хабаровского краеведческого музея. Он пригласил меня в музей, где я уже не раз бывал. Мое внимание привлекла плохо оформленная коллекция насекомых, предложил ее переделать. Он с радостью согласился, вызвал молодого сотрудника отдела природы, и я в течение двух вечеров с помощью книги «Животный мир СССР», т. IV «Лесная зона...» составил небольшую коллекцию жуков и бабочек Дальнего Востока и написал их научные названия. А потом в специальном вагоне, в одном купе с В. А. Ярмолюком, ездил в Комсомольск на Солнечное. Там в отвалах отколот два больших красивых куса касситерит-турмалиновой брекчии (богатейшей руды олова) для Хабаровского краеведческого музея. В Комсомольске нас водили на завод «Амурсталь», где в специальном цеху делали белую жель. Нам продемонстрировали станки, на которых листы тонкого железа около 1 кв. м равномерно покрывали оловом. Рядом контролеры (две женщины) тщательно осматривали каждый лист и раскладывали их на две стопки — одну на экспорт в Японию, другую для наших консервных заводов.

Летом 1966 г. по предложению А. Д. Щеглова я был командирован в Бурятскую АССР для рекогносцировки месторождений олова. Мы выехали на вездеходе из Гунды и направились на юго-запад в долину р. Турки. Местность очень интересная — плато, покрытое сухими марями с участками степной растительности и галерейными лесами вдоль немногочисленных рек. Плато сложено базальтами четвертичного возраста, а в глубоковрезанных долинах рек обнажались подстилающие породы: песчаники и алевролиты юрского и слюдяные сланцы протерозойского возрастов. Наконец, вездеход дошел до истоков р. Турки, где на террасе приютились палатки геологосъемочной партии. Мы познакомились с начальником, молодым геологом М. Хрустальевым. Завтра у него день рождения, и все обрадовались прибытию вездехода. Вечером на охоте они подстрелили небольшого медведя. Рано утром я пошел умываться на речку. Там, на террасе среди молодых сосенок, увидел на земле покров из шляпок сосновых рыжиков. Собрал целое ведро, и на обед мы ели вкуснейшие медвежьи котлеты с грибной подливкой. Потом сели на лошадей и поехали в выбросной

лагерь, стоявший в 20 км южнее на урановой зоне. Переправились через довольно высокий хребет вдоль левого бережья р. Турки. Он покрыт редкими старыми кедрами и лиственницами, на земле — разнотравье из сибирских огоньков, даурских лилий и зонтичных. В урановой зоне среди лиственно-сосновой тайги на пологом склоне горы образовалась прогалина, похожая на грунтовую дорогу. Эта дорога совершенно лишена растительности и усыпана щебенкой, покрытой характерными желто-зелеными корками окислов урана. Потом с одним из молодых геологов мы пошли на найденную (этой партией) турмалин-касситеритовую зону на ручье Кыджимит. По дороге обошли большую марь и на ней увидели огромного бурого медведя. Мой спутник крикнул, медведь пустился бежать, своеобразно вскидываясь над кочками. Наконец, дошли до серии канав, вскрывающих рудную зону.

Она была довольно большая, но видимого касситерита в ней не было. Лишь анализы давали довольно высокие содержания олова в ассоциации с золотом, свинцом и цинком. Впоследствии зона была оценена положительно по золоту и отрицательно по олову. Через день выехали на вездеходе в обратный путь, потом из Гунды — на автомашине в Улан-Удэ.

Летом наша семья снова отдыхала в Вартемяках. Я там был наездами перед командировкой и после нее. На даче я много возился с маленьким сыном Сережей. Купил ему надувную лодочку, катал по р. Охте, фотографировал.

Летом 1967/68 г. по рекомендации А. Д. Щеглова работал как консультант в поисковой партии Бурятского геологического управления. Партия занималась ревизией проявлений олова на Витимском плоскогорье, установленных иркутскими геологами. Руководил этими работами Игорь Яковлевич Кузмин — высокий, плотный человек, лет на 10 старше меня. Он обладал замечательным басом и часто исполнял разные арии по просьбе женщин, геологов и минералогов партии. Партия начала поисковые работы на участке Большой Амалат, куда вела живописная вездеходная дорога.

Из поселка Малый Амалат наш вездеход направился на юго-запад, в бассейн верхнего течения р. Большой Амалат, в сердце Витимского плоскогорья. Вездеход с бодрым ворчанием идет по старой дороге к «курорту» Аржан. «Курорт» оказался единственным бревенчатым домиком посреди заболоченной равнины, усеянной многочисленными грифонами, из которых били источники газированных вод, отлагающие вокруг железистые туфы. Я не преминул поискать разных жуков около этих грифонов, но нашел только два вида карабусов (меандер и концилиатор) и несколько видов мелких жужелиц. До вечера ехали по равнине, покрытой степной и болотной растительностью с отдельными рошицами даурской лиственницы или корявых березок и ив. Вдали со всех сторон виднеются горы. Наутро

межгорная впадина была залита белым туманом, как молоком. Меня поразило обилие животных в этих краях. Из тумана торчали группы из голов и спин разных зверей: маралов, лосей, косуль, образующих небольшие в 5—10 голов стайки, разбросанные по всей межгорной впадине. Кроме того, мы видели множество зайцев, белок, изредка дорогу перебежали кабанихи с потомством из 10—12 полосатых поросят. На деревьях сидели выводки рябчиков и глухари, а в болотах — стайки журавлей. Живности было столько, что вспоминались кинокадры об африканской саванне. К вечеру доехали до главного лагеря партии. Спустившись с плоскогорья по довольно крутому распадку, вездеход вышел на высокую террасу р. Б. Амалат. Там нас встретил А. Л. Самбур и геологи, техники и рабочие партии. Из рабочих были еще буряты и охотник Федя, который снабжал партию свежим мясом, а также несколько проходчиков канав и промывальщиков.

Потекли дни жизни в геологической партии. В мою задачу входили поисковые маршруты вокруг известного оловянного рудопроявления с попутным шлиховым опробованием гидросети. Я обратил внимание на дайку гранит-порфира, прорезающую толщу темных сланцев юрского (?) возраста. В дайке были найдены зоны окварцевания со скоплениями мелкозернистого желтоватого касситерита, довольно тяжелые по сравнению с вмещающими окварцованными породами. Эти скопления касситерита были небольшого размера и располагались в дайке беспорядочно. Местность для шлихового опробования весьма неблагоприятная, так как вмещающие касситерит породы сверху перекрыты мощным покровом четвертичных базальтов.

В один из июньских дней я пошел на р. Б. Амалат мыться, а потом решил посидеть на высоком обрыве, подмываемом рекой. Кусались слепни. Поймав одного, я придавил его и кинул в реку. Через мгновение его проглотила крупная рыба. Я начал ловить и бросать в воду всех слепней, садившихся на меня. Их мгновенно заглатывали рыбы. Позаимствовал удочку у одного из техников — заядлого рыболова. Насадил на крючок большого слепня, и через мгновение на крючке бился здоровенный золотистый хариус. Меньше чем через час я наловил десятка два крупных хариусов и принес их на кухню. Все рыболовы партии схватили удочки и помчались на реку. Вечером был великолепный ужин из жареных хариусов.

В окрестностях лагеря мне особенно понравились крутые остепненные склоны южной экспозиции долины р. Б. Амалат, поросшие редкими кустиками ревеня, чабреца, полыни, ирисов, черемши, разных трав и кустарников. На этих склонах сформировалась особая фауна жуков, явно более южных видов по сравнению с окружающими таежными лесами.

Позже нашу партию разделили на три отряда. Один из них под руководством Самбура отправился в район золотого при-

иска Карафтит, а мне предложили остаться на участке Сайжекон и в истоках Б. Амалата, где были установлены ореолы рассеяния касситерита. Сначала поставили лагерь в долине Сайжекон. Горы вокруг сложены палеозойскими известняками с дайками гранит-порфиров и спессартитов. Проведя там канавные работы, мы нашли лишь мелкие рудопоявления касситерита сульфидно-хлоритового типа и небольшие зоны кварц-турмалиновой минерализации. Участки оказались малоперспективными.

Осенью 1967 г. в Ленинград приезжал зам. министра геологии Б. М. Зубарев. Он остановился в кабинете начальника Северо-Западного управления. Узнав об этом, директор ВСЕГЕИ Е. Т. Шаталов и его заместитель А. Д. Щеглов, взяв с собой меня с образцами богатого касситерита, помчались туда. Размахивая моими образцами перед носом зам. министра, они доложили, что в Бурятии обнаружено крупное месторождение касситерита и надо срочно ставить там разведочные работы. Я сидел в уголке кабинета, молча слушал и следил за манипуляциям начальников. Но Б. М. Зубарев остался доволен и, похвалив меня, сказал, что деньги выделит.

Летом 1968 г. я снова прибыл в Бурятскую АССР на полевые работы. Из Улан-Удэ до Багдарина долетели рейсовым самолетом. Там перешли на вертолет Ми-8 и добрались до старого лагеря на Б. Амалате, где уже началось разведочное бурение. Наш охотник Федя регулярно снабжал партию мясом сохатых, косуль и рыбой из многочисленных озер. В маленьком зимовье жили два знакомых охотника-промысловика, иногда приносившие нам кабанье мясо. Раз случилось несчастье: один из охотников неосторожно подбежал к приземлившемуся вертолету Ми-2, привозившему почту в наш лагерь. У вертолета еще крутился винт, и охотнику снесло полчерепа!

Однажды И. Я. Кузьмин приехал к нам на Б. Амалат везе-ходом. Он объявил, что сегодня у него день рождения! Его обступили рабочие, которым он дал несколько бутылок питьевого спирта. А потом направился к нам в камеральную палатку. До вечера ему показывали карты, образцы, совещались. Когда стемнело, мы собрались в палатке Игоря Яковлевича на праздничный ужин, состоявший из тушеной сохатиной «губы», жареной рыбы и молодой картошки. Он полез в свой вьючный ящик и обнаружил, что оставленные для нас две бутылки спирта исчезли! Покопавшись в других вещах, Кузьмин обнаружил бутылку спирта, настоянного на пантах. Через полчаса мы вшестером ее распили. Последствия были для меня своеобразные (на других в то время я не обращал внимание). Выпив почти целый стакан этой настойки, я почувствовал взлет всех жизненных сил. Выскочив из палатки, пошел по тропе, ведущей к месту полевых работ, — к сопке около 300 м высотой. Еще вчера мы, пыхтя и перекуривая, с трудом поднимались

на эту сопку. А тут я взлетел на ее вершину, как на крыльях, и оглядевшись, увидел блестящую внизу излучину Б. Амалата, довольно сильно поднявшегося от недавних дождей. И так мне захотелось искупаться, что я без разбору бросился вниз по очень крутому склону, заросшему молодыми осинками и березками. В одно мгновение очутился на подмываемом берегу Амалата. Лихорадочно скинул с себя одежду, оставшись в одних трусах, бодро шагнул в теплую воду и сразу окунулся с головой. Меня, как щепку, подхватило течением и через мгновение выбросило на мелкий перекал у другого берега. Опонившись, увидел себя на другом берегу довольно большой реки! Начали кусать комары, а я в одних трусах. Тут вспомнил, что на километр выше нашего лагеря есть остров, на котором с нашего берега перекинута толстое дерево, а протока, отделяющая остров от другого берега, очень мелкая, едва до колен. Побежал туда. Перейдя на свой берег, прокрался по кустам мимо спавшего лагеря. Нашел свои вещи и, одевшись, бодро вернулся к лагерю и завалился спать в своей палатке.

Из лагеря полетел на вертолете в прииск Карафтит, где отряд нашей партии под руководством А. Л. Самбура производил поиски олова. На прииске Карафтит добывают россыпное золото шахтным методом, так как поверхностные россыпи давно отработаны драгами. Здесь живут и работают рабочие с семьями (70—80 человек). Интересно, что кроме них на прииске живут две китайские семьи. Ипользуя южные склоны дражных отвалов, они круглый год снабжают весь прииск овощами. Проработав в отряде Самбура две недели и убедившись, что промышленного месторождения олова там нет, я поехал верхом на лошади обратно на Б. Амалат с двумя бурятами-проводниками. Ехали три дня, запомнилась переправа через р. Витим. В месте брода она была шириной около 100 м. Мы направили лошадей в воду, и они в глубоком месте поплыли. Мы также поплыли, держась за лошадиные хвосты. На другом берегу развели большой костер из плавника и обогрелись.

В лагере я застал всю партию. Отмечали чей-то день рождения. За длинным столом сидели не менее восьми бурят, два эвенка, а также около пятнадцати рабочих и ИТР партии. Недавно приехавший из Улан-Удэ геолог-техник Леша Степанов вдруг заявляет: «А я слышал, что всех русских будут из Бурятии выселять!» Лица бурят расплылись в улыбках. Но тут Леша продолжает: «А когда русские уедут, в Бурятии будут испытывать водородные бомбы!» Тут все буряты вскочили и начали его ругать, а один из них крикнул, что Лешка шовинист!

В Ленинграде я доложил А. Д. Щеглову о том, что крупных месторождений олова не найдено, но признаки рудоносности свидетельствуют о наличии зон мезозойской автономной активизации на Витимском плоскогорье.

Афганистан

Зимой 1968 г. стало беспокоить здоровье сына Сережи, который плохо переносил ленинградские зимы и часто болел. Написал письмо В. А. Ярмолюку. Он к этому времени был назначен заместителем министра геологии СССР и ведал всей зарубежной геологией. Очень благодарен ему за быстрый ответ, в котором он предложил заграничную командировку в Алжир. Я попросил направить меня в Афганистан, надеясь, что геология и природа там будут интереснее. В сентябре 1969 г. пришел вызов и меня оформили во вторую заграничную командировку.

С женой и шестилетним сыном 5 октября 1969 г. отправились в королевство Афганистан. Сначала перелет Москва — Ташкент, а на следующий день на самолете компании «Ариана» Боинг-707 мы летели в Кабул. Миновав заснеженные остроконечные вершины хребта Гиндукуш, самолет приземлился в кабульском аэропорту, в котловине, со всех сторон окруженной горами.

Нас встретил зам. начальника группы советских геологов Г. Н. Кочеров. Он приехал за нами на газике. За рулем молодой шофер Али в экзотическом белом халате с разрезами по бокам, остроконечных тапочках и с белым тюрбаном на голове. Г. Н. Кочеров разговаривал с ним на фарси. Погода солнечная и теплая, несмотря на осеннюю пору. Проезжаем по улицам Кабула и видим множество мужчин, одетых, как наш шофер. Женщин почти не видно. Очень своеобразный рынок, здесь продают и покупают верблюдов, овец, ослов, реже коров.

Кабул хаотично разбросан на большой территории в межгорной впадине, пересеченной рядом отрогов гор. В центре — королевский дворец, окруженный парком и длинным забором. Перед ним площадь и расходящиеся в разные стороны широкие асфальтовые проспекты. Неподалеку центральный рынок — майдан. В окрестностях стоят дома-крепости с единственным входом и бойницами вместо окон, принадлежащие богатым афганцам. А на склонах гор неопишутые тещины: врытые в землю землянки или похиженные на сакли глинобитные постройки с плоскими крышами. Между ними — извилистые

улучки или сухие русла потоков, весной сбегаящих с гор. Проехали мимо городского стадиона и увидели ряды четырехэтажных домов, похожих на наши дома в Москве и Ленинграде. «Это микрорайон для иностранных специалистов», — пояснил Г. Н. Кочеров. Над ним возвышается холм с какой-то зеленью и голубым куполом, сверкающим в лучах солнца, — мавзолей Надир-Шаха, отца ныне здравствующего монарха, падишаха Захир-Шаха.

Нам предоставили двухкомнатную квартиру на втором этаже и познакомили с бачами — афганцами, обслуживающими наш дом. В квартире столы, стулья и чебаркеты — деревянные кровати с сеткой из тростниковой плетенки. Бачи принесли постельные принадлежности и посуду. Меня поразило, что вся квартира — окна, столы и кровати — покрыта тонким слоем желтоватой пыли.

На следующий день поехали в посольство СССР и в Вазарат, где располагался Департамент геологии Афганистана. В посольстве у меня отобрали загранпаспорт (я увидел его только перед отъездом из Афганистана, через четыре года!) и получил афгани — афганскую валюту. В Вазарате, где было Управление департамента геологии Афганистана, меня встретили А. Я. Котов — начальник контракта по поискам твердых полезных ископаемых и В. П. Ажипа — главный геолог того же контракта. Они долго и придиричиво расспрашивали меня о работе в Союзе и Вьетнаме. Я рассказал начальству о том, как организовал шлиховое и спектрометаллометрическое опробование Северного Вьетнама, в результате которого были установлены десятки ореолов рассеяния олова, вольфрама, ртути и других металлов. После этого под моим руководством и силами вьетнамских геологов были проведены детальные работы. Это привело к открытию богатейших промышленных месторождений олова, ртути и других металлов. На это А. Я. Котов сказал, что в Афганистане работа построена иначе: здесь все, от первого шлиха и до отчета, надо делать самим советским специалистам, так как на афганских инженеров и техников надежды мало. Поскольку деньги на геологические работы являются бескорыстной помощью Союза СССР королевству Афганистан, от советских специалистов требуется максимальная отдача. После этого я был представлен А. Мирзоду — главному шефу геологической службы Афганистана.

На следующий день была джума (пятница) — выходной день, и мы с женой и сыном отправились посмотреть мавзолей Надир-Шаха и небольшой парк около него. За несколько афгани нас пропустили внутрь мавзолея, потом мы отправились в парк, который частично оказался древним кладбищем, переходящим в клочок пустыни. Было солнечно и тепло, встретилось много живности: ящериц не менее пяти видов, видели змей и убитого ежика. Также поймали несколько видов жу-

ков: пустынных чернотелок и долгоносиков. Но сказывалась глубокая осень: жуков и бабочек очень мало.

Через несколько дней меня отправили в первый маршрут. В задание входило взять пробы из пегматитовых жил, найденных геологами-съемщиками, и дать общую предварительную оценку участка в районе Шахрестан, примерно в географическом центре страны, в провинции Урузган. Рано утром на двух джипах с геологами С. Ваулиным и Г. Месечко тронулись в путь. Была глубокая осень, в горах уже лежал снег. На заснеженном перевале Унай (3000 м) пообедили в чайхане поселка Бехсуд. Неспешно миновали величественную панораму хребта Кох-и-Баба. В горном поселке Пянджао нас поместили на ночлег в пустующем здании местной школы. Утром выехали по плохой дороге на юг и преодолели еще один перевал Кунак (3300 м), окруженный заснеженными вершинами гор. После чего спустились на залитое солнцем всхломленное плато, сложенное преимущественно гранитами, и, наконец, приехали в кишлак Уштаран, где живут хазарейцы, исповедующие особую ветвь ислама — карболои. Поставили палатки на берегу ручья, напротив поселка карболои. На следующий день я проснулся на рассвете от криков: «О, карболои!». Выглянув из палатки, увидел длинный ряд стоявших на коленях вдоль ручья молящихся мужчин и женщин. На пегматитовом поле, примерно в 2 км за поселком, в тупике, кончалась машинная дорога. Я поднялся на одну из пегматитовых жил, состоящую из кварца, альбита и сподумена (до 50 % в отдельных скоплениях). В двух местах к этим минералам добавился касситерит бледно-коричневого цвета. Я оценил этот участок как перспективный для дальнейших поисковых работ на литий и олово. Через день начался тяжелый переезд в Тулак к Дронову. Туда я поехал один с афганским шофером, не зная языка и местности. На перевале Кунак шофер присвистнул: весь его северный склон покрыт толстым слоем снега. Он предложил мне идти пешком, а сам, раскрыв дверцы машины, пустил ее прямо по склону с витка серпантина на виток. Мы прошли метров 300, снега стало меньше. Там я сел в машину, и мы продолжили путь.

Этот переезд мне запомнился тем, что шофер-афганец относился ко мне, как к подопечному и за свой счет кормил в чайханах. Страшновато было ночью в темноте и при сильном снегопаде преодолевать еще один перевал через хребет Кох-и-Баба, где мы едва не свернулись в пропасть. Через день в Тулаке меня встретили геологи-съемщики с техруком В. И. Дроновым во главе. В течение полутора месяцев я проводил с ними шликвое опробование и изучал древние выработки на рудопроявлениях цветных и редких металлов. Мы объездили район от Герата до Кароха на севере, до Анандары и Фараха на юге, до границы с Ираном на западе. Погода здесь была солнечная и теплая, как летом. Лагеря были в Адраскане на шоссе Герат —

Кандагар — Кабул и в Шиндане, где партия снимала несколько номеров в гостинице. В Шиндане жили советские военные, так как рядом была авиабаза для наших военных самолетов.

Лагерь в Адраскане стоял в долине небольшой речки, летом пересыхающей. Сейчас в ней довольно много воды. Палатки поставили в маленьком парке из чинар, тополей и ив на террасах из галечника. Днем было тепло, летали бабочки: белянки и желтушки, мелкие стрекозы, прыгали саранчовые и ползали муравьи и жуки. В одном месте я обнаружил вход в подземное гнездо крупных ос — восточного шершня.

Потом ездили на 80 км в пустыню юго-западнее Шинданды. Брели шлиховые пробы, здесь я познакомился с разными типами местных пустынь. Преобладали равнинные участки, выложенные небольшими камушками, покрытыми сверху черной, часто с синеватым отливом коркой — пустынным загаром. По ним можно было ехать, как по асфальту! У больших камней, лежавших на поверхности, и у отдельных кустиков саксаула и других пустынных кустарников с северной стороны сформировались маленькие барханчики сыпучего песка. Возле них наблюдались скопления (до 50 экземпляров) особых крупных длинноногих жуков адесмия Геблери, черных с ярким бронзовым блеском. Я заметил там же ящериц-круглоголовок и особых бесстрашных гекконов, которые бросались не только на руку, но и вцеплялись острыми зубами в носок ботинка! А вечером в солнечном просвете я заметил на кустах ежевики и миндаля крупных черных гадюк с рожками на носу и серых толстых гюрз. Их было много, и я сказал об этом В. И. Дронову. На следующий день поехали еще дальше, в западном направлении, к крепости Назар-Хан, на границу с Ираном. Там нам показали длинную и глубокую канаву, вскрывающую окисленные медные руды, а также особое проявление меди и олова у источника Шанд в 60 км южнее Назар-Хана. Это рудопроявление образовалось в останце белого мрамора среди гранитов. Там был небольшой грот, выдолбленный древними рудокопами.

Я закончил главу «Полезные ископаемые», предназначенную для отчета Дронову по геологии западных районов Афганистана, и стал готовиться к полевым работам 1970 г. Прежде всего выписал в институте геодезии пачку аэрофото- и детальных карт районов будущих работ. Здесь, в королевском Афганистане, все это не было секретным и продавалось за небольшие суммы в 10—20 афгани за аэрофотоснимок. В СССР такое было бы невозможно из-за сверхдидельных сотрудников КГБ!

Составляя план работ нашей партии в зависимости от положения районов по высоте над уровнем моря, я предполагал выехать в поле в марте — апреле и начать полевые работы на высоте до 1500 м, в середине лета подняться в районы выше 2000 м, а осенью снова спуститься вниз. Но этому помешали

трудности, возникшие при организации новой партии с афганской стороны, и в поле мы выехали в середине июля, нарушив все сроки.

Первым участком работ была межгорная впадина Гизао в среднем течении р. Гильменд в провинции Урузган на высоте 1300 м, и жара здесь была выше 40°! Несколько слов о составе нашей партии. Советские специалисты: Кабаков О. Н. — старший инженер, начальник. Т. Ф. Бойко — минералог, Ю. Немчиков — техник-геолог. Афганские специалисты: Зайт Сидык — амир (начальник партии), Мир Вали Шах, М. Садык — инженеры-геологи; Мамад Али, Мухаммед, Исаак, Момаджан — техники-геологи, афганцы — промывальщики, обработчики шлихов, разнорабочие, повар. В нашем распоряжении были два газика-джипа и грузовик с афганскими шоферами-пуштунами из города Логар.

К месту полевых работ наша партия выехала 14 июня 1970 г. В Газни — небольшом городе, древней столице Афганистана, на базаре купили рис и баранину. К вечеру приехали в Мукур, где была геологическая перевалочная база на высоте 2100 м рядом с шоссе — несколько приземистых каменных барачков, построенных из кирпича с цементными полами и окруженных забором из колючей проволоки. Здесь раньше помещались американские рабочие — строители шоссе Кабул — Кандагар. Вокруг барачков — клочок нетронутой пустыни, здесь скопилось множество черепаш, разнообразных ящериц и насекомых. На многих подушковидных колючих растениях разнообразные жуки: златки и листоеды, хрущики и бронзовки. Ночью ползает много чернотелок-блапсов двух-трех видов и летит на свет электролампы бесчисленное количество жуков-водолюбов, а также испанские копры и скарабеи бабори, реже громадные стафилины...

На следующий день прибыли в Кандагар — тоже древняя столица Афганистана. Заночевали в местной гостинице, окруженной садом из финиковых пальм, чинар, персиков и олеандра, цветущего красивыми цветами. Поражает дворец древнего падишаха — высокое многоэтажное здание с балконом, к которому вела лестница позора, — узкая, из 1000 ступенек, без перил и других ограждений. По ней заставляли подниматься поверженных врагов к ногам падишаха. Кандагар также запомнился множеством пуштунских лавок, занимающих первые этажи зданий, в которых продавали ковры, древнее оружие, декоративные подносы и другие изделия художественных промыслов. Мне также показали консервный завод, где выдвигались желе, компоты и другие консервы из знаменитых кандагарских бескосточковых гранатов.

В Гизао наша партия занялась поиском россыпи касситерита в межгорной впадине, выполненной аллювием. По данным геологов-съемщиков, вокруг были установлены ореолы касси-

терита. Мы сделали линию шурфов поперек русла р. Гильменд, к сожалению, мелких из-за обильного притока воды. Шлиховое опробование шурфов показало низкие содержания касситерита, через 20 дней участок был оценен отрицательно.

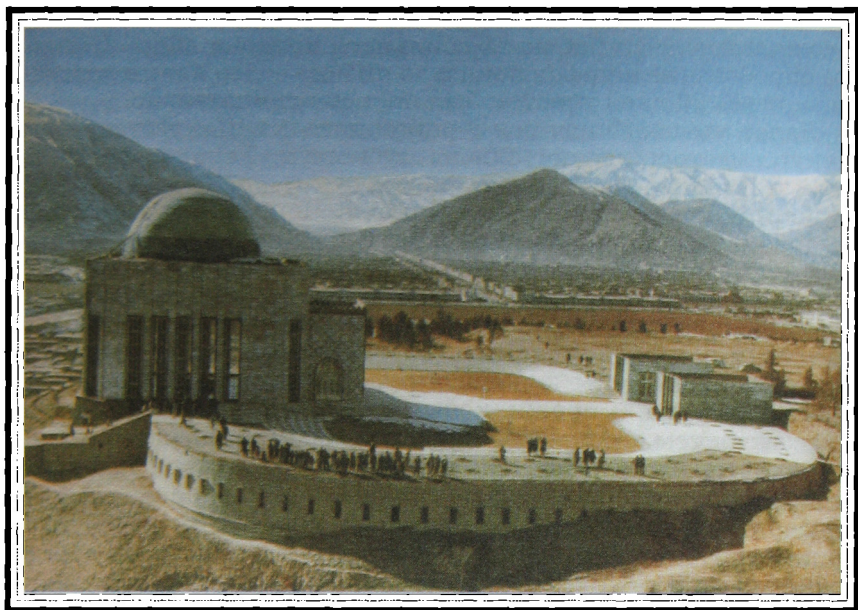
Далее мы перебираемся в район поселка Шахрестан, через Мукур, месторождение слюды-мусковита Токана, перевалы Унай и Кунак.

Лагерь поставили около кишлака Чепразак, населенного хазарейцами, — народом, похожим на монголов, но говорящим на языке фарси. Это потомки войск Чингизхана, завоевавшего Афганистан в XII веке. В районе западнее Чепразака выявили шлиховой ореол рассеяния касситерита с наиболее высокими содержаниями (до 120—300 г/м³). Через некоторое время были найдены коренные рудопроявления кварц-касситеритового типа — прожилковые зоны до 10—15 м мощности. С касситеритом ассоциировались вольфрамит, шеелит, молибденит, арсенопирит и другие сульфиды. Минералог Т. Ф. Бойко при просмотре шлихов использовал портативный люм — прибор, в ультрафиолетовых лучах которого шеелит светится ярким голубоватым или зеленоватым пламенем. Однажды ночью я решил сходить с люмом на соседнюю сопку, стоявшую около лагеря. Кроме люма, я взял с собой ночной фонарик, геологический молоток, пинцет и морилку. Ребята меня отговаривали идти в пустыню ночью, когда выползают различные ядовитые животные: змеи, скорпионы, сольпуги и тому подобные. Но я все равно пошел искать шеелит прямо в породах.

Каменная пустыня начиналась в 100 м от лагеря. Там была редкая растительность — колючие суккуленты и редкие кустики миндаля и эфедры. Включив люм, я направил сноп синих лучей вперед под ноги. Постепенно глаза привыкли, и многое стало видно. Услышав характерный шорох, я увидел в изобилии мохнатых сольпуг, несущихся в одном направлении. Они совершенно не реагировали на свет люма и с разбегу перебежали через меня, поднимались по ноге и через голову спускались. Пока я здесь находился, через меня перебежали десятки сольпуг. Кроме них в пустыне встретил множество жуков-чернотелок и пятнистых жужелиц антия. Жужелицы принадлежали к другому виду и отличались от тех, которые живут в наших Каракумах. В ту ночь я застал одну антию за поеданием детеныша скорпиона.

Вдруг под одним из кустов что-то засветилось ярким зеленоватым сиянием. Думая, что это шеелит, я протянул руку. Но светящийся предмет зашевелился, оказавшись крупным скорпионом. При приближении люма скорпион засиял еще ярче, но, вдруг забеспокоившись, стал уползать.

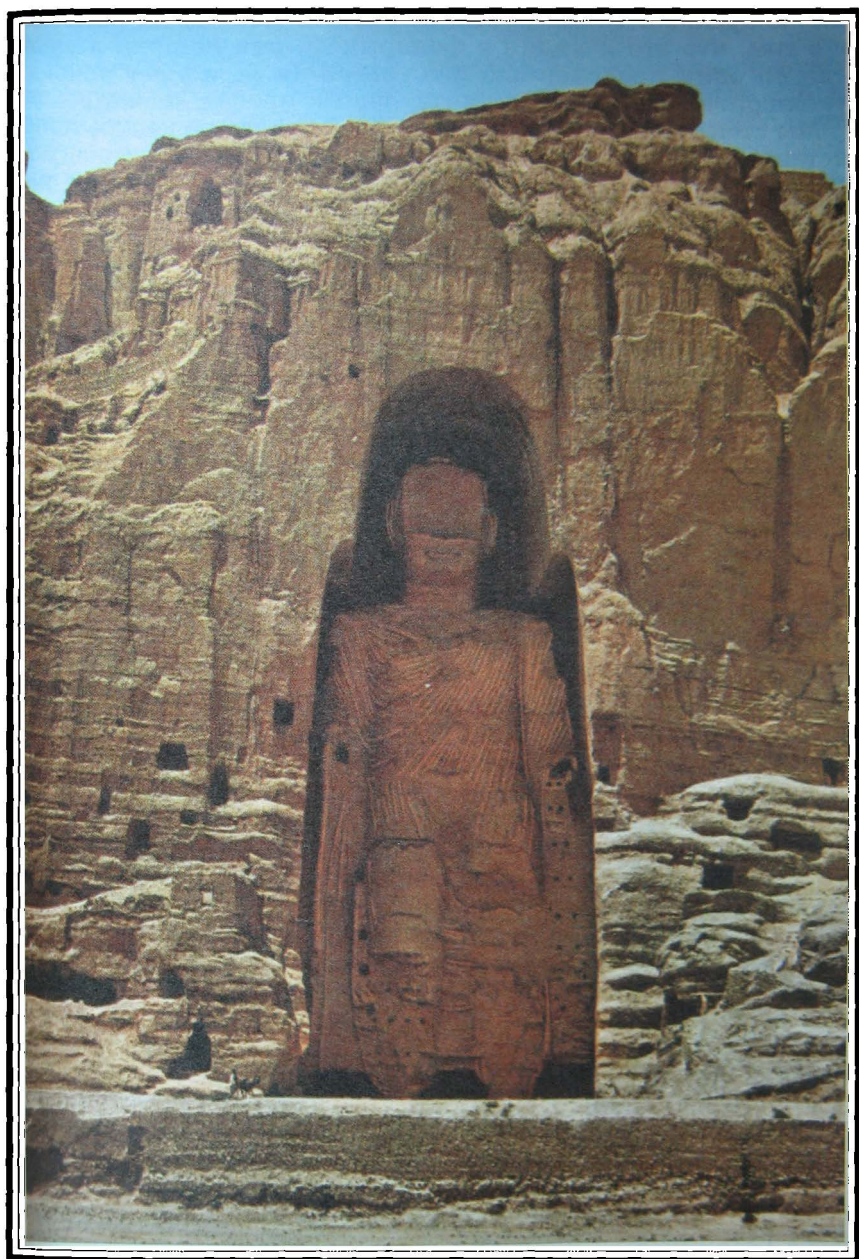
На следующий день пришла делегация стариков-хазарейцев. Они заявили, что видели на горе над нашим лагерем шай-

Мавзолей Надир-Шаха в Кабуле. Афганистан. Октябрь 1969 г.

Серпантин и туннель дороги Кабул – Джелалабад.
Афганистан. Декабрь 1970 г.

Большой Будда (53 м), взорванный талибами.
Афганистан, г. Бамиан. Июль 1971 г.

тана, испускавшего синие и белые лучи! А когда им рассказали о том, что это я ходил с фонариком, они пришли в ужас. Ведь ни один правоверный мусульманин не пойдет ночью в пустыню, где властвуют джины, дэви и прочая нечисть.

Мы стояли лагерем у перевала Кунак в самом центре Афганистана на высоте 3000 м над уровнем моря. Неподалеку за невысоким перевалом — хазарейский кишлак. Был конец июля 1970 г. Вокруг — горная лесостепь с зелеными лужайками в обводненных местах. Трава еще не выгорела, как внизу у Шахрестана. Вдоль дороги цветут крупные зонтичные, мальвы и сложноцветные типа наших бодяков. Местами стоят крупные коровяки с желтыми цветами. Был вечер. Пользуясь свободной минутой, я пошел в сторону перевала собирать жуков. Уже в сумерках услышал басовитое жужжание и увидел много крупных темных жуков, медленно летающих кругами над некоторыми зонтичными. Убедился, что это были знаменитые многочленниковые усачи-прионы, ряд видов которых известен в Средней Азии! Через несколько минут я обнаружил и нелетающих самок, сидящих на стволиках зонтичных, внизу у самой земли. Впоследствии (в 1996 г.) вдвоем с академиком Украинской академии наук, энтомологом В. Г. Долиным, мы сделали научное описание этого вида, назвав его прионус алтимонтанус (что значит высокогорный).

На перевале Кунак произошла встреча с сатразаном — премьер-министром Афганистана Этэмади. Он ехал мимо нашего лагеря и остановился у палаток. Садык в темпе расстелил два ковра и, непрерывно кланяясь в пояс, пригласил сатразана в палатку. Он вошел в палатку и спросил Садыка о том, что советские специалисты здесь делают. Садык ответил, что они ищут здесь олово и другие металлы. В ответ сатразан разразился короткой речью, из которой я понял, что он весьма одобрительно отозвался о нашей деятельности.

Советские специалисты привыкли, что в каждом поселке, куда мы приезжали, сразу собирались толпы афганцев и, демонстрируя разнообразные болячки, просили: «Таблет, таблет!». Мы им давали аспирин, фтолазол и редко тетрациклин. Летом 1970 г. в Афганистане разразилась эпидемия холеры. Особенно много было жертв в городе Газни, и мы проехали мимо него на большой скорости. Нам рассказывали, что и в Кабуле было немало случаев холеры, особенно «пистолетной» формы: идет человек по улице и вдруг падает на землю и начинает дергаться, изо рта и других отверстий тела вытекает зловонная жижга. Через одну-две минуты человек умирает. Перед Газни был установлен санитарный шлагбаум, где автобус, набитый пассажирами, останавливали, мужчин и женщин строили в две очереди, и санитары с огромным шприцом вкалывали им через одежду противохолерную сыворотку. Просмотрев наши документы, особенно справки о прививках,

наш газик пропустили и велели ехать без остановок до Кандагара.

В сентябре — октябре мы работали в районе северо-восточнее города Кандагар, у пуштунских поселков Гбаргей и Боргана. Севернее Гбаргея обнаружили до десятка небольших линзовидных рудных тел касситерит-гематитового состава и большую зону скарнов с вкрапленностью молибденита, касситерита и галенита. Эти рудные тела и зона с молибденитом располагались вдоль контакта мраморизованных известняков с гранитной интрузией. Участок был назван «Чинар» и был оценен как перспективный для дальнейших поисково-разведочных работ на олово и молибден.

Однажды все мы (два советских специалиста, амир Субот, три афганских инженера, а также рабочие) сидели вечером у костра и обсуждали работу на следующий день. Вдруг послышался конский топот, к нам подъехал местный хан — пуштун в белоснежных одеждах, высокого роста, с длинной черной бородой и черными глазами. Соскочив с коня, он присел на короточки рядом с афганцами, которые уступили ему место. Сначала он произнес ритуальные «хубасти, читурасти, джонджурасти»! На что ему ответили тем же. Помолчав немного, пуштун, потупившись, стал что-то бормотать. Афганец перевел: «Я — хан соседней долины, где живет более 10 000 человек, у меня три жены. Но в последние месяцы я к ним не прикасался, так как потерял мужскую силу! Дайте мне таблеток от этого». Мы опешили от такой просьбы. Тут Юра Немчинов шепчет: «Думаю, что пара таблеток фтолазола ему не повредит». Получив таблетки, пуштун обрадовался и, поблагодарив, сел на коня и ускакал. Через два дня, когда мы собирались переезжать на новое место, хан снова приехал к нам и, сбросив с коня связанного барана, попросил еще таких таблеток, которые здорово помогли! «А теперь дайте ему пачку пургена», — распорядился Юра, который заведовал нашей аптечкой.

В 1971 г. я обратил внимание на ряд ореолов рассеяния касситерита вокруг скоплений пегматитовых жил Нуристана. Один из ореолов располагался вблизи месторождений берилла Дарай-Пич и драгоценных камней Дарай-Нур, еще не обозначенных как пегматитовые поля или даже поле. Хотелось проверить, отчего в шлихах из этих районов установлены два типа касситерита: обломки крупных кристаллов и мелкие призмочки сильно ожелезненного касситерита. С этой целью была запланирована поездка в Нуристан в мае 1971 г.

Начинаем работы в районе Дарай-Пич. Вся долина р. Пич заселена народностью пашай (в переводе с дари слово означает комарики). Пашай — народ истинно мусульманский и не терпит «кафиров». Палатки поставили на склоне горы у автодороги, в десятке метров выше протекал арык, из которого бра-

ли воду для питья. Под утро, когда все спали, пашай, разобрав стенку арыка, спустили на нас поток грязной воды! Пришлось быстро снять палатки и переехать в долину ручья Чембарек у месторождения Дарай-Пич, где стояли домики рабочих. Там нам разрешили поставить палатки. На следующий день пошли знакомиться с горными выработками. Меня поразила бессмысленность этой штольни: пегматитовая жила мощностью около 5 м вскрыта эрозией на глубину около 2 км, причем минерализованность жилы явно усиливается к ее апикальной части, где появляются полихромные турмалины, касситерит и колумбит. Штольня задана в средней части жилы (метров на 500 ниже) и из нее извлекают по одному-два кристалла берилла на каждый метр углубки штольни! Впрочем, на месторождении нет ни одного геолога, только рабочие и прораб! Запомнился маршрут вдоль ручья Чембарек. В его верховьях, в тенистом лесу из вязов, ясеней и ив, в осыпи у ручья я поймал несколько экземпляров крупных карабусов красивого темно-синего цвета. Этот вид был впоследствии описан как новый для науки чешским энтомологом Готвальдом под названием «карабус кабаковиелус».

Из Кабула приезжает амир партии Зайт Сидык, и мы перебираемся в другое место: на высокую террасу на берегу бурной р. Пич, где была небольшая роща из тутовых деревьев. Начали ставить палатки, и вдруг появляется около двух десятков раздраженных пашаев. Сначала они только ругались, потом начали драться с нашими рабочими и техниками, пытаются нас прогнать. Зайт сидел на раскладном стуле посередине и не вмешивался в драку. Мы с А. Беличем стояли в стороне и ждали, чем все это кончится. Но тут подошел местный хан, и драка прекратилась. Хан немного говорил на дари, и Зайт условился с ним о плате за стоянку и о найме временных рабочих. После этого нас не беспокоили.

Мы делали поисковые маршруты с отбором шлихов, а я их просматривал под биноклем. Скоро выяснили, что мелкие призматичные зернышки касситерита, покрытые корками окислов железа, происходят из мощных зон турмализации с вкрапленностью пирита и арсенопирита. Эти зоны располагались между пегматитовыми жилами мощностью до 15—20 м и более километра в длину. Но содержание олова в них было низкое — до 0,1—0,2 %.

Через несколько дней перебираемся с лагерем на 10 км севернее, в поселок Аврагал. Он расположен в долине одноименной речки — притока р. Пич. Домики стоят на высоком плоском отроге горы, покрытой смешанным лесом. Нижняя часть склонов долины засеяна рисом. Внизу, у ручья огороды, виноградники и рощицы тутовых деревьев. Мы поставили палатки в рощице вблизи одной из проток р. Аврагал. В ее верховьях видна величественная, остроконечная, покрытая снегом

гора. Из-за жары выходим в маршруты рано, с рассветом, и к 1—2 часам дня возвращаемся в лагерь. Поисковые маршруты мы производили на правом берегу долины Аврагал, в бассейне ручья Керота, размывающем пегматитовое поле из крупных пегматитовых жил 5—10-метровой мощности, вскрытых эрозией на глубину до 1,5 км и протяженностью 1,5—2 км. Жилы внизу состоят из крупных кристаллов полевого шпата, кварца и «пачек» светлой слюды-мусковита. В них видны скопления крупных кристаллов сподумена, черного турмалина и редко берилла и касситерита. А апикальные части жил грейзенизированы и содержат скопления полихромного зелено-розового турмалина с вкрапленностью касситерита, колумбита, лепидолита и некоторых редкоземельных минералов. Кристаллы сподумена в некоторых жилах достигают 2—3 м длины и до 30—40 см в поперечнике. Ручей Керота пересекает пегматитовое поле, в его аллювии образовались «весовые» содержания касситерита, колумбита и других устойчивых минералов. В устье ручья расположен маленький водопад и эрозионная яма, шлик из которой весом в несколько килограммов (целый мешочек из-под образцов!). Мы признали данное пегматитовое поле как крупный объект для постановки разведочных работ на литий, олово и тантало-ниобаты.

Возвращаясь из очередного маршрута, мы заметили, что белоснежный пик в верховьях речки Аврагал вдруг стал черным, но не придали этому особого значения. Пообедав, легли на свои раскладушки и почти заснули. Вдруг раздались испуганные крики: «Сель, сель!». Наши афганские сотрудники засуетились и стали быстро снимать свои палатки и перетаскивать вещи через протоку на коренной берег. Мы с Беличем также сняли свою палатку, и едва успели перетащить свои вещи на коренной берег долины, как прозрачная вода нашей протоки почернела и быстро стала прибывать. Через несколько минут донесся нарастающий шум селя, камни, сталкиваясь, поднимали фонтаны черных брызг. При этом была слышна как бы пушечная канонада. В одно мгновение вся долина речки оказалась затопленной, в том числе и все огороды, виноградники, тувовые рощи и то место, где раньше стояли наши палатки. Сель прогрохотал целый час и затих. Местные жители стояли по краям откоса у своей деревни, оттуда доносился плач женщин и ругань мужчин.

На следующий день мы решили перебросить лагерь в верховья ручья Керота, поближе к апикальной части пегматитовых жил.

Пегматиты — это особые крупнокристаллические кварц-полевошпатовые породы, связанные с гранитами и частично содержащие скопления рудных минералов: лития, бериллия, олова, а также различных драгоценных камней: изумрудов, бериллов, турмалинов, кунцита и крупных кристаллов горно-

го хрустала и мориона. Они образуют скопления жил — пегматитовые поля, часто крупных размеров: до 20—30 км², хорошо видимые на аэрофотоснимках, особенно если жилы залегают среди темных сланцев. Мы с Л. Н. Россовским в пределах Афганистана выделили грандиозный пегматитовый пояс длиной более 300 км, протянувшийся вдоль восточной границы этой страны, от нашего Памира на севере до хребта Спингар на юге. Пегматитовые жилы в нем, в условиях расчлененного рельефа Нуристана, вскрыты самой природой до 2—3 км на глубину. Я вспоминаю, как у поселка Аврагал в 1971 г. поднялся от русла одного ручья с высоты 2000 до 3800 м, шагая по гигантским кристаллам сподумена (руда лития) как по лестнице, и нашел в ней вкрапленность других редкоземельных минералов.

Еще в Кабуле, просматривая аэрофото, мы обнаружили крупное пегматитовое поле в истоках р. Вайгал в труднодоступном районе Нуристана и решили туда добраться. Оно находилось в 80 км от автомобильной дороги, идущей вдоль берегов р. Пич, где я занимался оценкой пегматитовых жил еще летом 1971 г.

Вечером 19 июня 1972 г. наша партия, состоящая из двух российских старших инженеров-геологов и двух техников-геологов, а также из афганских инженеров-геологов и десятка техников и рабочих, прибыла в поселок Печь народности пашаи, в устье р. Вайгал. В ту же ночь из нашего грузовика исчезли все геологические молотки! Их стибрили ребята пашаи. Но после нудных переговоров с местным ханом через день молотки были возвращены, и мы двинулись в длинный переход в истоки р. Вайгал. Это двухдневный героический поход по едва заметной тропе. Здесь даже крупный молодняк скота местным жителям приходилось перетаскивать на собственных плечах.

И вот мы в Вайгале, красочном поселке племени вайгали. Он расположен на месте слияния двух истоков р. Вайгал, правый называется Цамгал. Вайгал состоит из двух десятков деревянных двух- и трехэтажных домов, типичных для Нуристана. Местный хан — невысокий старичок с длинной белой бородой и двуствольным охотничьим ружьем в руках — не советовал идти дальше в горы. Он сказал, что там кочуют гуджуры, пасущие стада баранов на летних пастбищах. Зимой они отгоняют стада на зимовку в Индию. Хан добавил, что в прошлом году гуджуры вырезали партию австрийских ученых, занимавшихся изучением нуристанских языков, и он не ручается за нашу безопасность. Несмотря на предупреждение, мы решили идти дальше: надо было максимально близко подойти к пегматитовому полю. На следующий день поставили лагерь в истоках р. Цамгал, вблизи верхней границы хвойно-широколистного леса вокруг поселка Вайгал. Высота лагеря около 3000 м над уровнем моря. Поставили три палатки, к нам

неожиданно подошли двое вооруженных людей с винтовками и кинжалами. Это были пастухи-гуджуры, они интересовались, кто мы такие и зачем пришли, говорили на ломаном английском языке, но наш геолог-техник А. Белич их понимал. Гуджуры удивленно спрашивали: «Как вас пропустили вайгальцы? Они в прошлом году вырезали и ограбили группу австрийцев!» Попив с нами чаю, пастухи мирно удалились.

На следующий день вышли в маршрут в самые истоки Цамгала, где расположен величественный ледниковый цирк, размываемый системой крупных радиальных промоин, выполненных белым фирновым льдом и сходящихся к вершине нашего ручья. Пространства между промоинами заняты роскошными альпийскими лугами с высокими цветущими травами, среди которых было много громадных соцветий эремуруса и зонтичных, а также кустов цветущего шиповника и дрока. Здесь паслись небольшие стада пушистых белых баранов, охраняемые громадными собаками-овчарками. Над цирком возвышались скалистые вершины гор из темных сланцев, в них видны были многочисленные беловатые пегматитовые жилы мощностью 5—10 м.

В пегматитовых жилах была обнаружена сподуменовая (литиевая) минерализация и вкрапленность мелких кристалликов тантало-ниобатов. Л. Н. Россовский занялся их изучением, Б. К. Любимов и А. Белич с афганскими инженерами и техниками — отбором штучных проб, а я заинтересовался многочисленными ярко-рыжими небольшими зверьками, которых издали принял за лисиц. Но подойдя ближе, разглядел, что это гималайские сурки. Среди скал они накопили многочисленные норы с большими выбросами рыхлого грунта. На этих выбросах копошились различные жуки: чернотелки прозодез Шейбей, а также онтофаги 4—5 видов, в том числе и онтофаг мармотэ, который я описал в 1990 г. как новый для науки вид. К вечеру начали спуск к своему лагерю. Идти по крутому склону в ботинках без треконей было тяжело. Выбрав большой плоский обломок сланца, я, положив его на лед промоины, заскользил вниз, придерживая ускорение геологическим молотком. Остальные последовали моему примеру. Все спустились благополучно, избежав попадания в одну из круглых дыр в фирне, откуда с глубины в 4—5 м доносился устрашающий шум водного потока.

Вечером вся партия сидела у костра, и вдруг среди мерцающих звезд величественно проплыл яркий спутник и Б. К. Любимов заспорил с А. Беличем, чей это спутник, наш или американский. Тут афганский инженер М. Садык отмочил: «Никогда не поверю, чтобы Аллах допустил каким-то спутникам пробить семь небесных твердей. С одной стороны — капиталистическая пропаганда, с другой — коммунистическая!» Мы не стали спорить, но поразились, насколько темными были

Собираю жуков под колючками в пустыне у озера Абуистада, Афганистан. Октябрь 1972 г.

афганские «специалисты»! М. Садык окончил какой-то вуз в Иране и был истинно правоверным мусульманином. Он заставлял остальных афганцев совершать намаз (к их неудовольствию) пять раз в день и следил за ними.

Вспоминаю теплые ночи в истоках Цамгала, когда Л. Н. Россровский с Б. К. Любимовым и А. Беличем засиживались за преферансом, а я на яркий свет гэйса отлавливал пролетающих жуков.

Как-то сидим у костра (а было это осенью 1972 г.), подъезжают на конях два хана-кучи (кочевника). Они рассказали, что еще в прошлом году обращались к Мирзоду (начальнику Геологического департамента) с предложением показать очень интересные камни недалеко от нашего лагеря. Мы, конечно, с радостью согласились посмотреть и обнаружили, что за холмом расположена мощная пегматитовая жила. Она не видна с дороги Кабул — Джелалабад. Видимая часть жилы до 50 м длиной и до 10 м мощностью состояла из громадных кристаллов альбита, кварца и полихромного зелено-розового турмалина со скоплениями литиевой слюдки и небольших кристаллов сподумена. А в середине жилы виден сахаристо-белый минерал, ко-

В маршруте. Горы Афганского Бадахшана, высота около 4000 м.
Август 1973 г.

торый Лев Николаевич определил как поллуцит — уникальный минерал, стоимость которого дороже самородного золота! Мы определили примерные запасы его в 20—22 т. Лев Николаевич сказал, что поставит вопрос об изъятии поллуцита, необходимого для промышленности СССР, перед нашим посольством. Стоящие рядом ханы-кучи и афганские инженеры намотали это на ус. Геологическое руководство СССР пообещало прислать специалиста. Через год, весной 1973 г. в Кабул приехал главный специалист А. А. Беус, и Л. Н. Россовский повез показывать ему месторождение. Возвратился он весьма разочарованным. Поллуцит из пегматитовой жилы исчез! Вместо него в ней образовалась пещера 2×7 м и до 3 м глубиной. Кто украл поллуцит, я мог только гадать! Но осенью 1973 г. от Козема Майванда я узнал, что люди, укравшие поллуцит, ничего за него не получили. При транспортировке через Пакистан местные изъяли его из ящиков и заменили простыми булыжниками. Получилось, что вор у вора дубинку украл!

Л. Н. Россовский был человеком увлекающимся: он с ходу объявлял любую пегматитовую жилу крупным месторождением лития. Но нужно сказать, что мы имели дело с грандиоз-

ным пегматитовым поясом длиной более 300 км и шириной до 20—30 км. Он простирался от предгорий хребта Спингар на юге и до Бадахшана на севере и частично переходил на Таджикский Памир, где раньше Л. Н. Россковский участвовал в оценке некоторых некрупных литиевоносных пегматитовых жил — северных хвостов этого пояса. В 1974—1975 гг. Л. Н. Россовскому и Б. К. Любимову удалось побывать в самом сердце Нуристана, где местные жители добывали кунцит, вольфрамит и прозрачные полихромные турмалины, но на пегматиты с изумрудами их не пустили.

Весной 1973 г. я защитил окончательный отчет «Обзор оловорудных месторождений Афганистана». В нем было описано и оценено семь новых районов страны с месторождениями и проявлениями оловорудной минерализации, часто с сопутствующими проявлениями свинца, меди, цинка, вольфрама и других элементов. Наиболее крупным признано сульфидно-касситеритовое месторождение Мисгерон в провинции Фарах. Оно было частично разбурено и подсчитаны запасы. Но почти полное отсутствие воды, необходимой для обогащения руд, не позволяло сразу ввести месторождение в эксплуатацию. В таких же условиях находятся и другие проявления олова в этом районе (участки Турмалиновый, Шанд и др.). Кстати, нужно упомянуть о неважном качестве спектральных анализов центральной лаборатории при Геологическом управлении. Несмотря на запрет на химические анализы при содержании по спектральному анализу меньше 0,1 % Sn, я отдал на химический анализ пробы с видимым касситеритом и получил содержание олова от 1 до 4,5 %! Обратившись с претензиями на спектральный анализ к начальнику контракта В. М. Чмыреву, я дал ему две таблицы спектральных и химических анализов одних и тех же проб. Спектрографистка возвратила мне таблицу, где были исправлены только те пробы, которые дали высокие содержания олова. Остальные без изменений!

После успешной защиты отчета я в марте — мае 1973 г. сделал несколько поездок с геофизиками на участок Северного Кандагара и в район Мукура в обществе переводчика с фарсидари, своеобразного человека из народности борчалу из Западного Азербайджана. Этот борчалу был высокого роста, с очень характерной физиономией негроидного типа, с толстыми губами, огромными навывкате глазами и сросшимися широченными бровями. Он всегда приводил в изумление не только ребяташек, но и взрослых пуштунов.

Я работал в горах Северо-Восточного Афганистана, когда в Кабуле произошли революционные изменения: двоюродный брат короля Захир-Шаха Дауд-Хан пришел в наше посольство и заявил, что у него есть до 50 молодых офицеров, в основном учившихся в Советском Союзе, и все они желают установить в стране республиканское правление. Изменники, сидевшие

в посольстве, похлопали его по плечу и выразили свое одобрение! А далее началось: все афганские инженеры и техники окружили радиоприемники и жадно слушали. Я также слушал последние известия Би-Би-Си, Немецкую волну и другие радиостанции. Они передавали новости одна другой страшнее: бои в Кабуле, антидаудовские выступления во многих городах страны! Афганцы волновались за судьбу своих родственников. Но приходилось работать.

В результате переворота король Захир-Шах остался в Италии, а в Афганистане произошли все последующие события.

Я завершил работу в Афганистане в сентябре 1973 г., но в связи с переворотом не получил обещанный королевский орден.

Мой загранпаспорт, который мне вручили в нашем посольстве в самый последний день, был просрочен. Пограничный контроль в Ташкенте не хотел пускать меня домой! Пока все выяснялось, меня задержали на несколько часов.

Лаос

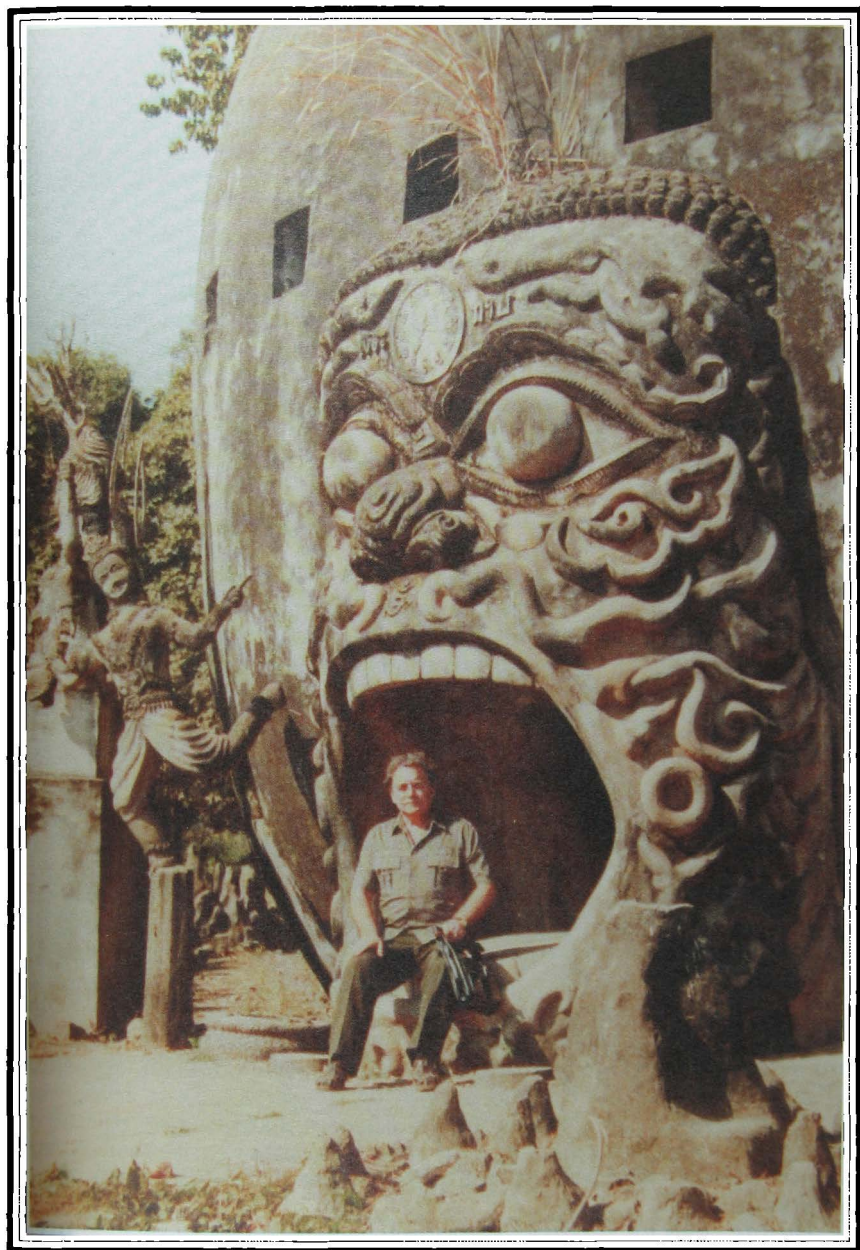
В октябре 1984 и в январе — марте 1986 г. мне пришлось побывать в Народно-Демократической Республике Лаос в составе маленькой группы геологов-экспертов, где были доктор геологических наук Борис Васильевич Макеев и куратор министерства по Лаосу Анатолий Алексеевич Иванов.

Летели длинным рейсом вокруг всей Южной Азии с посадками на Кипре, в Кувейте, Бомбее, Рангуне и, наконец, во Вьентьяне.

Столица Лаоса — Вьентьян — встретила нас сверкающим солнечным днем, весьма контрастным по сравнению с хмурой погодой осенней Москвы. Вокруг маленького аэропорта яркая тропическая зелень пальм, бамбуков и бананов. Веселые лица встречающих лаосских товарищей. Все они в белых рубашках, легких брюках и сандалетах. А мы в костюмах, галстуках, теплых ботинках и с осенними пальто в руках.

Встретил нас и Юрий Ильич Бакулин — руководитель группы советских геологов в Лаосе. В геологическом отношении страна совершенно не исследована. До сих пор нет геологической карты, кроме старых устаревших карт французских геологов, которые недостаточно точны. Сейчас имеются только дистанционные карты, т. е. созданные с помощью аэрофото со спутников. Страна, конечно, по полезным ископаемым очень богатая, поскольку находится на пересечении двух крупнейших рудных поясов мира. Это средиземноморский рудный пояс, который тянется через Западное Средиземноморье, наш Кавказ, Среднюю Азию, Каракорум и Гималаи и прямо выходит на территорию Лаоса и Северного Вьетнама. И второй пояс — Тихоокеанский, который тянется вдоль берегов Тихого океана, кольцом вокруг него, и захватывает территории Вьетнама, Лаоса, Камбоджи.

В Департаменте геологии Лаоса нас познакомили с директором — товарищем Босиканом. Он учился и защитил кандидатскую диссертацию в Москве, очень хорошо говорит по-русски. Мы уточнили программу деятельности нашей группы на весь период командировки, дружески беседовали с лаосскими

В долине памятников в Лаосе.
Октябрь 1984 г.

товарищами о нашей стране и о большой помощи, которую советский народ оказывает братским странам Юго-Восточной Азии — Лаосу, Кампучии, Вьетнаму. Лаосцы горячо благодарили за помощь, особенно в деле создания национальных кадров геологов, которых раньше в Лаосе не было. Лаосцы нам понравились, у них мягкий, приветливый и веселый характер.

На приеме мы впервые познакомились с национальными лаосскими кушаньями из мяса, рыбы, овощей и риса, приправленными острейшими соусами. Было много тропических плодов, особенно папайи, бананов и ананасов.

Потом состоялась трудная поездка в горы Юго-Восточного Лаоса. Мы вылетели на маленьком самолетике в город Тхакек. Летим в узкой полосе между громадными горами на востоке и р. Меконг — тайландской границей на западе. Ведь Лаос, в отличие от густонаселенных соседних стран, имеет очень маленькое население — 3 млн 760 тыс. человек. В пределах страны сохранились самые большие в Юго-Восточной Азии тропические леса, почти не затронутые деятельностью человека. В них растут великаны деревьев, множество пальм, лианы и дикие бананы. Всего более 20 тыс. видов различных растений, мало изученных ботаниками. Не менее богат и животный мир лаосских лесов — в них бродят стада диких слонов, живут носороги, дикие буйволы, тапиры, черные пантеры, тигры, десятки видов обезьян, удавы, крокодилы, есть огромное количество ярких, разноцветных бабочек и жуков.

Я думаю, что эти неповторимые тропические ландшафты являются достоянием всего человечества, для их надежной охраны нужно организовать специальный заповедник наподобие африканских национальных парков.

А вот и Тхакек — утопающий в зелени и цветах небольшой городок на берегу Меконга. После короткого отдыха в гостинице мы продолжаем путь на автомобилях в долину Нампотен, где сосредоточены оловодобывающие предприятия Лаоса. Долина Нампотен, куда мы добрались к вечеру, поразила нас сочетанием огромных белых известковых скал с буйной зеленью на красной латеритной почве.

Местами видны залитые электрическими огнями грохочущие обогатительные фабрики и красноватые обрывы карьеров, где добывается олово. Нас встретил и пригласил к себе генеральный директор оловодобывающих предприятий Нампотена Камфай. Он оказался приятным молодым человеком, познакомил нас с миловидной женой и маленькими подвижными сыновьями.

Вилла, где он живет, досталась по наследству от французского управляющего рудниками со времен, когда Лаос был колонией. На стенках кабинета привлекла внимание коллекция великолепных тропических бабочек, собранных в долине Нампотен женой колониального чиновника.

Группа советских геологов в долине памятников в Лаосе.
Слева О. Н. Кабаков, справа Ю. И. Бакулин, в центре А. А. Иванов

Несколько дней мы жили и работали в поселке Боненг, где обосновалась дружная советско-лаосская геологоразведочная партия. Руководит ею молодой и энергичный геолог Пандит, окончивший вуз в Чехословакии. Методическую помощь в разведке оказывают советские специалисты под руководством Валентина Грачева. Мы осмотрели рудники, обогатительные фабрики и познакомились с материалами геологоразведочной партии. С геологом Володей Ловягиным и двумя лаосскими техниками я сделал маршруты в не затронутые разработками части долины Нампотен, заросшие густыми джунглями. Там мы взяли пробы и наметили места проходки разведочных скважин. Перед отъездом из Нампотена все советские и лаосские геологи собрались для подведения итогов наших работ. Борис Васильевич Макеев сделал доклад об оловорудных провинциях мира, а я доложил о перспективах поисков олова в Лаосе и Вьетнаме. Ведь раньше я несколько лет работал во Вьетнаме и совместно с вьетнамскими геологами выявил на границе с Лаосом перспективные месторождения олова, окруженные ореолами касситерита, выходящими на территорию Лаоса. Вот их я и рекомендовал для поисков олова.

Наз засыпали множеством вопросов, особенно трудные вопросы задавал сотрудник Департамента горнодобывающей промышленности Лаоса Бунтан. Вечером, на прощальном приеме, он выразил нам большую благодарность от всех геологов Лаоса и рассказал о том, как он устанавливал народную власть в долине Нампотен в 1975 г. и изгонял из нее французских ставленников.

На следующий день все лаосские друзья и советские специалисты Нампотена провожали нас обратно во Вьентьян. Советским геологам еще предстояла тяжелая длительная работа, и они немного завидовали, что мы уже через несколько дней увидим Родину.

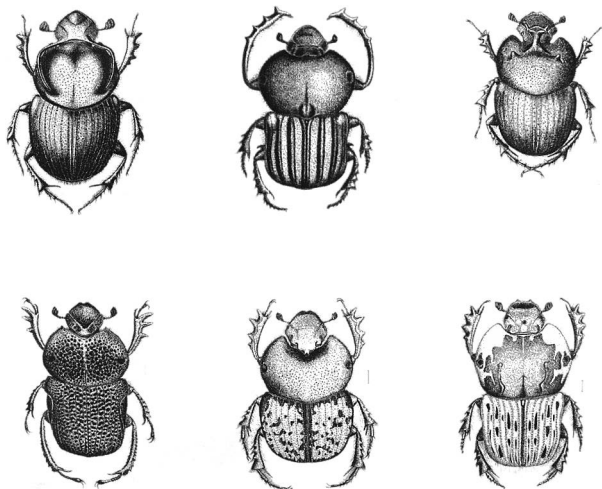
Во Вьентьяне мы в последний раз побывали на приеме у министра промышленности Лаоса. Он высоко оценил работу советских геологов в Лаосе, сказав, что лаосский народ напоминает нищего, сидящего на огромном сундуке с богатствами, ключа от которого у него нет. А советские геологи дают им этот заветный ключ! Вечером мы кратко сообщили о нашей работе, оставили рекомендации экономическому советнику в посольстве, а на следующий день уже были в Москве. Еще раз отчитались о проделанной работе в Министерстве геологии СССР, и только после этого я отбыл в родной Ленинград.

Настоящий натуралист

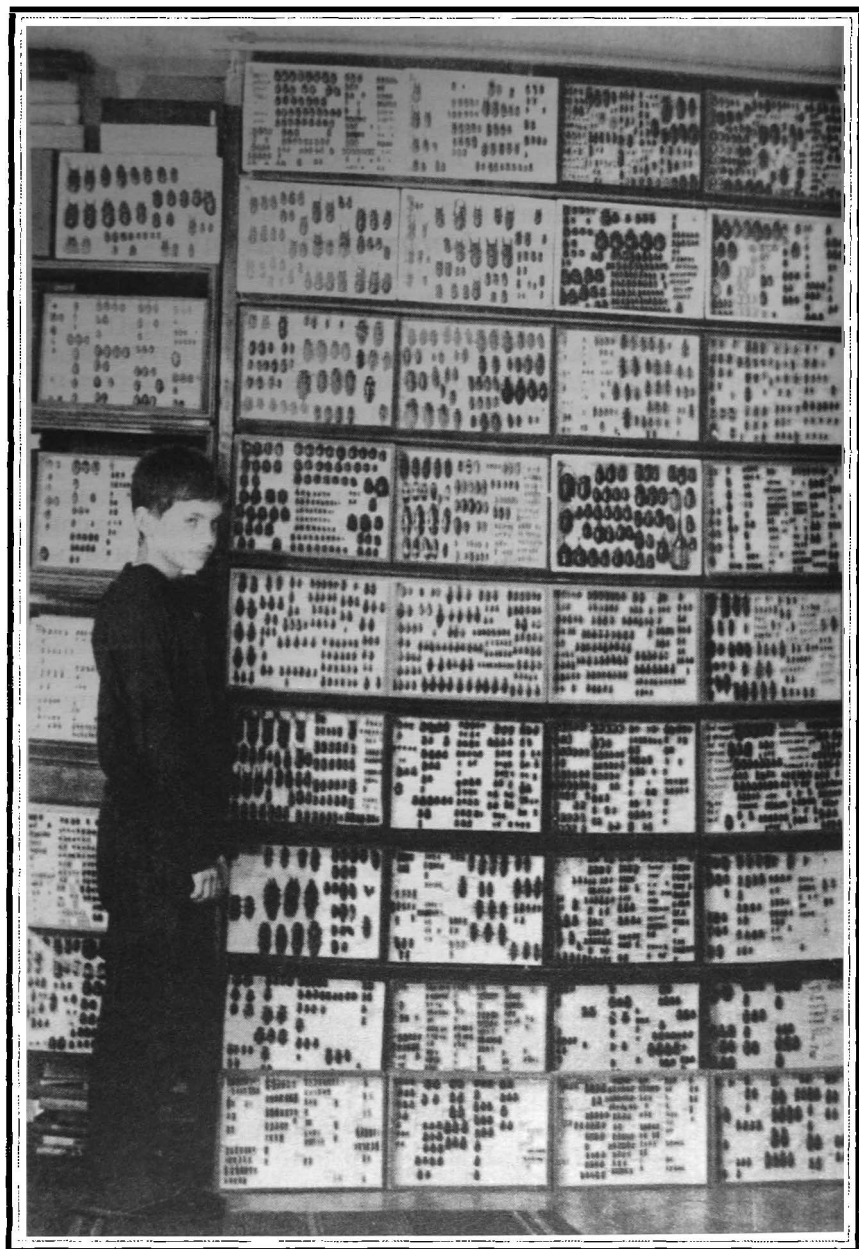
Работая в горах Дальнего Востока, джунглях Вьетнама, Афганистана и Лаоса, Олег Николаевич Кабаков нашел ряд промышленных месторождений олова и других редких металлов. Попутно он собрал коллекцию насекомых (около 20 тысяч видов), ставшую уникальной и всемирно известной.

Чтобы иметь возможность профессионально ее описывать, он изучил имеющуюся литературу, и не только на русском языке, но и на английском, французском, немецком, итальянском и других языках.

На сегодняшний день им опубликовано около четырех десятков статей по систематике жуков, из них 10 — на английском языке. До сих пор ему присылают для определения коллекции жуков из Индии, Китая, Канады, Европы, из многих стран мира.

Олег Николаевич сделал для своей монографии сотни прекрасных рисунков

Сын О. Н. Кабакова Сергей на фоне коллекции отца.
1976 г.

Канадский энтомолог Брюс Гилл и О. Н. Кабаков.
22 июня 1999 г.

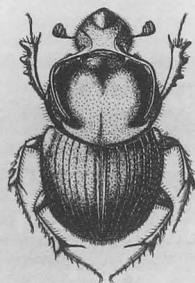
Труд всей его жизни — монография «Пластинчатоусые жуки подсемейства Scarabaeinae (Insecta: Coleoptera: Scarabaeidae) фауны России и сопредельных стран», увидевшая свет лишь в 2006 г., — позволяет определить более 300 видов жуков. В ней впервые приведены экологические очерки для многих видов России, даны детальные описания микроскопических частей организма жуков, а также представлен ряд новых для науки таксонов. Канадский энтомолог Б. Гилл перевел книгу на английский язык. Он считает, что она будет весьма полезна для энтомологов Канады, США и Европы.

Для своей монографии Олег Николаевич сделал более тысячи великолепных рисунков жуков, чем обнаружил еще одну из многих граней своей незаурядной натуры.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

О. Н. Кабаков

Пластинчатогусые жуки
подсемейства SCARABAEINAE
(INSECTA: COLEOPTERA: SCARABAEIDAE)
фауны России
и сопредельных стран

Товарищество научных изданий КМК
Москва ❖ 2006

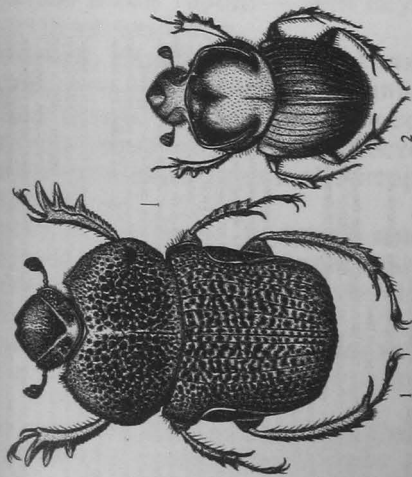

Рис. 1-2. Общий вид, сверху: 1 — *Gynortophagus laegellus* (F.); 2 — *Ombrophagus (str.) laurus* (Schreb.).

ми и выемками. Наличник сверху уплощён и вкесоте со швами покрывает ротовые органы и основаные усики, которые сверху не видны. Щелки отделены от наличника швами, часто в виде килевидных линий. Основание наличника сплюснато с лобом, редко иногда рудиментарно-килевидного шва, чаще он превращён в поперечный киль ("лобный киль" в дальнейшем тексте). Лобный киль иногда сплюсн или сплюсн бугорками или роговидными выступами, несущими значение вторично-полных приплюсн (подробнее в разделе "Половой диморфизм"). Наличник (рис. 4-7) сверху закруглён, пригнут или со срединной выемкой, зубцами или более сложными отростками. Передняя часть шкел также иногда вытвнута в зубы (например у

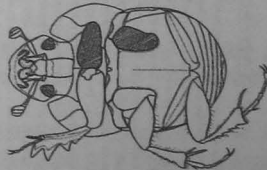

Рис. 3. *Ombrophagus (str.) laurus* (Schreb.), вид сверху, схема

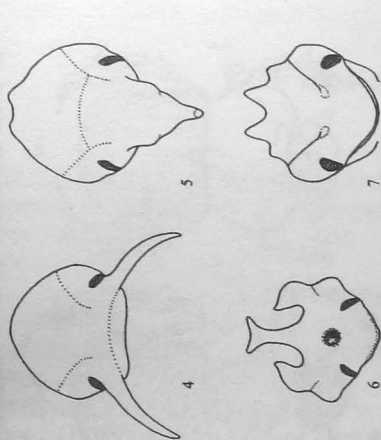

Рис. 4-7. Голова, сверху: 4 — *Ombrophagus (str.) laurus* (Schreb.); 5 — *O. (Palaeombrophagus) laurus* (F.); 6 — *Gynortophagus laegellus* (F.); 7 — *Gynortophagus laegellus* (F.).

Scarabaeus L.). Задний край шкел образует от-роток (рис. 8-9), полностью или частично рашеделый глас на две доли: маленькую верхнюю и большую вытвную нижнюю. Лоб — часть головы между основаниями наличника и глазами часто ограничен полами ещё одним поперечным килем ("теменной киль" — в дальнейшем тексте). Этот киль нередко снабжен бугорками или пластичными и роговидными выступами разнообразной формы (см. раздел "Половой диморфизм"). Глаза имеют весьма разные размеры относительно величины тела: от небольших у *Gynortophagus* III, *Palaeombrophagus* Zaitino до крупных (*Colob-*

Рис. 8-9. Голова, сбоку: 8 — *Ombrophagus (Palaeombrophagus) marginatus* Gebl.; 9 — *O. (Glyb-ombrophagus) arripennis* Waha.

Изменчивость. У самцов G. меда и G. linearis передние голени укорачиваются в их наружные стороны, у самцов G. кавкази до заднего края средних и задних бедр осливаются. У самцов *S. subaurea* лобная кость надкрылий сильнообразной, края ослеплены.

Распространение. Россия: Нижнее Поволжье, на северо-до Саратов, Предкавказье; Вост. Закавказье; Казахстан (северная граница проходит по линии Уральск, Актобе, Караганда, Агуд, от Зайсан; юг Средняя Азия (горные высокогорные районы). Европе: Турция, Малая Азия, северная Азия, Иран, Афганистан, Пакистан. Указание нахождение из Ирана, в Аджре и на о-ве Суматра требуют подтверждения.

Биология. Типичный вид сухих степей и полупустынь, в Средней Азии особенно характерен для предгорий с песчаными почвами. Жук активен с марта или начала апреля и летает до июня, преимущественно днём. Живёт попутно с паразитирующего пия. Зариски пияш изготавливают "семейными" парами, которые остаются в стае до вывода молодых жуков, после переливаются. Интересно, что в сарлном потомстве (по раскопкам в Зап. Азербайджане и Афганистане) иногда наблюдаются все возможные варианты абберации пияш. В Киргизии поднимаются в горы до 2400 м абсолютной высоты (Проленко, 1976) и до 2800 м в Афганистане (по unpublished автору).

Изученный материал: 200 экз. из России, Кавказа, Средней Азии, 80 экз. из Ирана и Турции, 50 экз. из Афганистана.

8. ПОД СHROMITIS LANSBERGE

Тышовой пияш — *Synchrota fuscifer* Pasq.

Lansberge, 1875: 19; Reitter, 1893: 88; Régnier, 1901: 154; Osyrychka, 1918: 47; Arrow, 1931: 401; Sawczak, 1933: 149; Кавказский, 1937: 111; Janssens, 1937: 152; Вайсман, 1963: 9; Малаева, 1965: 185; Яковлев-Хороши, 1967: 144; Проленко, 1968: 158; Vagstad, 1977: 30; Николаев, 1984: 195, 1987: 75; Martin Piers, 1987: 203.

Личинка. Малаева, 1958: 785.

Биология. Goldschmidt, Malin, 1962: 575.

Тело более или менее удлинённое, параллельное, надкрылья сверху уплощённые. Голова потеревшая, шлицык спереди с двумя выступами и высокой между ними, плечи выступающие вбок, за контуры головы. Лобный щель-простой или с бугорком посередине, с бовою сосиской в мезантальных шлицевых пшампи, на наличие которых короткой дополнительной щель. Теневой щель имеет вид слабо приподнятого бортика по заднему краю головы. Базальный членок булавки усиков зашифрован, почти полностью охватывает остальные членки. Основание переднеспинки полностью овальное, в середине с 2 четкими базальными ямками. Шхоток относительно большой, удлинённый треугольной или копьевидной, иногда с закруглённой вершиной.

Надкрылья с двумя большими ямками: ямкой эпиплевры и на 9-м мезоэплевры (верхняя ямка), посередине ямкой укороченной двойной. Пятниды на основаниях огаймлен. Подкрыльевой борозды.

Лобный щель-простой или с едва заметными бугорком посередине, у самки с маленьким третьим зубцом посередине (без него самца очень длинные, лишены вершинной шпорок). У самки передние ямки шпорок с вершинной шпорок и пахаров. Топеки и бедра без дополнительных зубцов и выростов.

Гениталии самца: парамеры длинные, иногда длиннее базального склерита, полуцилиндрические, вентрально уплощённые, без верхних отростков и слабо склеротизированных пластинок.

Отраска наших видов двух типов: либо почти чёрная, часто со слабым металлическим отливом, либо дорозоватая, с пестрым "кварцитовым" надкрыльями.

Распространение. Арктический район: Арктика, северная часть Средней Азии, Среднеазиатский, высокая юг России, Украину, Кавказ, Среднюю Азию, Монголию и Иран, обширнейший 12 видов и южно-африканский с 10 видами.

В России, Украине, Кавказе и Средней Азии известны 6 видов. Наши виды были реинтродуцированы в 1937 г. А. Кавказским, который свел в синоним или в подвид несколько ранее описанных форм и сократил число параллельных видов, состоящих из микотипических прилгий или копьевидных "больших копьевидных видов, состоящих из микотипических прилгий типа работы. Если для микотипических больших видов группа *Ch. hungarica* Herbst (*Ch. zimmeri* Mosch., *Ch. rufipennis* Mels.), ещё можно сомневаться в их видовом статусе, то объединение *Ch. fuscifer* Rossi с *Ch. haroldii* Ball. вызывает несомненно: они различаются не только по гениталиям самца, но и по рандомной направленности развития вторично-полюсовых признаков. Дополнительную путаницу в систематике рода внесла и работа Мартина Пьера (Martin Piers, 1987). Формы Кавказского отряда ещё непереведены и поэтому в ряде видов ставятся *Ch. hainzeri* Reitt. и *Ch. sandneri* Lamb., а

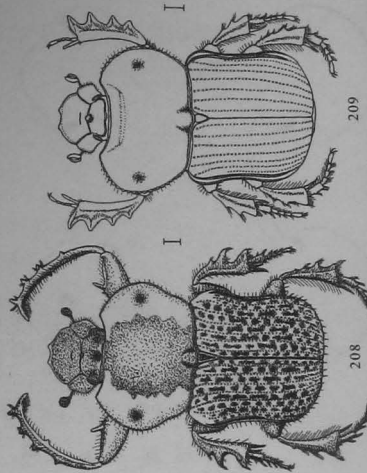

Рис. 200-201. *Chironitis*, общий вид сверху: 200 — *Ch. zimmeri* Mosch, самец; 201 — *Ch. haroldii* (Ball.), самка.

Его призвание

Под таким заголовком был опубликован мой очерк в газете «Вечерний Ленинград». С крупной фотографией Олега Николаевича Кабакова.

Как все произошло?..

По заданию редакции я отправилась на Васильевский остров, во ВСЕГЕИ. Огромный вестибюль с колоннами, широкая светлая лестница. Все масштабно, впечатляет.

Меня принял директор Е. Т. Шаталов. Расспросил, кто я, что, откуда, зачем. «А знаете, у нас есть человек, о ком надо писать... Олег Николаевич Кабаков». На месте его не оказалось. Кто-то предложил поводить меня по институту. Строгая эlegantность музея, библиотека, светлая балюстрада, портреты выдающихся геологов на стенах зала Ученого совета... Я не скрывала восторга.

— А вот и сам герой! — мой спутник устремился к идущему навстречу человеку.

Плотный, широкоплечий мужчина, приветливое лицо, негромкий голос, необычайной синевы глаза. Несколько смущенный. Дело в том, что тогда за ним гонялись газетчики. Геолог, известный открытием многих месторождений! Недавно получивший Ленинскую премию! Автор многих печатных трудов по энтомологии!

Понятно, что он не слишком много говорил, тем не менее, на вопросы отвечал доброжелательно и не скудно.

Я собиралась с ним созвониться и еще увидеться. Не удалось. Встреча не состоялась.

Правда, в тот памятный день меня познакомили с его друзьями и коллегами. Сколько прекрасных слов я услышала о нём!

Его старший наставник З. В. Сидоренко — начальник партии. С ней еще совсем юный Олег отправился в свою первую экспедицию на Дальний Восток: «Пришел к нам устраиваться на работу. Мальчишка, худющий, в чем душа! Ну, куда я его возьму? Ладно — думаю... А парень оказался золотой!» Потом были новые и новые полевые сезоны и каждый давал ему несказанную радость общения с природой во всех ипостасях, будь то камни, или жуки, или звезды и облака. Геология и энтомология поглощали его без остатка.

Сорок лет службы во ВСЕГЕИ — это неутомимые поиски, новые месторождения и энтомологические находки.

Меня тогда особенно интересовали события, связанные с его Ленинской премией. Из скупого его рассказа поняла, что это была награда за открытие в одном из районов Дальнего Востока крупного месторождения олова.

...Шли дни и недели, километр за километром. По прогнозу там, именно там, должен быть касситерит (олово). Но пока в полевом дневнике однообразные записи: «Нет. Нет. Не обнаружено». Завтра, послезавтра — новые маршруты. И опять — пусто. И погоды нет. Над головой тучи без просвета. Изнурительный морозящий дождь. Где он, касситерит?.. И вот как-то на исходе дня сквозь плотную мглу вдруг прорвался шальной солнечный лучик. Всего на несколько секунд! Что-то сверкнуло в камнях. Неужели?..

Оставалось все проверить и перепроверить. Результат оказался ошеломляющим — найдено богатейшее месторождение.

По праву первооткрывателя Олег Николаевич дал месторождению название Солнечное, и в шутку, и всерьез. В память о том секундном солнечном лучике, случайно высветившем касситерит.

О. Н. Кабаков прошел длинный путь в геологии от коллектора до старшего научного сотрудника. Диплома он так и не получил. Но это лишь формальный знак. Порой за дипломом нет ни личности, ни специалиста. А об Олеге Николаевиче говорят, что редкий геолог знает камни, как он, до тонкости изучил сложнейшую оптику, микроскоп. Ему принадлежат интереснейшие находки жуков, богатейшая его коллекция давно уже известна ученым не только отечественным, но и зарубежным.

Кто-то из коллег заметил: «Он человек особой стати. Везет ему на месторождения».

Говорят о его недюжинной работоспособности, железной воле, редкой памяти. Может быть, эти качества и есть составляющие везенья?..

Прошло без малого тридцать лет, как случилась наша встреча с Олегом Николаевичем. Давным-давно забыли друг друга.

Но как неожиданно порой пересекаются людские пути. Я теперь работаю в издательстве ВСЕГЕИ. На мой письменный стол на днях легла рукопись книги Олега Николаевича Кабакова.

Вот и еще одна встреча! С человеком яркой и увлекательной биографии.

Но теперь о нем все расскажет сама книга.

В. Гинцбург

О моем друге

С выдающимся исследователем природы Олегом Николаевичем Кабаковым, лауреатом Ленинской премии, кавалером ордена Ленина и высокой награды Вьетнама («Свидетельство о личном приеме у Хо Ши Мина») я познакомился, когда в 1959 г., после окончания Горного института, вылетел на полевые работы в Амурскую область, поселок Большой Невер, где располагалась база Ленинградской экспедиции Дальневосточного геологического управления. Меня зачислили геологом в поисковый отряд, начальником которого был Олег Николаевич, уже прославившийся открытием крупнейшего месторождения касситерита Солнечное в Комсомольском районе. Проработав вместе один сезон, мы на всю жизнь остались хорошими друзьями.

Наш отряд состоял из начальника, двух геологов (М. Н. Афанасов и Ю. И. Стариков) и двух временных рабочих. Олег Николаевич, как обычно, в первую же неделю, с утра до вечера, без обеда, с одной топографической картой в полевой сумке и молотком исходил весь участок к югу от полустанка Улягир, ничего не записывая, делая лишь небольшие заметки на топокарте. Сюда нас направили проверить заявку старателей на наличие киновари в шлихах. С одним из рабочих я мыл шлихи по ручьям, которые протекали среди обширных мерей (кочковатые заболоченные долины на вечной мерзлоте). Ю. И. Стариков руководил рытьем закопущек по бортам ручьев для шлихового опробования делювия склонов и вскоре куда-то уехал. Олег Николаевич, сразу убедившись, что ртутью здесь и не пахнет (видимо, старатели окислы железа приняли за красные песчинки киновари), перевел отряд на проверку заявки, поступившей от минералога экспедиции Я. Н. Васильевой. Якобы геологи просмотрели интенсивный шлиховой ореол давидита и других минералов урана в районе станции Ольдой. Олег Николаевич сам лично промыл шлихи у пешеходного мостика притока р. Ольдой и убедился, что давидит кем-то был насыпан (хороша шутка!..).

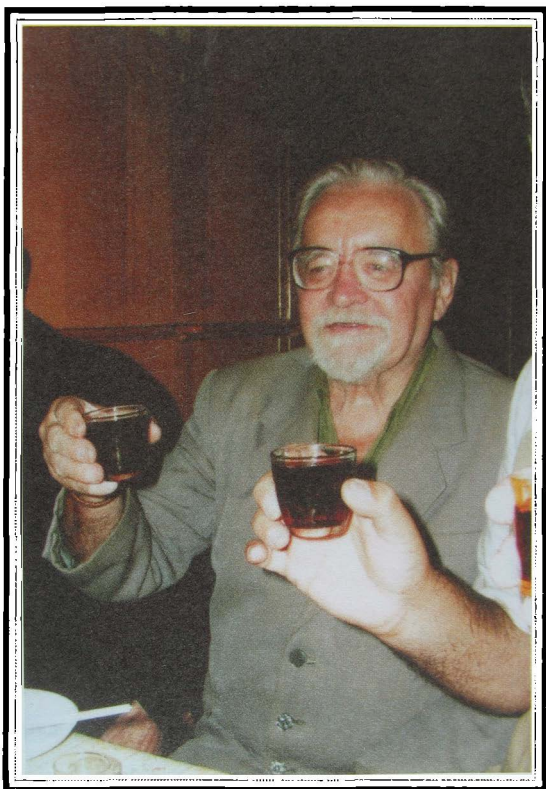
После этого он тут же засобирался на Сихотэ-Алинь ловить жуков. Снова появился Ю. И. Стариков. С нами были разнорабочий при Старикове и канавщик, он же промывальщик.

Жили мы в двух палатках недалеко от станции Ольдой Амурской железной дороги. Олег Николаевич уехал на несколько дней, а мы, день или два проработав, вынуждены были залезть в палатки и не высовываться. Пошел дождь, который летом там мог продолжаться неделями. Олег Николаевич привез деньги и консервы (мы уже сидели без продуктов), а в деревне Ольдой кое-что можно было купить из еды. Наконец, небо очистилось, день был солнечный и радостный. Ю. И. Стариков опять куда-то уехал, а мы с Олегом Николаевичем решили прогуляться по старой приискательской дороге, которая шла по невысокому водоразделу ручьев. В сторону отходить было нельзя, все ручьи после дождей превратились в бурные реки.

Олег Николаевич сразу стал говорить о жуках. Он с Сихотэ-Алиня привез несколько экземпляров гигантских очень редких дровосеков-Каллипогонов, а здесь тут же стал собирать местных жуков. Кажется, весь был поглощен своим делом. Шли мы по песчано-галечному материалу неогеновых отложений. Вдруг он остановился, стал сапогом рыть ямку на дороге в какой-то луже и кричал мне: «Принеси быстрее миску!». Я подумал: «Что за жук, плавунец что ли?» Олег Николаевич промыл материал, задумался и говорит: «Пожалуй, я еще раз съезжу за жуками, а ты задай рабочему шурф на том соседнем водоразделе и пусть промывает каждые полметра, пока золото не пойдет».

Рыть шурф было нетрудно. Валуны превратились в глинистую массу и резались лопатой как арбузы. Остались мы с рабочим вдвоем. Я ушел в маршрут на целый день, а рабочий взял лоток рыть шурф. Вернулся я затемно, а рабочего в палатке нет. Еды никакой, а есть так хочется. Заварил остатки ячневой крупы («шрапнели»). Уже около полуночи появился рабочий и тоже голодный, злой и без ногтей на руках. По нашему указанию он рыл шурф и промывал. С глубины 2,5 м появилось золото, дальше — больше. Захватила золотая лихорадка, но уже стемнело. На радостях он выкинул кайлу и лопату наверх и начал выбирать сам, а стенки шурфа все время обваливаются. Руками стал делать ступеньки, через несколько часов еле выбрался — золото пошло хорошее, но на глубине 3,5 м и глубже. Наелись мы полусырой каши, подобрали, разобрались, но ночью сильно вздулись животы и было не до сна. На следующий день я пошел посмотреть, как идет проходка шурфов, а там из шурфа на 2 м уже торчал толстый шест. Вчерашний урок даром не прошел.

Но кто надоумил Олега Николаевича разрыть лужу на дороге и указать место, где надо шурфы проходить? Примерно так же, экспромтом, были открыты Солнечное и другие месторождения, как бы между делом и ловлей жуков. Это интуиция, наблюдательность и постоянная аналитическая работа

Празднование 75-летия
Олега Николаевича Кабакова
11 сентября 2003 г.

мозга. Не всем это дано. Олег Николаевич натуралист, геолог, как говорится, от Бога.

В общении он очень милый, добрый человек с безобидным юмором. Его любознательность заразительна. Всем знакомым геологам он давал баночку, хлороформ-морилку, инструкцию, где и как собирать жуков. Коллекции насекомых к нему стекались со всех концов СССР, и не только.

У О. Н. Кабакова не было никакого диплома, даже свидетельства об окончании десятилетки. Ему это было неинтересно, да и жалко было на это тратить время.

Память у него столь же несравненна, как и его целеустремленность и увлеченность.

Труды по энтомологии он читает на многих европейских языках, ряд статей написал по-английски. Он на латыни знает

не только весь мир насекомых вообще, уж не говоря о жуках, но все растения, где обитали насекомые. Географические схемы СССР рисовал по памяти. Во ВСЕГЕИ палеонтологи просили его править латинские названия перед тем, как отдавать работу в печать.

А в геологии ему нет равных по части знания месторождений редких металлов, особенно олова.

М. Н. Афанасов

Оглавление

Вместо предисловия	5
Детство	7
Эвакуация в Новосибирск	18
Возвращение в Ленинград	28
Мой путь в геологию	31
Я — геолог	39
Открытие Солнечного и Комсомольского рудного района	53
Вьетнам	81
Перед Афганистаном	129
Афганистан	140
Лаос	158
Настоящий натуралист	163
Его призвание	169
О моем друге	171

Олег Николаевич Кабаков

С МОЛОТКОМ И САЧКОМ

Записки геолога и энтомолога

Редактор *В. И. Гинцбург*

Художественный и технический редактор *С. В. Щербакова*

Верстка *С. В. Щербаковой*

Подписано в печать 13.03.08. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Печ. л. 11. Уч.-изд. л. 12,9. Тираж 300 экз.
Зак. № 80000151.

Всероссийский научно-исследовательский геологический
институт им. А. П. Карпинского (ВСЕГЕИ)
199106, Санкт-Петербург, Средний пр., 74
Тел. 328-87-85. Факс 328-90-47. E-mail: karta@mail.wplus.net

Отпечатано на Картографической фабрике ВСЕГЕИ
199178, Санкт-Петербург, Средний пр., 72. Тел. 328-91-90, факс 321-81-53

*На первой странице обложки окрестности г. Солнечный.
На четвертой странице обложки вид горняцкого г. Солнечный.
Фото А. Хейфица.*

© Издательство «Планета», Москва, 1975 г.